

СМЕТИС

№ 1 январь 1977

СВЕТОНОШАЯ
ПЕСНЯ
ПАЛЕХА

«...Отвага Ильича — она была молода. Он был молод в свои 53 года и остался бы молод, сколько бы ни прожил на свете. Молод и ленинизм — от него веет мировой молодостью, веет колоссальным будущим впереди и безудержной молодой отвагой.

И если Ильич молод, то и молодежь должна быть «ильичевой» молодежью. Она должна проникнуться не только этой его заразительной и родной для нее молодостью, но и мудростью Ленина, и осмотрительностью, и умением делать выводы из седой культуры, приобретенной столетиями. И когда это все в ней соединится, тогда она станет достойной Ильича...»

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

25 января 1924 года

ХРОНИКА

Часть первая

Владимир ДЕСЯТЕРИК

ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ.

Год 1917-й

В ночь на 27 октября (9 ноября) В. И. Ленин в беседе с первым наркомом просвещения А. В. Луначарским, коснувшись проблем строительства высшей школы в молодой Советской республике, заметил: «...Всемерно надо позаботиться о расширении доступа в высшие учебные заведения широким массам, прежде всего пролетарской молодежи...»

Не ранее 10 — не позднее 14 (23—27) ноября Владимир Ильич получает письмо от семнадцатилетнего солдата-добровольца 3-й роты ружейно-пулеметного батальона Петропавловской крепости А. Жужгова с просьбой об освобождении его от военной службы и предоставлении возможности учиться. Военному ведомству тут же дается поручение: «Прошу исполнить просьбу, если возможно».

14 (27) ноября Владимир Ильич получает телеграмму Киевского Социалистического Союза рабочей молодежи. В ней содержалось требование издать декрет о праве выборов в Учредительное собрание с восемнадцати лет. Просьба студентов была вызвана тем, что, согласно положению о выборах, к голосованию допускались лишь лица, достигшие двадцатилетнего возраста. Поскольку выборы в Учредительное собрание к тому времени уже начались, В. И. Ленин отвечал в телеграмме студентам: «Технически невыполнимо».

Между 14 и 20 ноября (27 ноября и 3 декабря) Владимир Ильич, принимая ходяков от крестьян двух волостей Новгород-Северского уезда Черниговской губернии и расспрашивая их о жизни односельчан, интересуется также, в частности, тем, доверяет ли деревня молодежи.

20 ноября (3 декабря) Владимир Ильич подписывает «Декрет о роспуске государственного комитета по народному образованию». В состав вновь создаваемого комитета включается представитель Петроградского комитета социалистической молодежи с такой оговоркой: «Впредь до создания Всероссийской организации».

В ноябре Владимир Ильич предлагает Д. А. Лазуркиной заняться организацией дошкольного воспитания ребят в республике. В ходе этой беседы, состоявшейся в Смольном, В. И. Ленин, как свидетельствует в своих воспоминаниях Д. А. Лазуркина, сказал:

— ...Трудно это, очень трудно. Но ведь все, что мы делали до сих пор, — революция, пролитая кровь, — ведь все это в конце концов для наших детей, для нашего народа. Им довершать начатое, им строить коммунизм. Детей надо начинать воспитывать в коллективе с самых малых лет. Это важно, необычайно важно... Помните, все лучшее, что у нас есть, — детям! Мы, взрослые, можем и поголодать, но последнюю щепотку муки, последний кусок сахара отдадим детям...

Осенью Владимир Ильич встречается с представителями Путиловского завода, поддерживает их начинание об организации при заводской школе детской художественной студии. Узнав, что в отделе народного образования рабочим предложили подождать с реализацией этого предложения, так как страна переживает серьезные трудности, В. И. Ленин, вспоминая А. А. Фомин, решительно не согласился с такими доводами.

— Вы слышите, что путиловцы хотят? — обратился товарищ Ленин ко всем, кто был в его кабинете. — Они хотят создавать свою трудовую интеллигенцию, а им говорят: «Подождите годик!» Никаких промедлений, студию надо организовать!

Владимир Ильич тут же созванивает-

Ровно три десятилетия отделяют в ленинской биографии победный Октябрь семнадцатого от студенческой сходки в Казанском университете в начале декабря 1887 года. Тогда семнадцатилетний Владимир Ульянов впервые заявил о себе как о революционере...

Совсем юным встал он на путь жесточайших классовых битв. Многие из его тогдашних соратников также были очень молоды. И, кто знает, может, именно оттого, что со столь ранней поры он сам сознательно решил посвятить себя борьбе за торжество благородных идеалов людей труда, В. И. Ленин всю свою жизнь, через нелегкую судьбу профессионального революционера пронес это счастливое чувство — непреходящую веру в молодежь.

«Молодость... он сохранил до конца своей жизни», — заметит как-то один из ближайших сподвижников Владимира Ильича, П. Н. Лепешинский.

Проникновенные, точные слова для объяснения этого «удивительного чуда — ленинского понимания молодости» — находим и в одной из статей Е. Д. Стасовой. «Само дело революции, дело Ленина, — говорила она, обращаясь к юношам и девушкам, — дело молодое, новаторское, не терпящее неподвижности, чиновничества, трусливого преклонения перед догмой. Дело идеально чистое и высокое в своей правде. В нем можно и должно утолить юношеский романтизм и максимальность требований к жизни. В нем можно обрести себя во всей полноте и силе. Оно может потребовать и вправе требовать подвига — этой кульминации молодости».

В ответ на упрек одного оппортуниста, который сетовал по поводу того, что в большевистской партии преобладает рабочая молодежь, Владимир Ильич приводил полемические строки Фридриха Энгельса: «Разве не есте-

ственно, что у нас, партии революции, преобладает молодежь? Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь». И дальше В. И. Ленин добавляет: «...предоставим лучше кадетам подбирать «уставших» старцев в 30 лет, «поумневших» революционеров и ренегатов социал-демократии. Мы всегда будем партией молодежи передового класса!»

С первых же дней существования Республики Советов В. И. Ленин проявляет отеческую заботу о подрастающем поколении, его воспитании и образовании, о подготовке к активному участию в построении нового общества. Ленинская речь перед делегатами III съезда РКСМ, произнесенная 2 октября 1920 года, по праву стала боевой программой для всех поколений советской молодежи, активно участвующей в коммунистическом строительстве.

Помимо выступления на комсомольском съезде, В. И. Ленин сотни раз обращался к животрепещущим проблемам, волновавшим в первые послеоктябрьские годы молодых людей, подростков, детей. В его теоретических трудах, в переписке, в исторических документах, мемуарах видных деятелей партии и Советского государства, международного коммунистического движения, ветеранов комсомола, в архивных материалах и в периодике тех лет содержится огромное количество свидетельств неустанным внимания главы первого в мире государства рабочих и крестьян ко всему, что касалось жизни, борьбы и учебы молодежи. В предлагаемом документальном репортаже эти материалы собраны воедино, чтобы читателю легче было представить в совокупности как можно более полную картину ленинских контактов, встреч, бесед с представителями молодого поколения.

Итак, начинаем документальный репортаж — от факта к факту...

В. И. ЛЕНИН НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНОВАНИЯ 2-Й ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЯ. МОСКВА, 7 НОЯБРЯ 1919 ГОДА. Кинокадр.

ся с отделом народного образования и категорически настаивает: «К вам придут рабочие-путиловцы — дайте им все, что нужно».

Через короткое время на Рижском проспекте (ныне проспект Огородникова) для первой в стране детской музыкальной школы был подобран хороший особняк с садом. Прошло еще несколько месяцев, и более 150 детей из рабочих семей начали учиться там музыке.

11 (24) декабря Владимир Ильич председательствует на заседании Совнаркома, на котором обсуждался вопрос об ускорении проведения в жизнь отделения церкви от государства и переходе церковноприходских школ в ведение Наркомпроса. В тот же день он подписывает постановление Комиссариата по народному просвещению, в котором го-

ворится, что дело воспитания и образования передается из духовного ведомства в ведение Наркомпроса.

11 (24) декабря Владимир Ильич председательствует на заседании Совнаркома, где обсуждался вопрос о передаче здания Дворянского собрания в Петрограде в пользование «Всемирного христианского союза молодых людей» для организации центрального клуба.

14 (27) декабря по просьбе одного из руководителей шведского революционного юношества, Ц. Хёглунда, Владимир Ильич пишет статью «За хлеб и за мир» для журнала «Интернационал молодежи» (орган Международного союза социалистических организаций молодежи).

Не ранее 17 (30) декабря ученица 3-го нормального класса Красноярской губернской женской гимназии Женя Замощина написала В. И. Ленину письмо. «Вы большевик, и я тоже большевичка.— сообщила она. И продолжала:—...Я Вас прошу написать нашей гимназии предписание, чтобы у нас не был обязательным закон божий, так как наша гимназия буржуазная и она потому не изволила с самого начала сделать закон божий обязательным. Я очень и очень Вас прошу написать...»

Ознакомившись с этим посланием, Владимир Ильич поручает ответить своему юному адресату. Е. М. Замощина впоследствии вспоминала: «Письмо к Ильичу я отправила в декабре 1917 года.

И вскоре, к моей большой радости, пришел ответ. По поручению Владимира

Ильича сообщалось, что с победой революции в учебных заведениях будут новые порядки: церковь отделяется от государства».

Е. М. Замощина свидетельствует, что к письму был приложен текст правительственного декрета. Очевидно, что речь идет о подписанном В. И. Лениным в декабре 1917 года постановлении Комиссариата по народному просвещению о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Наркомпроса, которым воспитание молодого поколения ограждалось от вмешательства церкви, а возможно, также о декрете Совнаркома от 20 января (2 февраля) 1918 года об отделении церкви от государства и школы от церкви.

18 (31) декабря Владимир Ильич совместно с Я. М. Свердловым подписыва-

Наша обложка:
«ЖАР-ПТИЦА».
Работа выполнена
специально для
«Смены»
лауреатом премии
Ленинского комсомола
палехским художником
Алексеем КОЧУПАЛОВЫМ.

ет декрет ВЦИКа и Совнаркома, которым определялись права и обязанности детей, их отношение к родителям, а также отношение родителей к детям.

ствия. Желаю успеха. И передайте привет эстонским товарищам!
Он крепко пожал мне руку...»

Год 1918-й

4 (17) января Владимир Ильич беседует с представителями «Всемирного христианского союза молодых людей» Р. М. Стори и другими. Из письма Стори к жене от 5 (18) января 1918 года: «Насколько мне приходилось иметь дело с членами нынешнего правительства, я всегда встречал с их стороны вежливый, обходительный прием и обязательное отношение. В результате их дружеских усилий и желания помочь мне вчера вечером я встретил г-на Ленина». Стори рассказывает дальше: один из соотечественников сообщил ему, что в Смольном должен был выступать Владимир Ильич. Однако, прибыв туда, «мы обнаружили, что его выступление совсем не предполагалось, но нас тем не менее ему представили и мы имели с ним короткий разговор». Спустя несколько дней, 29 января, в письме из Стокгольма Стори вновь сообщает, что он «имел краткую встречу с Лениным», о которой, как он писал, «я расскажу более подробно по возвращении». К сожалению, других свидетельств об этой встрече и о характере разговора не сохранилось.

4 марта Владимир Ильич в записке Феликсу Дзержинскому дает характеристику своему бывшему секретарю, уволенному за недостойный проступок, и в конце добавляет: «Сидоренко говорит мне, что он глубоко покаялся. И я лично склонен вполне верить ему; парень молодой, по-моему, очень хороший. К молодости надо быть снисходительным».

4 апреля Владимир Ильич делится с наркомом просвещения А. В. Луначарским мыслями о плане монументальной пропаганды.

«Давно уже передо мной носилась эта идея, которую я вам сейчас изложу,— сказал Ленин.— Вы помните, что Кампанелла в своем «Солнечном государстве» говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естественной истории, возбуждают гражданское чувство— словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же...»

1 мая статья В. И. Ленина «За хлеб и за мир» публикуется в одиннадцатом номере издаваемого в Цюрихе на немецком языке журнала «Интернационал молодежи».

Не позднее 15 мая во время традиционного праздничного собрания в Стамбульском университете одним из студентов было предложено присудить Нобелевскую премию «за наибольшие труды в области осуществления мира» В. И. Ленину. Несмотря на враждебное отношение буржуазной профессуры, это предложение студенты встретили громом аплодисментов. В зал, где проходило собрание, торжественно внесли портрет В. И. Ленина и плакат: «Да здравствует отец всех угнетенных и кумир всемирного мира Ленин!»

Между 16 и 30 мая Владимир Ильич знакомится со следующим обращением А. В. Луначарского в Малый Совнарком: «Покорнейше прошу Малую комиссию Совнаркома ввиду сильного голода среди детей Петрограда в срочном порядке рассмотреть настоящее ходатайство». Речь идет о ходатайстве делегации работников культурно-просветительных учреждений при районных Советах Петрограда. Она предлагает организовать при летних детских площадках в Петрограде питание для голодающих детей города. В посещении этих площадок по их приблизительному расчету нуждались 23160 детей от 3 до 12 лет (1/15 часть всех детей города). Стоимость питания ребенка один раз в день, исходя из опыта работы в детских питательных пунктах, расценивалась в один рубль, а поэтому на три с половиной месяца делегация просила выделить 2431800 рублей. В. И. Ленин на обороте ходатайства сделал надпись: «Москва, Государственная Комиссия».

Из письма А. В. Луначарского секретарю Совнаркома Н. П. Горбунову от 26 июня 1918 года можно заключить, что было принято положительное решение по этому вопросу. «Покорнейше прошу Вас,— писал Анатолий Васильевич,— не только позаботиться о том, чтобы прилаемое ходатайство, близкое между прочим к сердцу Владимира Ильича, было рассмотрено в Малой комиссии как можно скорее, но и о том, чтобы оно было приведено в исполнение... Мы до сих пор не получили 670000 р., ассигнованных Совнаркомом на июнь месяц для подкорма голодающих детей на наших городских площадках. Умоляю Вас со своей стороны содействовать возможно скорейшему переводу соответственной суммы...»

9 (22) января Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о комиссиях для несовершеннолетних. «Советская Россия,— читаем в воспоминаниях Н. А. Семашко,— имеет один закон в пользу детей, которого нет во всем мире и которым она справедливо гордится. Это закон о так называемых малолетних правонарушителях, по которому ребенок или подросток, совершивший тот или другой проступок, не передается обычным судам и не заключается в обычные тюрьмы... а передается в комиссию, в числе членов которой имеются педагоги, обязанные вникнуть в условия воспитания данного ребенка, в числе членов которой имеются и врачи... Этот закон был проведен в Совнарком только благодаря энергичной защите его Владимиром Ильичом...»

— Нет детей-преступников,— заметил В. И. Ленин, подписывая этот декрет, сыгравший важную роль в судьбе сотен тысяч лишившихся крова детей, так называемых беспризорников. Большинство малолетних, свернувших с прямого пути, были поддержаны Советской властью и сделались впоследствии честными гражданами.

3 или 4 марта Владимир Ильич встречается в Смольном с заместителем председателя комитета эвакуированных эстонцев молодым журналистом Ю. М. Киппаром. Он особенно интересуется тем, что успела сделать Советская власть в Эстонии на ниве просвещения. «Я рассказал,— вспоминает Ю. М. Киппар,— о работе комиссии по народному образованию Ревельского Совета, в состав которого я входил от фракции большевиков: мы открыли вечерние школы для молодых рабочих, народные дома, создали новые библиотеки, жалованье учителям повысили, закон божий в школах отменили...»

Когда я сказал, что местные Советы заняли под школы многие баронские дома, Владимир Ильич заметил:

— Это временное явление... Потом народ построит новые школы и детей будут учить педагоги, вышедшие из трудового народа!..

Прощаясь, Владимир Ильич поинтересовался моими личными планами. Я сказал:

— Думаю податься в Сибирь, там много наших, из Эстонии, дело мне найдется...

Владимир Ильич улыбнулся.
— Ну, конечно, молодого человека всегда привлекают дальние путеше-

1 К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ. Владимир ДЕСЯТЕРИК. «ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ». Хроника.

3 «ЛИЦО, ПРЕКРАСНОЕ, КАК МИР». УРОКИ ЖИЗНИ. Диалог Маршала Советского Союза И. Х. БАГРАМЯНА и народного артиста СССР А. П. ОГНИВЦЕВА.

5 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ. «ПИСАТЕЛЬ, АКТЕР, РЕЖИССЕР ВАСИЛИЙ ШУКШИН».

9 ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ. «ГЛАВНЫЙ КОНВЕЙЕР». Фотоочерк Леонида ПЛЕШАКОВА и Владимира ЧЕИШВИЛИ.

14 ПРОШУ СЛОВА! «НЕВЕСЕЛОЕ ВЕСЕЛЬЕ». Отклики читателей.

15 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ. Поэма Геннадия СЕРЕБРЯКОВА «СОЛНЕЧНЫЕ КОНИ».

19 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

20 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. «ПАРУСА НАД ЗЕМЛЕЙ».

22 Роман Андрея ЛЕВИНА «ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО».

26 Юлиан СЕМЕНОВ. «ПИРЕНЕИ, ЛЕТО 1976».

29 «НОВАЯ ВДАЛИ ОТ ДОМА». Рассказ Леонида ЖУХОВИЦКОГО.

32 XIX ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. АБАШИН, С. А. АБРАМОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. И. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. И. Смирнов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

ЛИЦО, ПРЕКРАСНОЕ, КАК МИР

**Солист
Большого театра Союза ССР,
лауреат Государственной
и международных премий,
народный артист СССР
Александр Павлович ОГНЕВ**

**Маршал Советского Союза,
Герой Советского Союза,
член ЦК КПСС,
депутат Верховного Совета СССР,
председатель Центрального штаба
Всесоюзного похода
комсомольцев и молодежи
по местам революционной,
боевой и трудовой славы
советского народа
Иван Христофорович БАГРАМЯН**

А. ОГНЕВЦЕВ. Вам, Иван Христофорович, нашему прославленному полководцу, наверное, приходит очень много писем от молодежи. Можно мне на правах вашего близкого друга узнать, о чем пишут вам ваши корреспонденты?

И. БАГРАМЯН. Почта у меня действительно огромная: пишут воины, студенты, школьники, учащиеся ПТУ, рабочие—словом, те, кому сейчас семнадцать—двадцать лет, и чаще всего спрашивают: как я стал маршалом? Как добиться успеха в жизни? Сегодня, когда перед молодыми открыты все пути-дороги, такие вопросы не кажутся странными. Ну, а мне, семнадцатилетнему, тогда, на заре нашего века, и в голову такая мысль не приходила: «Обязательно стану полководцем». Или: «Выучусь на инженера». Да и откуда им, таким мыслям, было взяться? Невзгоды и лишения заставили отца еще юношей покинуть родное село и искать заработка на медных рудниках, а затем стать ремонтным рабочим на Закавказской железной дороге. Там он и проработал более полувека. В гимназию я поступить не мог, потому что за учебу надо было платить 10 рублей золотом, а отец зарабатывал всего 30. Поэтому с малых лет работал в разных местах, помогал отцу с матерью содержать большую нашу семью. А как семнадцать лет в 1914 году исполнилось, записался добровольцем в экспедиционный корпус, на который возлагалась ликвидация германо-турецких происков на территории Ирана. Дрался с турками, дрался отчаянно, жизни не жалел, и командование решило послать меня в школу прапорщиков в Тифлисе. В 17-м командовал кавалерийским эскадронам и

успел отсидеть в тюрьме за революционную деятельность. Вот тогда, кажется, и понял до конца, что правду жизни и справедливость надо защищать с оружием в руках. Когда в 1920-м Советская власть пришла в Армению, я уже не раздумывал над выбором пути—революция определила его сама и навсегда. Человек с ружьем позарез нужен был молодой республике. Так по сей день и не снимаю мундира.

А. ОГНЕВЦЕВ. Буденный рассказывал, что вы даже в минуты отдыха не любите надевать гражданскую форму...

И. БАГРАМЯН. Не то чтобы не любил. Просто так уже к армейской привык, что и не представлял себя в другом обличье. Даже будучи накануне войны старшим преподавателем Академии Генштаба, никак не мог смириться со своим положением горожанина—тянуло в войска... И тогда я решил написать командовавшему в то время войсками Киевского округа Г. К. Жукову, с которым мы в 1924—1925 годах вместе учились в Ленинграде, в Высшей кавалерийской школе. Кстати, в одной с нами группе учились тогда Рокоссовский, Еременко и другие командиры, ставшие впоследствии выдающимися полководцами. Вспоминаю, как в свободное время мы с удовольствием сражались на саблях и эскадронах, принимали участие во всевозможных конноспортивных соревнованиях. Фигурная езда, конкур-иглик, гладкие скачки, стиль-чез—всем этим наша четверка владела в совершенстве, и трудно было отдать кому-нибудь предпочтение.

Правда, в фехтовании на эскадронах первенствовал Рокоссовский. Жукову и мне частенько приходилось туго. Зато на саблях кое-кого я «сносил»... Да, так вот написал я Г. К. Жукову письмо: «Вся армейская служба прошла в войсках, имею страстное желание возвратиться в строй... Согласен на любую должность». Георгий Константинович очень верно понял тогда мое моральное состояние. По его ходатайству я был назначен начальником оперативного отдела штаба 12-й армии.

А. ОГНЕВЦЕВ. Вот вы, Иван Христофорович, рассказываете о суровом детстве, о том, что 1917 год вы встретили сознательным революционером. Я родился позже вас, уже в наше, советское время, но детство мое пришлось как раз на пору послевоенной разрухи и голода. Единственные портки изнашивал до дыр, сам латал их и снова носил до тех пор, пока они не превращались в лохмотья. А вот несколько лет назад, будучи на гастролях в Нью-Йорке, заметил: что-то уж очень много шатаются молодых людей в заплатках. На коленях—заплата, сзади—еще две, на локтях курток—тоже. Оказалось, такова мода! Ну, думаю, вас бы, голубчиков, хоть на недельку окунуть в мое детство, узнали бы тогда, что такое настоящие заплатки.

Я так же, как и вы, Иван Христофорович, когда вспоминаю свое детство, думаю прежде всего об отце. Вот уж кто трудился всю свою жизнь не покладая рук! Отец—ему сейчас под девяносто, коммунист с пятидесятилетним стажем—с малых лет прививал мне любовь к труду. Он работал

машинистом на паровозе, и я ему помогал: кидал уголь в топку, чистил механизмы управления, смазывал золотники... Отец всегда поощрял мою самостоятельность, инициативность и доверил мне управлять паровозом лет в десять—двадцать. Я от счастья не знал, куда деться. Позднее, в дни Отечественной войны, будучи старшим диспетчером железнодорожной связи в Уссурийске, я всем своим существом ощутил огромную пользу отцовских уроков. Работал сутками без сна, забывал подчас поесть—и ничего, не думал об отдыхе. Однажды, помню, вышли из строя перепускные клапаны на маневровом паровозе. Промедлить с ремонтом—значит нарушить график прохождения на запад воинских эшелонов. Что делать? Бросился помогать дежурной бригаде. Старший машинист удивленно вскинул брови: откуда, мол, такой шустрый? А я паровоз как свои пять пальцев знал. Ну, и починили, дело-то привычное. После этого усталость и бессонница валили с ног, хотелось расслабиться хоть на час, а что-то внутри говорило: ты отвечаешь за каждую минуту промедления перед тысячами бойцов. И вот теперь, спустя десятилетия, оглядываясь частенько на свою трудную юность, я, должен вам признаться, иногда весьма критически смотрю на встречающихся, к сожалению, сытых, ухоженных, самодовольных, безынициативных молодых парней, которым в семье не привили любви к какому-то делу, к людям, чей труд дал им возможность получить образование, встать крепко на ноги и не думать, как мы с вами в юношеские годы, о куске хлеба.

И. БАГРАМЯН. Такие экземпляры встречаются, конечно, Александр Павлович, но их мало. И, как говорится, не они делают погоду. Многие годы являясь членом комиссии по делам молодежи Совета Национальностей Верховного Совета СССР, а также председателем Центрального штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, я часто бываю в армейских частях, среди студентов, учащейся молодежи, на Всесоюзных ударных комсомольских стройках. И всюду я становился свидетелем того, как молодые показывают поистине ленинские образцы труда, дисциплинированности, организованности. Так что, поверьте, наша смена умеет работать, и работает здорово. А уж о широте познаний двадцатилетних юношей и девушек, их эрудиции в различных сферах общественной и духовной жизни и говорить нечего. В этом смысле им могут позавидовать не только бывшие лихие конники Буденного, но и бывшие рабфаковцы и те безусые командиры, что стояли насмерть у стен Москвы, Сталинграда, Бреста, Киева, Ленинграда...

Да у меня у самого внук и внучка такого примера возраста. Люблю, когда они приезжают ко мне со своими друзьями, коллегами. Глажу я на них и вижу, что им многое по силам.

А. ОГНИЦЕВ. Все это верно, Иван Христофорович, и я согласен, что молодежь наша в целом замечательная, трудолюбивая, смелая, решительная. Но вот мне, деятелю культуры, чаще, наверное, чем другим, бросаются в глаза молодые люди, страдающие, скажем, отсутствием внутренней культуры, воспитанности, равнодушно относящиеся к своим обязанностям. Вот вам пример.

Летом Большой театр гастролировал в Ленинграде, и я, как всегда, по традиции, поехал на машиностроительный завод, чтобы встретиться с рабочими, выступить перед коллективом, помочь, если потребуется, заводской самодеятельности. После концерта пошел по цехам. К концу смены уже собрался было уходить, как вдруг вижу: станок работает, рабочего около него нет, а деталь обрабатывается. Присмотрелся, что-то, думаю, обороты малы. Заглянул в технологическую карту. Так и есть, явно занижена скорость резания, не тот режим! Встал сам за станок и принялся за работу. Полчаса, наверное, прошло, прежде чем появился хозяин станка—паренек лет двадцати. Спрашиваю: «Ты где был?» Молчит. Потом выяснилось: пошел в кладовую за инструментом, встретил друга, футбольного болельщика. Накануне как раз «Зенит» проиграл. Ну, они и давай вздыхать да охать, перемывать косточки футболистам. Про работу и позабыли.

Я сам болельщик и понимаю: спорт предполагает эмоции, волнует, накаляет страсти. Я тоже ужасно переживаю, когда наша сборная по хоккею проигрывает международные матчи, даже телевизор выключаю. Ну так что ж, бросать из-за этого все—работу, домашние дела, книги—и ходить неделю в трауре?! Нет, спорт спортом, а работа работой.

И. БАГРАМЯН. Что же вы сказали тогда тому токарю?

А. ОГНИЦЕВ. То, что обязан был сказать как старший младшему, открыто, по-рабочему... Сказал, что не могу смотреть сквозь пальцы на безответственность. Двадцать лет—возраст солидный, и мы должны спрашивать с двадцатилетних так же, как спрашиваем с себя,—по самому большому счету.

И. БАГРАМЯН. Иногда молодые люди забывают об ответственности, самостоятельности по той простой причине, что старшие слишком усердствуют в опеке. Вплоть до того, что в армии иной солдат считает, что за него при всех обстоятельствах (подчеркиваю—при всех!) обязаны думать командиры, и не проявляет самостоятельности. А ведь в боевых условиях нередко складывается такая обстановка, что и спросить некого: что делать, как найти правильное решение?

Так что, я думаю, когда мы чересчур опекаем, поучаем молодых людей в каком-то важном деле, мы тем самым волей-неволей прививаем им безволие, способность тому, что у них появляется нежелание даже в мало-мальски значительном деле проявить личную инициативу с полной и безоговорочной ответственностью за результат.

А. ОГНИЦЕВ. Владимир Ильич Ленин, человек, у которого все мы учимся жизни, придавал огромное значение личной ответственности каждого лица за точно определенное дело. Ответственность и сегодня—наиважнейшее нравственное качество, необходимое каждому человеку. Ответственность в любом деле, на любом месте, при любой должности. Вы военный человек, и уж кому-кому, а вам доподлинно известно, что это такое—ответственность.

И. БАГРАМЯН. Недавно я закончил работу над двумя книгами воспоминаний. В одной из них я описываю эпизод, который, думаю, проиллюстрирует вашу мысль об ответственности. Во второй половине апреля 1943 года меня, командовавшего в ту пору 11-й гвардейской армией Западного фронта, ознакомили с замыслом наступательной операции по разгрому крупной группировки гитлеровских войск в районе Орла. Чем больше я вникал в план, тем яснее видел уязвимые места в наметках построения этой стратегической операции. По своему боевому опыту я знал, как трудно организовать взаимодействие двух соседних армий, выполняющих одну оперативную задачу, но входящих в состав разных фронтов. А ведь 11-й армии в предстоящей операции надо было взаимодействовать с главными силами двух фронтов—Брянского и Центрального. Реальный расчет и анализ сложившейся обстановки подсказывали, что в плане проведения операции был допущен ряд ошибок, которые следовало бы устранить. Свои соображения я доложил командующему фронтом, но они оказались ему недостаточно убедительными. Не убедил я и заместителя начальника Генштаба генерала А. И. Антонова. Вскоре нас вызвали в Ставку. Совещанием по планированию орловско-курской операции руководил Сталин. Я сидел как на иголках. Ведь если Верховный одобрит, на мой взгляд, неудачный план, то апеллировать будет уже не к кому. Антонов доложил согласованный с командующими трех фронтов план операции, который казался настолько приемлемым и правильным, что присутствующие уже начали сворачивать карты. Вдруг Сталин спросил: «Все ли согласны с данным решением?» Я попросил слова и изложил свою точку зрения. Сталин внимательно слушал, долго изучая карту, вынул изо рта трубку, неторопливо разгладил усы и очень спокойно сказал: «А ведь Баграмян дело говорит. И, по-моему, с его предложением нужно согласиться». Я понимал, что в случае неудачи наших войск главным ответчиком быть мне, но, с другой стороны, я был твердо убежден: неудачи не могло быть. Вот почему я отбросил всякие сомнения и принял на себя эту ответственность.

А. ОГНИЦЕВ. Когда ум, сердце, гражданская совесть подсказывают, что только это и есть единственно верное решение, никаких опасений быть не должно. С другой стороны, любое большое, ответственное дело, доверие рождает чувство уверенности в своих силах и возможностях. Вспоминаю свое первое выступление на сцене Большого театра. Я только что закончил Московскую консерваторию, принят в знаменитую труппу и, конечно, о премьерах даже не мечтал. Как-то подходит ко мне главный дирижер театра Николай Семенович Голованов. «Споешь «Хованщину»?»—спрашивает полушутя-полусерьезно. Я ему так же—полушутя-полусерьезно—отвечаю: «Спою». Он рассмеялся: «Посмотрите на этого мальчишку! Уже на «Хованщину» замахивается!» И все-таки не побоялся доверить мне роль Досифея, одну из сложнейших в оперной классике. Шесть месяцев готовил я ее, и вот дебют. Помню, стоял за кулисами ни жив ни мертв. Не знал, в какую руку посох взять. Слышу сзади ласковый голос Антонины Васильевны Неждановой. «Пора, Саша!» Как только вышел на сцену, страх исчез—увидел ободряющий кивок Голованова, стоявшего за дирижерским пультом, его спокойное лицо. Премьера прошла успешно. Так начался мой путь в большом искусстве.

И. БАГРАМЯН. А первый-то все же вас, как певца, заметил не кто иной, как Семен Михайлович Буденный...

А. ОГНИЦЕВ. Да, я его считаю тем дорогим для меня человеком, который оказал решающее влияние на мою артистическую жизнь. Я учился в Кишиневской консерватории, часто выступал перед войсками. И вот однажды к ним в часть приехал маршал Буденный. Зная, что Семен Михайлович очень любит искусство и хорошо в нем разбирается, устроили концерт художественной самодеятельности. Пригласили и меня как бывшего воспитанника этой части. После концерта Буденный попросил представить меня ему. Он тепло поздоровался, поинтересовался, откуда я родом, похвалил и посоветовал: «Вам, молодой человек, в Большом театре нужно петь. Если любите искусство и любите работать—приезжайте в Москву». «Любите работать»—эти два слова он особенно подчеркнул, вскинув вверх указательный палец.

И. БАГРАМЯН. А мне Буденный как-то рассказывал, что ваша певческая биография началась с курьеза...

А. ОГНИЦЕВ. Тогда я еще и не помышлял о серьезном пении. А дело было в Кишиневе, в части, где я служил связистом. Друзья уговорили меня выступить на вечере художественной самодеятельности. Вышел на сцену и... забыл слова, мелодию. Стою, открываю и закрываю рот, а звука нет. Послышались смех, аплодисменты, кто-то захихикал... Подошел конферансье, взял меня за руку и увел со сцены. В тот вечер я поклялся никогда не петь на людях, но все же не выдержал—пошел на прослушивание в консерваторию. С патефонной пластинки выучил арию Руслана из оперы «Руслан и Людмила» и исполнил ее перед комиссией. Самое интересное, что пел я тогда тенором, подражая Козловскому. «Вам, Огницев, нужно петь только басом»,—сказал председатель приемной комиссии и поздравил с зачислением в консерваторию. Потом произошла та памятная встреча с Буденным, после которой я окончательно поверил в себя и поехал в Москву. И вот уже скоро 30 лет, как я пою на сцене Большого театра...

И. БАГРАМЯН. Неужели уже 30 лет? А я ведь отлично помню тот вечер, когда мне позвонил Буденный. «Слушай,—говорит,—появился бас в Большом театре, голосище здоров, а на Шалыпина как похож! И внешность и осанка Федора Ивановича...» Через два дня я поехал в Большой театр слушать вас в «Хованщине».

А. ОГНИЦЕВ. Вот, ей-богу, далась всем эта похожесть. Куда ни приедешь, все так и тычут пальцем: сын Шалыпина! Даже в Италии, где гастролировал не раз, и там не устают повторять: «Бамбино Шалыпино! Бамбино Шалыпино!» Ну что ты будешь делать! Не отрицаю, я хорошо знаком с семьей Шалыпина. И жена его Иола Игнатьевна Торнаги, в прошлом прима-балерина «Ла Скала», и сын Борис, и дочь Марина ко мне относятся чрезвычайно тепло. Всякий раз, когда бываю в Италии, во Франции, знаю: предстоит очередная чудесная встреча с детьми Шалыпина (Иола Игнатьевна не так давно скончалась). Но разве объяснишь каждому, что природа так все устроила сама, без всякого вмешательства Шалыпина...

И. БАГРАМЯН. Мы начали нашу беседу, Александр Павлович, с вашего вопроса ко мне о письмах, которые я получаю от молодежи. Я знаю, что и у вас обширная корреспонденция...

А. ОГНИЦЕВ. Да, мне тоже часто пишут воины, студенты, рабочие, школьники, которые мечтают стать артистами. Молодые люди делятся самым сокровенным, ищут ответы на многие весьма не легкие вопросы жизни, просят поддержки, спрашивают, как стать мастером своего дела. И вы знаете, Иван Христофорович, в этих письмах я явственно и зримо вижу сложное и прекрасное, как мир, лицо нашего молодого современника. Но...—видимо, без этого «но» нам сегодня с вами не обойтись,—к сожалению, встречаются и послания, суть которых сводится к следующему: нечего самому себе создавать трудности, коль можно обойтись и без них. Такие вот рассуждения меня всегда очень настораживают. И на такие письма я отвечаю в первую очередь. Я понимаю: молодежи присущи максимализм, нетерпение. Некоторые молодые—я сам таких в артистической среде хорошо знаю—хотят без приложения каких-либо усилий поскорее увидеть результат и немедленно обрести признание. Сколько их было, таких вот «подающих надежды», «начинающих талантов»! Немногие оказались готовыми к серьезному труду, к лишениям в интересах дела, ради искусства. И потому я считал и считаю: для каждого вступающего в самостоятельную жизнь человека лучше, если судьба поначалу строже, злее, что ли, отнесется к нему. Только тогда он поймет, что жизненные вершины берутся «кровью жил и соком нервов», а не с помощью чьих-то протекций. На своем личном опыте я убедился: истинная радость творческого человека—в неустанном, бесконечном поиске не проторенных никем дорог. Вот почему каждую роль, каждую партию, любое произведение я готовил и готовлю с величайшим наслаждением, даже если они мне доставляют массу хлопот, трудностей и переживаний.

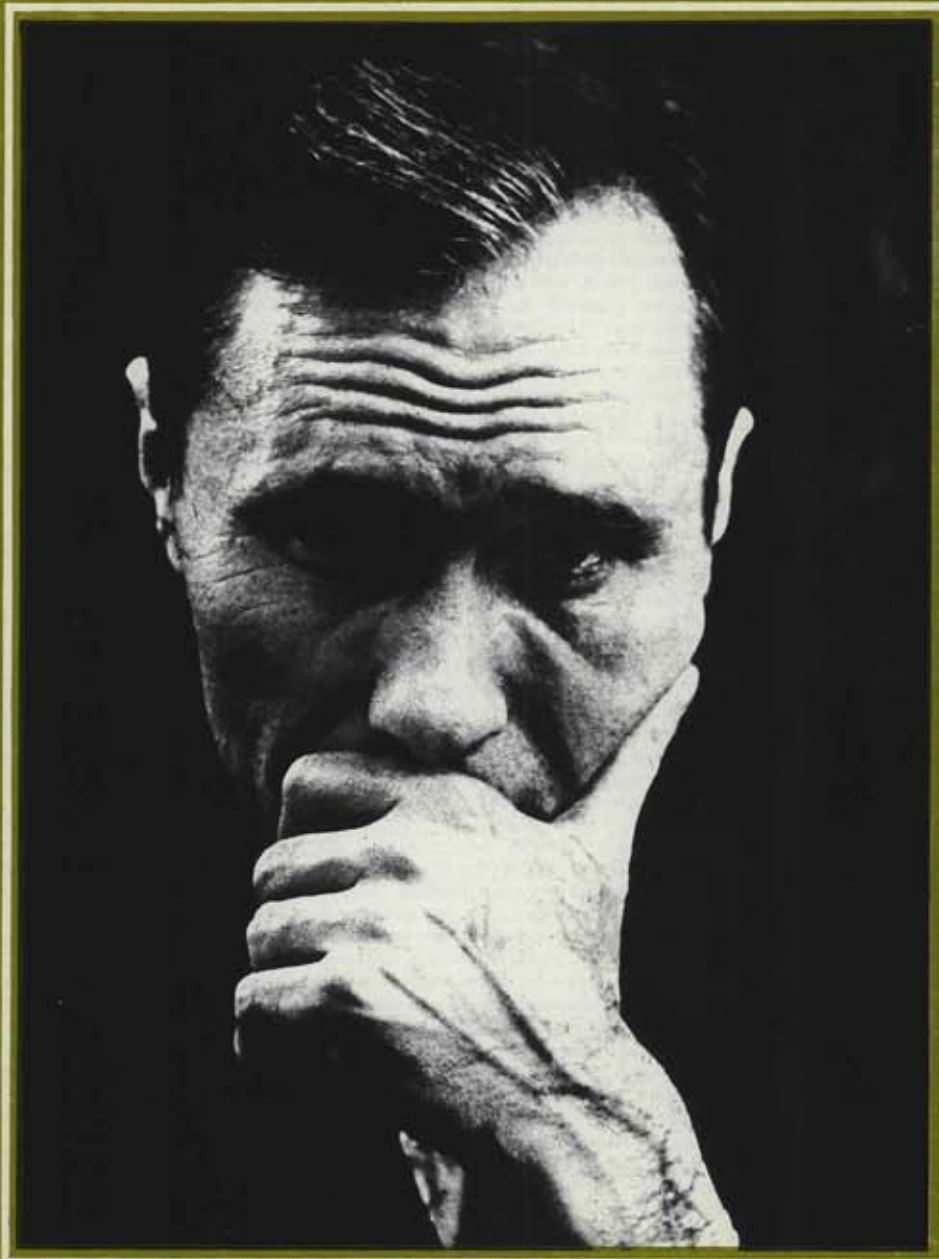
И. БАГРАМЯН. Я знаю, что вы месяцами не выходили из театра, работая над «Борисом Годуновым»...

А. ОГНИЦЕВ. А иначе ничего путного в искусстве не создашь! Скороспелость и поспешность в любом деле к добру не приводят. Мне же еще и несказанно повезло: у меня были прекрасные наставники—Антонина Васильевна Нежданова и Николай Семенович Голованов. Великая русская певица и великий русский дирижер.

И. БАГРАМЯН. Знаю, знаю... Вот вам еще один яркий пример, как много значит обрести в жизни талантливого педагога, учителя, старшего товарища. Я тоже всегда с благодарностью вспоминаю людей, которые оказали на меня неизмеримое влияние: Шалыпины, Тимошенко, Буденный, Жук, Рокоссовский, Конев, Ворошилов... всех не перечислить. Они были и останутся для всех нас образцом беззаветного служения своему народу, своей социалистической Родине.

Диалог записал
Юрий БЕСПАЛОВ.

Ж
З
А
ИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

писатель, актер, режиссер **ШУЖИШИН**

Владимир КОРОБОВ

НЕПОДВИЖНО СТОЯЛИ ДЕРЕВЬЯ,
И РОМАШКИ БЕЛЕЛИ ВО МГЛЕ,
И КАЗАЛАСЬ МНЕ ЭТА ДЕРЕВНЯ
ЧЕМ-ТО САМЫМ СВЯТЫМ
НА ЗЕМЛЕ...
НИКОЛАЙ РУБЦОВ

...И других слов мне не надо, чтобы передать свое личное ощущение малой родины Василия Макаровича Шукшина.

Что из того, что в деталях все помнится: как мелькнули в последний раз каменные и деревянные дома, лента шоссе изогнулась, машина проскочила витой, стоящий на бетонном постаменте близ дороги щит—визитную карточку города Бийска—и скоро пошла по накатанному, знаменитому Чуйскому трак-

ту, как то стихал, то снова сеялся, задавая работу скрипучим «дворникам», первый здесь за жаркий июнь 1975 года дождь, угадавший на троюгу, как сосредоточенно курили мы и молчали, хотя кому же не хотелось спросить: «Ну, сколько еще?..» И что из того, что строки эти были навеяны поэту иной деревней, северорусской, в древнем храме которой пользают фрески Дионисия! Нет, не надо других, чтобы передать это чувство.

Да и какое там оно личное?

Здесь и доказывать ничего не надо, а чтобы отчетливее передать мысль, приведу отрывок из письма школьников десятого «В» класса средней школы № 10 города Новосибирска. Из письма, адресованного одному из самых близких друзей В. М. Шукшина, его соратнику по фильмам «Печки-лавочки», «Калина красная», «Они сражались за Родину» — известному актеру театра и кино Георгию Буркову.

«И завершением нашей работы,— пишут молодые люди, организовавшие в школе по своей инициативе Шукшинский клуб,— будет литературная экспедиция на родину Василия Макаровича, в Сростки. Мы связались с десятиклассниками сросткинской школы и их школьным музеем. Мы хотим понять, что это за воздух там, что за люди. Посмотреть живых шукшинских героев. Послушать тех, для кого писатель Шукшин был просто Васей, и даже тех, кто не имеет к нему никакого отношения. Просто послушать их речь, может быть, записать. Наш класс выпускной, и у нас родилась идея провести ночь после выпуска в Сростках. Надо, чтобы последние дни, когда мы вместе, запомнились на всю жизнь. Кто знает, может быть, именно там в нас проснется что-то».

Вот оно, святое,—не в религиозном, а самом высоком народном понимании — отношение к Шукшину, к земле, его родившей. И дороже всего, что так думают семнадцатилетние, надежда и забота страны, поколение, к которому не раз и не два обращался в мыслях Василий Макарович.

«Мы люди, потрясенные Шукшиным» — это могут повторить ныне вслед за новосибирскими школьниками миллионы читателей и зрителей разных возрастов и профессий как в нашем государстве, так и за его пределами. Но все это сейчас, а нам пока что надо попытаться представить тогда — тридцатые, сороковые и пятидесятые годы,— детство, отрочество и юность человека, ставшего для многих из нас так ощутимо близким и родным.

Когда писали и пишут, что Шукшин родился в «глухом алтайском селе», то это от лукавого, дань расхожей публицистике. Какое там «глухое» — всего тридцать пять километров от Бийска, бывший районный центр, где ныне проживает, трудится в молочно-мясном совхозе, занимается и полеводством, и пчеловодством, и садоводством — да мало ли чем еще — более трех тысяч человек! И в ту пору, когда родился 25 июля 1929 года у Марии и Макара Шукшиных первенец Василий, село было большое, в районе и крае известное.

А почему оно называется Сростки? Тут уже немало версий. Сергей Залыгин, вдоль и поперек исхлывший «тропы Алтай» (помните, так называется первый его роман?), утверждает, что село получило такое название потому, что в этом месте «безымянный большак сростается со знаменитым Чуйским трактом».

Едва написал он об этом в «Огоньке», как тут же нашлись «ниспровергатели». «Директор Бийского музея Борис Кадиков,— я цитирую очерк В. Новикова «Встречи в Сростках» («Сибирские огни», 1975, № 7),— хмыкнул: «Название Сростки появилось на картах в начале прошлого века. А тракт здесь прошел только в двадцатых годах — тысяча девятьсот, между прочим... У нас, краеведов, есть две версии. Либо срослись два села, либо — кстати, это подтверждается историческими документами — жил тут когда-то ссыльный по фамилии Сросткин...»

И не мешало бы поубавить иронии уважаемому краеведу. В «Чтениях в обществе истории и древностей Российских при Московском университете» за 1867 год приведен рапорт некоего полковника де Гаррига (видимо, из числа пришедших тогда в Россию «на ловлю счастья и чинов» иностранцев). Рапорт от 26 сентября 1753 года. «1 сентября,— сообщает полковник,— было сделано бригадиру Крафту представление в той силе, что крестьянин Бийской крепости Иван Казанцев объявил мне данный ему от Кузнецкой воеводской канцелярии указ об отдаче ему на откуп с 1753 года впредь на четыре года рыбных промыслов вверх по Катунь-реке, с нижней устья Шульгинской протоки до Сростков, с платежом в казну каждый год по одному рублю пятнадцати копеек.

А по справке Шульгина протока от крепости Катунской отстоит вверх по Катунь в десяти верстах, а Сростки, до которых она Катуня на откуп отдана, от Катунской крепости не менее как 50 верст и в самом опасном от неприятеля месте; к тому же к здешней границе те неприятели, то есть калмыки, приезды имеют и в тех Сростках плавятся; да и для звериных промыслов туда ездят и за таковою опасностью крестьянина Казанцева и прочих, имеющих по той же реке Катунь откупателей для рыбного промысла, яко за сущую границу, хотя по откупу и указы имеют, пропустить опасно было бы без повеления главной команды; а по ордерам бывшего генерал-майора Киндермана и бригадира Крафта и по данным инструкциям, пропуску за границу под смертной казною ни для чего и никому чинить не велено...»

Выходит, не «в начале прошлого века» было известно село Сростки, а гораздо ранее, и тем более название его пошло не от фамилии некоего ссыльного, хотя бы и была особенно дорога эта версия Б. Кадикову*. И, напротив, при более пристальном рассмотрении выигрывает гипотеза С. Залыгина: да, не было Чуйского тракта в современном его понимании, но ведь большая дорога, которая во многом и определила затем этот тракт, уже была.

Зачем мы так долго говорим об этом, зачем спорим? А все дело в том, что Василию Шукшину всегда была дорога и крупица, прибавленная к «колыбельной» истории его родины. Он любил слушать рассказы стариков односельчан (а они слышали их от своих дедов) о том, как шли в давние времена на эту, как говорят старики из раннего шукшинского рассказа «Демагоги», «жирную землю» униженные и оскорбленные со всех концов России.

«Редко кому завидую,— писал Шукшин в статье «Признание в любви», увидевшей свет в начале 1974 года в журнале «Смена»,— а завидую моим далеким предкам — их упорству, силе огромной... Я бы сегодня не знал, куда деваться с такой силой. Представляю, с каким трудом они проделали этот путь — с севера Руси, с Волги, с Дона — на Алтай. Я только представляю, а они его прошли. И если бы не наша теперь осторожность насчет красотостей, я бы позволил себе сказать, что склоняюсь перед их памятью, благодарю их самым дорогим словом, какое только удалось сберечь у сердца: они обрели — себе, и нам, и после нас — прекрасную родину. Красота ее, ясность ее поднебесная — редкая на земле».

А что были предки Василия Шукшина, и откуда они пришли на Алтай? Об этом тоже можно прочитать — в романе «Я пришел дать вам волю».

«Ты родом-то откуда? — спрашивает Степан Разин у «патриарха», веселого и сметливого русского мужика, наделенного к тому же невероятной физической силой.

— А вот почесть мои родные места,— отвечает тот.— Там вон в Волгу-то, справа, Сура вливается, а в Суру — малая речушка Шукша... Там и деревня моя была,တဲ့ шукша. Она разошлась, деревня-то. Мы, вишь, коноплю растили да поместнику свозили. А потом мы же замачивали ее, сушили, мяли, тербели... Ну, веревки вили, канаты. Тем и жили. И поместник тем жил. Он ее в Москву отвозил, веревку-то, там продавал. А тут, на Покров, случилось — погорели мы. Да так погорели, что ни одной избы целой не осталось. И поместник наш сгорел. Ну поместник-то собрал, чего ишо осталось, да уехал. Больше, мол, с коноплей затеваться у вас не буду. А нам тоже — чего ждять? Голодной смерти? Разошлись по свету, куда глаза глядят. Мне-то что? — подпоясался и пошел. А с семьями-то — вот горе-то. Ажик в Сибирь двинулись которые... У меня брат ушел... двое детишков, ни слуху ни духу... В Сибирь-то много собралось: земли там вольные...»

Отсюда и пошла, возможно, фамилия Шукшиных. Но, листая «Ономастикон» С. Веселовского во время съемок фильма «Они сражались за Родину», Василий Макарович своей фамилии не нашел, чем очень, по свидетельству Г. Буркова, был огорчен. Право, жаль, что не попался ему тогда на глаза во всех отношениях интересный популярный этимологический словарь Ю. Федосюка «Русские фамилии». Там есть в числе самых распространенных и исторически знаменитых и его фамилия. Ее происхождение объясняется так: «Шукша — лыняная костра, то есть волокна, остающиеся после трепания и чесания льна. Вероятно, слово применялось и в переносном, более широком значении: остаток, излишек. Отсюда прозвище последнего, поздно родившегося ребенка».

Возможно, и был последышем какой-либо далекий от нас Шукшин, но Василий Шукшин был ребенком ранним. Отцу его было тогда шестнадцать лет, матери — восемнадцать. А еще через два года гуляла родня на новых крестинах — родилась сестра Василия Наталья.

Работали молодые супруги в недавно организованном колхозе не покладая рук, обзаводились помаленьку хозяйством, подумывали о новом доме — уж очень ветха, тесна и темна была старая, покосившаяся избушка, куда поселили молодых после свадьбы, а дети-то растут. Но... пришла беда, отворил ворота.

Иван Расторгуев, герой «Печек-лавочек», говорит в начале фильма, взвешивая за и против поездки на юг всей семьей: «...Я вон отца-то почти не помню, а вот помню, как он меня маленького в Березовку на коне возил». Березовка — деревня неподалеку от Сростков.

* Случай тем более курьезный, что документ этот приведен в книге «Бийск», выпущенной Алтайским издательством в 1974 году, а автором главы, буквально предшествующей той, из которой цитата, является не кто иной, как Б. Кадиков. К сожалению, как мы увидим дальше, это далеко не единственный случай, когда «вокруг Шукшина» создавались различного рода легенды и вымыслы.

Отца Василий по малолетству почти не запомнил, только рассказы матери питали в дальнейшем память о нем и не давали угаснуть образу его...

Девичья фамилия Марии Сергеевны — Попова, а, если помнят читатели, у Шукшина есть цикл рассказов «Из детских лет Ивана Попова», частью опубликованных в «Новом мире» (1968) и полностью вошедших в книгу «Земляки» (1970). Эти рассказы Шукшина, даже в деталях, даже в отдельных словах совпадают со многими теми, какие поведала пишущему эти строки Мария Сергеевна в начале лета 1975 года.

От века известно, какая она сладкая, сиротская доля. Но жить-то все равно надо. Без кормильца, с двумя малыми ребятами в пору было по миру пойти в старое время. Но время было иное: и родственники — у Поповых большая была семья, а где десять, там и двенадцать — помогали. И колхоз. А еще полегало Марии Сергеевне, когда ради детей она снова вышла замуж. В дом пришел отчим, Павел Николаевич Куксин. «Я невзлюбил отчима...» — рассказывал Шукшин устами Ивана Попова (теперь знаю: это был человек редкого сердца — добрый, любящий... Будучи холостым парнем, он взял маму с двумя детьми).

Но тем и прекрасно детство, что оно детство, и какие там невзгоды всерьез и огорчения надолго, когда можно сидеть на берегах Катунь с удочкой, плавать на острова, где «покойно и прохладно, где кусты ломаются от всякой ягоды: смородины, малины, ежевики, черемухи, облепихи, боярки, калины...».

Не рыбалка, бывало, а сказка. «Как нравилось мне,— пишет Шукшин,— каким взрослым, несколько удрученным заботами о семье мужиком я себя чувствовал, когда собирался вверх «с ночевой». Надо было не забыть спички, соль, ножик, топор... В носу лодки свалены сети, невод, фуфайки. Есть хлеб, картошка, котелок. Есть ружье и тугой, тяжелый патронташ.

— Ну, все?

— Все вроде...

— Давайте, а то поздно уже. Надо еще с ночевой устроиться. Берись!

Самый хитрый из нас или владелец лодки отправляется на корму, остальные, человека два-три,— в бечеву. Впрочем, мне и нравилось больше в бечеве: правда, там горсть смородины на ходу слушишь, там второпях к воде припадешь губами, там надо вброд через протоку — по пояс... Да еще сорвешься с ослезлого валуна да с головой ухнешь... Хорошо то, что все это на ходу, не нарочно, не для удовольствия. А главное, ты, а не тот, на корме, основное-то дело делаешь...»

«Здравствуй, матушка Катунь!» — кричит, ошалев от восторга, от наконец-то состоявшейся долгожданной встречи с родной рекой Игнатий Воеводин в фильме «Ваш сын и брат». Эту картину, как и первую шукшинскую, «Живет такой парень», да и как «Печки-лавочки», без реки Катунь и представить невозможно. А Сростки что без Катунь? Да и вообще Катунь и Шукшин ныне так же рядышком в нашем сознании, как Островский, Некрасов и Волга, Шишков и угрюмая река Нижняя Тунгуска...

Катунь! «Злая, белая от злости,— определяет ее Шукшин в сценарии «Живет такой парень», — прыгает по камням, бьет в их холодную грудь крутой, яростной волной, ревет — рвется из гор. А то вдвуг присмиреев в долине — тихо, слышно, как утка в затоне пьет за островом. Отдыхает река. Чистая, светлая — каждую песчинку на дне видно, каждый камешек. И... стоит только разок посидеть на берегу, когда солнце всходит... Красиво, очень красиво? Не расскажешь словами».

Только однажды побывав на берегах Катунь Николай Рубцов, прекрасный русский поэт, с которым Шукшин был лично знаком, творчество которого высоко ценил и очень горевал, когда узнал в 1971 году о безвременной трагической смерти Рубцова. Так вот, единожды побывав здесь, Рубцов написал такое стихотворение:

...Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!
Лицом к реке садился я на камень
И все глядел, задумчив и угрюм,

Как мимо башен, идилов, гробниц
Катунь неслась широко лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев ее былинный...

Катунь, Катунь — свирепая река!
Поет она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы,—
Они топтали эти берега!

И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И черный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...

Все поглотил столетний темный зев!
И все в просторе сказочно-огнистом
Бежит Катунь с рыданием и свистом—
Она не может усюкнуть гнев!

В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные айлы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...

И засуха была, и неурожай, и разного рода неурядицы (вначале было пять коллективных хозяйств, их укрупняли, потом разукрупняли), но... счастливо катилось босоногое детство. Игры— в чиза, кумерлу, лапту, хождения за сорочьими яйцами, проказы в чужих огородах. Все было. Ведь до сих пор помнит сrostкинский кочегар Иван Николаевич Юношев*, как подтаскивали они с Васей Шукшиным камни взрослым парням, когда те выходили стенка на стенку: Баклань на Низовку, Дикари на Мордву (так и теперь прозываются части деревни).

А еще и такая история на памяти ровесника Шукшина:

— Был у нас такой дед Жариков Тимофей. Любил он летом ходить на рыбалку в шубе и в валенках. Решили мы над ним однажды подшутить. Я, Вася Шукшин, Кашеев Генка, Ленька Кречетов посадили его в лодку, на нос лодки, чтоб перевезти на другой край протоки. А на середине и давай раскачивать лодку, вот, думаем, смеху-то будет, когда в шубе и в валенках дед поплывет. А он лопатой совестил сначала, а потом видит — дело плохо, да нас лопатой всех и побросал в воду...

Перед самой войной произошло событие, невероятное для одиннадцатилетнего Василия Шукшина. Их семья переезжает в Бийск! В город! Ну, пока не насосем: отчим, хоть у него ни грамоты большой, ни специальности, решил попробовать стать мастером — была у него к этому делу тяга. Василию от друзей-товарищей, от приволья катунского ехать, конечно, не хотелось. Марию Сергеевну предполагемый переезд попросту пугал. Но, наконец, и она решилась — хотелось ей выучиться на портниху, а в городе были курсы.

Этот переезд настолько врезался в память Шукшина, что с рассказа «Первое знакомство с городом» он и начал впоследствии цикл «Из детских лет Ивана Попова». Нет нужды пересказывать эту во всех отношениях интересную, исполненную иронии и грусти новеллу. Добавлю только то, что в рассказе не вошло, что относится не к первому знакомству с городом, а к более продолжительному, хотя и недостаточно долгому для того, чтобы как следует освоиться, в нем пребыванию.

Воспроизведем на бумаге живую речь В. М. Шукшина, записанную на магнитофонную ленту в апреле 1967 года бывшим режиссером Бийской студии телевидения Федором Клиндуховым. Между ним и Василием Макаровичем состоялась беседа о том, как лучше снять документальный телевизионный фильм о Бийске. Шукшин щедро давал рекомендации для фильма. Речь зашла о том, какую роль сыграл этот первый город в его жизни.

Говорит Василий Шукшин**:

— Нелегко сразу сказать, какую роль сыграл в моей жизни этот город. Повторяю, он напугал меня. Очень уж много людей! И все куда-то спешат. И никто друг друга не знает. У нас в селе все друг друга знали. А это был большой, новый мир.

С легким провесом прошел я впервые по скрипучему, качающемуся наплавному мосту... Это было первое чудо, какое я видел. Понемногу я стал открывать еще другие чудеса. Например, пожарку. Каланча вконец заворожилась меня. Я поклялся, что стану пожарным. Потом мне хотелось быть матросом на пароходе «Анатолий», еще — шофером, чтоб заехать на мост, а он бы так и осел под машиной. А когда побывал на базаре, то окончательно решил стать жуликом — мне показалось, что в таком скопище людей и при таком обилии всякого добра гораздо легче своровать арбуз, чем у нас в селе у тетки Семенихи из огорода (Уголовного кодекса я тогда не знал). Потом все-таки пожарный одолевал — очень нравилась сияющая каска.

Потом началась война, и мы уехали опять в село. Отец (отношения с отчимом стали со временем самые дружественные.— В. К.) ушел на фронт.

Лет через пять*** я снова попал в город — как

* Здесь и частью далее мы используем материалы, собранные за немалое время журналисткой Н. Басаргиной, но не опубликованные полностью. Они переданы нам редакцией краевой газеты «Алтайская правда».

** С некоторыми сокращениями и исправлениями под заголовком «...И далеко раздвигался горизонт» запись этой беседы была опубликована 15 марта 1975 года в «Алтайской правде». Мы располагаем рукописью Ф. Клиндухова, которая точно соотносится с магнитофонной записью.

*** Здесь Шукшин оговорился: через три года.

студент автомобильного техникума. Я был взрослее и немножко смелее, но и тогда он пугал меня. Слишком много надо было понимать заново. Слишком далеко раздвигался горизонт, и жизнь оказывалась большая, сложная...

Таковы были его первые впечатления от города. Но жизнь еще только начиналась, и все в ней самое-самое — трудное, горькое, счастливое — все было еще впереди.

«Позвольте,— может спросить меня иной нетерпеливый читатель «детективного», так сказать, склада,— все прекрасно, но где же они, должны же быть — у всех великих в детстве были — прелестные таланты, гениальности, некоторой, если хотите, странности. А вы все про речку, про рыбалку, про мечты нелепые... Пора уж и к делу переходить!»

Что ему ответить, этому читателю? Что я только про «дело» и говорю? Он не поверит. Вот если бы я наврал с три короба, описал «красиво», как ходит день-денской по-за селом, вперив в небо туманный взор — о, сколько в этом взоре! — юный и прелестный мальчик с очаровательными ямочками на щеках, ни с кем не заговорит, и только шепчут что-то бессвязное его губы и т. п., — тогда бы он поверил, еще как поверил!

Но шутки в сторону. Такому читателю я отвечу позже, и не один, а с помощью Шукшина. Сейчас же заметим, что все в детстве Василия Макаровича было обычно, типично для детства алтайского подростка сороковых годов, живущего в деревне. Вслушайтесь в этот вот рассказ Василия Шукшина, переданный от имени Ивана Попова:

«Год, наверно, 1942-й. (Мне, стало быть, тринадцать лет.) Лето, страда. Жара несусветная. И нет никакой возможности спрятаться куда-нибудь от этой жары.

Мы жнем с Сашкой Кречетовым. Сашка старше, ему лет пятнадцать-шестнадцать, он сидит «на машине» — на жнейке (у нас говорили — «жатка»). Я — Гусевым. Гусевым — это вот что: в жнейку впрягалась тройка, пара коней по бокам дышла (водила или водилины), а один, на длинной постромке, впереди, и на нем-то, в седле, сидел обычно парнишка моих лет, направлял пару тягловых — и, стало быть, машину — точно по срезу живья.

Оглушительно, с лязгом, звонко стрекочет машина, машет добела отполированными крыльями...

Жара жарой, но еще смертельно хочется спать: встали чуть свет, а время к обеду. Я то и дело засыпаю в седле, и тогда не приученный к этой работе мерин сворачивает в хлеб — сбивать стеблями ржи паутос с ног. Сашка орет:

— Ванька, огрею!

Бичина у него длинный — может достать. Я потихоньку матерюсь, выравниваю коня... Но сон, чудовищный, желанный сон опять гнет меня к конской гриве, и сил моих не хватает бороться с ним.

— Ванька! — Сашка тоже матерится. — Я сам с сиденья валюсь! Потерли!

— Давай хоть пять минут поспим? — предлагаю я.

— Еще три круга — мы выпрягаем.

Три огромных круга!..»

Не удивительно, что после такой работы позже всех возвращавшаяся Мария Сергеевна наблюдала такую картину:

— ...Приду, а мои лежат у крыльца, спят, и кобель с имя. Перетаскаю насилиу их в избу...

Работал Вася Шукшин гусевым, а то на табачной плантации. Возил на быке с Катуню воду поливать табак. Однажды набрал в бочку воды, поехал, а хомут возьми и порвись. Бык из двухколески выпрыгнул и пошел себе дальше. Спрыгнул мальчик с сиденья и — вот мучение — заведет быка в оглобли, а хомут никак не свяжет. А воду на плантации ждуть, что тут делать? Разорвал рубашку и завязал-таки хомут.

Не знаю, помнил ли эту историю Василий Макарович, а у мамы его она до сих пор на памяти. Правда, есть в цикле «Из детских лет Ивана Попова» рассказ «Бык», но там совсем иной случай рассказан, разве что бык «по характеру» тот же — упрямый и своевольный.

За рубашку Вася, конечно же, получил «взыскание» от матери, но не такое уж и строгое. Жалела, любила безмерно своих «детушек-сиротинушек» Мария Сергеевна. Тем более что одни они теперь остались. Шли, шли в Сrostки похоронки. Получили их сестры Марии Сергеевны Вера и Анна, пришла весть, что погиб смертью храбрых брат ее Иван... А в 1942 году стало известно: не дожидаться им уже с фронта Павла Николаевича Куккина...

Но тем и удивительна и замечательна мать Василия Макаровича, что никакая беда сломить ее не могла. Дети, слава богу, болели редко. Правда, если уж заболели... Как-то, еще задолго до войны, у сына начался сильный жар, стал бредить, никого не узнавал, метался по постели. Уж чего только не предпринимала мать, а врач в конце концов сказал: безнадежен, слишком сильно осложнение... Тогда Мария

Сергеевна решилась на крайнее средство — последовала советам знающих старушек. Нагрела бочку воды, положила на ведро воды столовую ложку горчицы, завернула мальчонку в простыню:

— Как глазенки-то у него начнут закатываться, так сразу и вынимаю. А на третий-то раз простынь стала колом, так я с пёчки марлевою занавеску сняла...

Роль матери в формировании характера — потом и мировоззрения — будущего писателя, актера и режиссера величайшая. Это ведь только на первый взгляд, что вся ее материнская педагогика сводилась к тому, чтобы накормить, одеть, обути, уберечь от болезней, выходить, если заболел. Седьмая в огромной, насчитывающей двенадцать детей семье крестьянина Сергея Федоровича Попова, она сзымалства была приучена к труду как основе жизни, переняла высокие нравственные качества русского народа, доброту его, совесть, «нутряное» чутье на правду и ложь. И все это, в свою очередь, передавала детям. Отнюдь не случайно и при всей внешней веселости очень показательны такие вот строки из письма Шукшина, отправленного матери — вскоре после поступления во ВГИК:

«Недавно у нас на курсе был опрос: кто у кого родители, т. е. профессия, образование родителей студентов. У всех почти писатели, артисты, ответственные работники и т. п. Доходит очередь до меня. Спрашивают, кто из родителей есть? Отвечаю: мать.

— Образование у нее какое?

— Два класса,— отвечаю.— Но понимает она у меня не менее министра...»

Мария Сергеевна обладает от природы прекрасной памятью. Она помнит не только то, что происходило сравнительно недавно, но и то, что было в самом раннем ее детстве:

— Что ребенком делала, все помню. Где с подружками избочки делали, как играли. Еще помню, стоял в Верх-Талице Колчак. А у нас были красные. Сидим мы как-то все на полатах, а внизу красный командир оружие разбирает и рассказывает, как сейчас помню все до словечка: «Перво-наперво ствол со ствольной коробкой, с отражателем и пусковыми механизмами...» А стихи, что когда-то на елке читала, сейчас я их ввучкам рассказываю...

Не знаю, как насчет сказок, а вот такого рода истории, а также различные сrostкинские и окрестных деревень бывальщины и «случаи» слушал Вася Шукшин в своем детстве часто. Впрочем, и сказки, наверное, были; без песен какой долгий зимний вечер обходился? Мать, справляя домашнюю работу, запевала, как бы про себя сестрица Талья, как ласково звали они Наташу, подтягивала, ну, и Василий не удерживался. А где песня, там и сказка. А еще мастерица была (и есть) Мария Сергеевна сны рассказывать. Настолько хорошо, «в лицах» она их представляла, что Василий Макарович много лет спустя записал иные из них и опубликовал в цикле «Внезапные рассказы» новеллу — хотя какую новеллу, жанр тут установить дело немислимое — «Сны матери». Прочитайте внимательно эти «Сны». Не покажется ли вам, что начиная отсюда, исподволь складывалось своеобразие творческого метода Шукшина, его стиля?.. Бывальщины же и «случаи», как материны, так и поведенные другими жителями села Сrostки, войдут затем, где прямо, где опосредствованно в его книги и фильмы.

Мать рассказывала много, но и слушательница она была отменная и благодарная.

Зима 1942 года выдалась суровая, дальше некуда. В школе ребята занимались в холодных классах, сидели в верхней одежде, писали на газетах. В перемены выбегали на Чуйский тракт — по нему шли из Монголии на Бийск караваны верблюдов. Погощники давали подросткам клочки шерсти. Из нее потом вязали носки и перчатки и отправляли в школьных посылках на фронт.

Так вот, в такое-то лихое время и вспыхнула в подростковом Шукшине особенно неумная страсть к чтению. Читать он всегда любил, еще до школы научился, а тут прямо-таки ничего больше и не надо. Проглатывал без разбора все подряд, что только в библиотеке доставал. Библиотекарша в таком «сверхскоростном» чтении усомнилась и книги сразу обменивать перестала, а продлевала их еще и еще раз. Тогда «...я наловчился,— пишет Шукшин в рассказе «Гоголь и Райка» из того же биографического цикла «Из детских лет Ивана Попова», — воровать книги из школьного книжного шкафа... Приоткроешь створки — щель достаточная, чтоб пролезла рука: выбирай любую! Грех говорить, я это делал с восторгом...»

Но и эта лавочка вскоре отошла: пропажу обнаружили, замок сменили. К тому же мать начала самым активным образом бороться с этой книгоманией. Вначале ее радовало, что сын так много читает, но тут выяснилось, что хорошей учебы это никак не способствует, к тому же нашлась «умная соседка»,

которая ей поведала, что бывает — зачитываются. Из библиотеки его выписали, друзьям строго-настрого наказали книгу для него не брать. А заметила после этого Мария Сергеевна у сына на столе опять литературу — книги изорвала, а самому ему устроила примерную взбучку. Конечно, это его не оставило: вкладывал книжку в обложку задачника и читал... Но ведь нельзя же без конца сидеть над задачиком! К тому же опять у него «накладка» вышла. «Керосину нальет, в карточку тихоньку фитилечек вставит», — рассказывает Мария Сергеевна, — под одеялом закроется, чтоб не видно, и читает по ночам. Ведь одеяло прожжет!»

«На мое счастье», — писал потом Шукшин, — об этой возне с книгами узнала одна молодая учительница из эвакуированных ленинградцев (к стыду своему, забыл теперь ее имя). Она пришла к нам домой. (Наши женщины, все жители села очень уважали ленинградцев.) Ленинградская учительница узнала, как я читаю, и разъяснила, что это действительно вредно. А главное, совершенно без всякой пользы: я почти ничего не помнил из прочитанной уймы книг, а значит, зря угробил время и отстал в школе. Но она убедилась маму, что читать надо, но с толком. Сказала, что она нам поможет: составит список, я по этому списку буду брать книги в библиотеке. (Читал я действительно черт знает что, вплоть до трудов академика Лысенко — это из ворованных. Обожаю всякие брошюры: нравилось, что они такие тоненькие, опрятные; отчесал за один присест — и в сторону.)

С тех пор стал я читать хорошие книжки. Реже, правда. Но всегда это был истинный праздник. А тут еще мама, а вслед за ней Талья тоже проявили интерес к книгам. Мы залезали вечером на обширную печь и брали туда с собой лампу. И я начинал... Господи, какое это наслаждение! Точно я прожил большую-большую жизнь, как старик, и сел рассказывать разные истории моим родным. Точно не книгу я держу поближе к лампе, а сам все это знаю...

И правда ведь — это был праздник, счастье, радость! «Может, оттого, что в трудную пору нашей жизни радость — пусть малая, редкая — переживается острее, чище. Это были праздники, которые я берегу — они сами берегаются — всю жизнь. Лучшего пока не было...»

Наталья Макаровна, сестра Шукшина (теперь ее фамилия Зиновьева), назвала мне имя той ленинградской учительницы — Анна Павловна Тисаревская (или Писаревская, как утверждает бывший сrostкинский кинемеханик А. Куксин, проживающий ныне в Гудермесе). Этой широко образованной, интеллигентной женщине было в ту пору около сорока лет. У нее было двое детей. Наталья Макаровна запомнила имя дочери — Лариса. По окончании Великой Отечественной войны Анна Павловна возвратилась в Ленинград. Все мои поиски этой женщины, сыгравшей столь большую роль в жизни Шукшина, или ее детей были безуспешны. А как бы надо нам узнать о ней побольше! Ведь она и сочинения Василия Макаровича читала и, по рассказам Марии Сергеевны, советовала ему поповывать свои силы в литературной стезе. Да и про этот первый список литературы неплохо бы узнать. Пока же мы знаем, что в нем были произведения русской, зарубежной и советской классики. Но какие именно, вот в чем вопрос. Ведь знаем мы, например, из того же рассказа Шукшина «Гоголь и Райка», что далеко не все из Николая Васильевича Гоголя рекомендовала она читать подростку Шукшину. Что рекомендовала, то отмечала в содержании галочками. Знаем и то, что он нарушал иногда ее волю, скажем, непопозволенного ему тогда «Вия» прочитал-таки да еще нагнал ужаса на мать и на сестру...

И еще одно имя назвала Наталья Макаровна — Георгий Михайлович Володин. В это время Растки были районным центром. Третий секретарь райкома партии Володин квартировал у Шукшиных (в доме деда). Он внимательно следил за книжными занятиями Василия, одобрял их и отчасти направлял, беседовал с парнем о прочитанном. Он же приносил дефицитное тогда горючее для освещения, — убедил Марию Сергеевну, что оно ничего ему не стоит. Не керосин, правда, приносил, а «карболку». Но свет, пусть тусклый и трескучий, в крошечные зимние вечера в доме был...

Сидя за книгами, Василий забывал обо всем, мог даже не выйти на улицу, когда звали друзья-товарищи. «Он врос тогда в книги» — как точно заметила Наталья Макаровна. Но этим буквой Шукшин никогда не был, и книжным, романтичным юношей тоже так и не стал, да и не мог стать: главной школой для него была и осталась навсегда живая жизнь...

В статье 1968 года «Монолог на лестнице», размышляя в числе прочих вопросов о сельских клубах, об «организованном» веселье, Шукшин привел такую картину из своей молодости: «В войну нам было по двенадцать — шестнадцать лет. Никакого клуба у нас не было. А многие уже работали. Как ни трудна жизнь, а через шестнадцать лет не переступишь. Собирались на вечеринки. С девушками. Была бала-

лайка, реже — гармонь. Играли в фантики, крутили шестерку... Целовались. И у каждого (кто повзрослей) была среди всех, которая нравилась. Когда случилось поцеловаться с ней при всех — обжигало огнем сердце и готов был провалиться сквозь землю. Но — надо! И этого хватало потом на всю неделю. И ждешь опять субботу — не приведет ли случай опять поцеловаться с желанной? Неохота говорить тут о чистоте отношений — она была. Она всегда есть в шестнадцать лет. Было весело — вот что хочется сказать. А кто организовывал? Никто. Лежала на печи бабка и иногда советовала «палачу» с ремнем: «А ты огрей ее хорошенько, раз она капризничает. Огей по толстой-то!.. Ишь какая!» И еще подсказывала: «А ишо вот так раньше играли: садитесь-ка все рядком...» И работало. И ждалось».

А вот еще воспоминание из того же «посиделочного» периода. Рассказывает Лидия Ивановна Кибикова-Валикова, ныне оператор машиносчетного бюро в совхозе «Сросткинский». Ее рассказ уже прямо относится к В. М. Шукшину.

— Мы Гоголем его звали. Нет, не могу объяснить, почему дали такое прозвище*. Помню, ходил он на вечерки в шубе нараспашку, гармонь в руках, однорядка, на ногах огромные валенки. А время ведь было военное, где-нить возьмем керосина маленько, зажжем копилку, танцевать начнем, а палачья широкие были, восьмиклинки, ну, и затушим. А спичек-то не было. Ну, берешь лучинку, идешь к соседям за огоньком. «Шестерки», «восьмерки» крутили и танцы у нас такие были. В третий лишний играли, в города, в соседушки, в фанты.

Вечерку отведем, по домам расходимся. Меня все Серега Зяблицкий провожал (что было, то было), потом мне гармонист поглянулся. Ну, они соориться не стали, а однажды завели меня в Змеиный ложок да до света и продержали. Думала, побьют. Мне потом от матери ой как досталось. Как-то приезжал он в Сростки, встретились, вспомнили, посмеялись. Он ведь старых товарищей не забывал...

Но вечеринки, первые ухаживания за девушками — это уже 1944 год, начало 1945-го. А до этого целых две попытки стать на ноги, «выйти в люди», скорее обучиться какой-либо профессии с тем, чтобы стать настоящей опорой семьи.

Нужда в такой опоре острее остро почувствовалась уже весной 1942 года. Вначале было томительно ожидание радости, праздника. Вот-вот должна была отелиться кормилица и полица семьи Шукшиных корова Райка. Бог даст — будет телочка, загадывали они, а телочку, как в прошлом году, можно сдать в колхоз, и тогда им дадут муки, много жмыха и чайник меда. Телочка родилась, но до конца загад не исполнился. Всего-то две недели оставалось до пастьбы, сена уже не было, а у Райки теперь — молоко, ей больше и больше корма надо. Малой-то вязанки, выпрошенной Марией Сергеевной у соседок, не хватало... Как быть? Стали выпускать корову за ворота, чтобы она подбирала на улице: может, где клочок старого сена вытает или повезут возы на колхозную ферму и оставят кочиду на плетнях... Но, видно, забрела Райка в чей-то двор, пристроилась к чужому стожку... «Стожки еще у многих стояли: у кого мужики в доме, или кто по блату достал воз, или кто купил, или... бог их там знает. Поздно вечером Райка пришла к воротам, а у ней кишки из брюха висят, тащатся за ней: прокололи вилами...»

Помните? Точно такую историю из своего детства срывающимся на надрыв, плачущим почти голосом рассказывает Любе Байкаловой в «Калине красной» Егор Прокудин. И корову там зовут так же — Райка. А до «Калины...» Шукшин поведал ее, эту историю, в том же упоминавшемся нами рассказе — «Гоголь и Райка». Книжная трагедия, жуткая сказка о мертвой панночке и семинаристе Хоме, прочитанная вслух на ночь, окажется куда менее страшной, чем реальная трагедия — потеря кормилицы...

Вот и поехал осенью вместо учебы в седьмом классе Вася Шукшин к дяде Павлу, крестному, в Огундай — это вверх по Чуйскому тракту, к горам, километров триста. Поехал учиться на бухгалтера, перенимать профессию у крестного. Ничего из этой попытки не получилось («Бухгалтерия совершенно искренне не полезла мне в голову!..»). Мы же с вами, читатели, должны быть благодарны за эту поездку и Марии Сергеевне и дяде Павлу, ибо получили как позднейший результат ее рассказ Шукшина «Племянник главбуха» (из ранних) и «Рыжий» — одну из последних новелл-зарисовок. Припомним к тому же, что не так уж мало шукшинских героев работают бухгалтерами или счетоводами, да и в «Калине красной» бухгалтерская профессия при знакомстве Прокудина с Любой и стариками Байкаловыми прекрасную ноту дает...

Продолжение следует.

* Возможно, он настолько тогда был увлечен Н. В. Гоголем, что не только читал его произведения матери и сестре, но и постоянно вспоминал что-нибудь из них в компании сверстников. Отсюда и прозвище.

«Смена» о Болгарии, «Младеж» об СССР

Мы рассматриваем, читаем, передаем из рук в руки свежий номер болгарского журнала «Младеж».

Мы испытываем сейчас то же радостное и чуточку тревожное волнение, что переполняет нас, когда из типографии приносят сигнальный экземпляр нового номера «Смены».

Мы присутствовали при рождении специального выпуска «Младежи», старались по мере сил помочь болгарским коллегам, нашим друзьям, как помогали они нам, когда работали мы в Софии, Пловдиве, Габрово, готовя номер, посвященный Димитровскому коммунистическому союзу молодежи.

И вот одиннадцатый номер «Младежи». «Брой по желанию» — вынесено на первую обложку. Номер, сделанный по просьбам читателей. Номер, рассказывающий о Советском Союзе, о Ленинском комсомоле, о юношах и девушках нашей страны, осваивающих космос, возводящих новые города, прокладывающих «трассу века» через непроходимую тайгу, завоевывающих все новые и новые высоты в живописи, поэзии, кинематографе.

Специальный выпуск «Младежи» необычайно интересен и разнообразен. Он открывается обращением к читателям члена Политбюро ЦК БКП, председателя Всенародного комитета болгаро-советской дружбы, Героя Народной Республики Болгарии, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Цолы Драгойчевой. На вопросы юношей и девушек, присланные в редакцию из десятков городов и сел Болгарии, отвечают заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков и кинорежиссеры Леонид Гайдай, Борис Яшин и Эльдар Рязанов, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Оргкомитета «Олимпиада-80» И. Т. Новиков и актриса Валентина Теличкина, писатель Борис Полевой и член подпольной организации «Молодая гвардия» Валерия Борн.

В специальном номере «Младежи» выступают болгарские писатели и журналисты Слав Караславов, Валентин Караманчев, Цветан Димитров, члены выездной бригады редакции, побывавшей в Москве и Грузии, Стефка Бояджиева, Любомир Давидков, Борис Арсов.

Очерки и репортажи рассказывают о семье Юрия Гагарина и о городе Гагарине, бывшем Гжатске, о московском метро, о молодых ученых из подмосковного Пушкино, о неповторимой красоте Ленинграда, о строительстве БАМа, о горняках Экибастуза, об атомоходе «Арктика», о достижениях советской науки, об Университете дружбы имени Патриса Лумумбы.

Не скроем, нам приятно, что на страницах «Младежи» представлены и многие авторы «Смены».

«Социалистическим интернационализмом в действии» назвал отношения между Советским Союзом и Болгарией товарищ Леонид Ильич Брежнев. Специальным выпуском «Младежи» наши друзья вносят свой вклад в укрепление братской дружбы молодежи двух стран.

...и качества —
Энтузиазм
и творчество
молоды!

Леонид ПЛЕШАКОВ Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ГЛАВНЫЙ КОНВЕЙЕР

Кто-то из мудрых заметил, что реки не только отражают в своих водах города, стоящие по их берегам, но и сами являются частью этих городов.

Думаю, нехитрая сама по себе мысль несет смысл более глубокий, чем это кажется на первый взгляд, и высказавший ее имел в виду не столько географическую сторону дела, сколько временную, историческую. Полноводная река отражает в себе не просто города, а их постоянное развитие, их жизнь, являясь свидетельницей и участницей этой жизни.

Наверное, замечали, как много древних умозаключений, дошедших до нас, связано с бегущим потоком. Не оттого ли, что предки наши любили пофилософствовать у воды, спокойный или стремительный бег которой рождал мысли, легко ассоциировавшиеся с тем, что предстало перед глазами?

Среди окружающей нас природы поток — одно из самых впечатляющих явлений. Тут и безостановочность движения, и сила, и целеустремленность. Тут постоянство и удивительная склонность

к изменчивости. В нем неудержимое стремление к росту, развитию: от ручья к речке, от речки к реке. Здесь все, что дает пищу раздумьям.

Потому автор и вспомнил о бегущей воде, что познакомился и увидел своими глазами движение, поток, постепенно накапливающий силы для роста, развития, имя которому — Московский автозавод имени Ленинского комсомола.

РЕКА ПО ИМЕНИ ЗАВОД

Рассказывать об АЗЛК непросто, потому что, как всякое крупное современное предприятие, он многолик и каждая сторона его жизни достойна самостоятельного рассказа. Ограничусь перечислением. Только в прошлую пятилетку завод построил для своих рабочих 255 тысяч квадратных метров жилья. На предприятии отличные общежития, стадион, плавательный бассейн, спортивный комплекс с легкоатлетическим манежем и спортзалами, клуб, дом отдыха в Крыму и база отдыха на реке Мере, пионерские лагеря. Завершается стро-

ительство крытого катка и Дворца культуры. При заводе функционирует профтехучилище на базе средней школы.

Но главное, что требует строить и современные квартиры, и стадионы, и дома отдыха, и пионерские лагеря, — производство. О нем и пойдет наш рассказ.

Из кабинета генерального директора производственного объединения «Москвич» Валентина Петровича Коломникова видна лишь небольшая часть территории завода. (В то время, когда этот номер журнала находился в производстве, В. П. Коломников был назначен заместителем министра автомобильной промышленности СССР.) Цехи торцами выходят на зеленую аллею, которая идет прямо от главной проходной. Трудно охватить все пространство. Поэтому, слушая рассказ хозяина кабинета, я поглядываю на план-карту, где разной штриховкой показано, как начинался завод, как обростал цехами, как недавно появилась новая территория, отстоящая от прежней на целый перегон таганского радиуса столичного метрополитена.

На стене противоположного завода-

управлению четырехэтажного здания — большое мозаичное полотно. Каждому этажу соответствует своя картинка. Каждая картинка — этап в истории АЗЛК. Я слушал Валентина Петровича, сверяя его слова с иллюстрациями за окном.

— Наше предприятие — первый в стране автомобильный конвейерный завод. Он был задуман как филиал гиганта первой пятилетки — Горьковского автозавода. Пока тот строился, у нас было создано комплексное авто-сборочное производство, где готовились кадры для будущего ГАЗа, осваивалась новая для нашей страны конвейерная сборка. Когда в 1932 году автомобильный гигант на Волге был пущен, мы стали работать на его комплектующих узлах.

Работающий завод — живой организм. Он рос, развивался, кадры, которые строили его и без отрыва от производства обучались новому делу, закреплялись здесь, а не ехали, как предполагалось, в Горький. Образовался большой коллектив опытных инженеров, технологов, конструкторов, слесарей-сборщиков, рабочих-металлистов, шо-

феров-испытателей, которых не устраивало положение филиала.

— Как раз в то время,— продолжал Коломников,— молодой инженер Зимин подал идею начать в стране выпуск малолитражных автомобилей. Производство их решили наладить на заводе имени КИМа, как тогда называлось наше предприятие. Перед войной успели выпустить всего пятьсот автомашин марки «КИМ-10».

Уже после войны была освоена малолитражка «Москвич», которая за прошедшие тридцать лет многократно видоизменялась, совершенствовалась, сохраняя в неприкосновенности разве только свое имя, которое носит теперь и все производственное объединение. В 1968 году, в пятидесятилетнюю годовщину ВЛКСМ, нашему заводу было присвоено имя Ленинского комсомола. Кроме того, в объединение входят завод-филиал в Кивешме и агрегатный в Лихославле, а также ряд предприятий, некогда самостоятельных, ныне работающих на правах цехов АЗЛК.

В тот день, когда я был у генерального директора, на АЗЛК собрали 614 новеньких «Москвичей». Это на четырнадцать машин больше плана, но все-таки меньше, чем завод может дать при нынешней технологической схеме. В этом году запланирован выпуск 180 тысяч машин. Количество запущенных недавно в производство новых моделей «2138» и «2140» должно вырасти до 200 тысяч, но имеются резервы поднять его еще тысяч на 40. Ныне АЗЛК—второе после ВАЗа предприятие страны по выпуску легковых автомобилей. Однако нужно помнить, что в Тольятти на сборке работает шесть конвейерных «ниток», здесь—две.

— Когда в 1968 году мы обсуждали вопрос о перспективном развитии АЗЛК,— вспоминает Коломников,— стало ясно, что в рамках старой промплощадки исключалась возможность монтажа нового оборудования и перехода не только на современный автомобиль, но и на его подобие.

Перед нами встала дилемма: либо проводить коренную модернизацию, либо через три-четыре года превратиться в завод запасных частей. Ведь со старой моделью мы не могли конкурировать не только на внешнем, но даже на внутреннем рынке: ее репутация падала.

Новую площадку выделили в стороне от завода, на месте бывшей свалки.

Все понимали: качество продукции зависит от того, насколько современными окажутся смонтированное в новых корпусах оборудование, технологические схемы, организация производства, насколько современной будет модель автомобиля. При проектировании и строительстве мы постарались учесть последние достижения мирового автомобилестроения. Плодотворным оказалось сотрудничество в этой области с фирмой «Рено».

Новая территория пущена в 1971 году. Это позволило значительно увеличить мощности завода. Это был качественно новый скачок вперед, так как закладывалась база роста производства на несколько будущих пятилеток.

— Значит ли это, Валентин Петрович, что завод, сообразуясь со спросом и модой, вскоре не только сменит нынешнюю модель, но и заранее уже прикидывает, какой она будет?— не удержался я.— И вообще как идет сам поиск автомобиля будущего?

— Если коротко—поиск диктуется необходимостью. Сначала нужно знать, чего мы хотим, потом уже нащупывать пути к намеченной цели.

— А если подробнее?

— Многие автомобилисты задаются таким вопросом: что лучше—«Москвич» или «Жигули»? Класс у этих двух машин один. И все же они разные. И сравнивать их в общем-то нельзя. «Жигули»—городской, прогулочный автомобиль, требующий хороших дорог. «Москвич»—машина для более тяжелых условий. Так уж исторически сложилось. Когда мы создавали первый «Москвич», парк легковых автомобилей в стране был незначительным, а моделей всего две: «Победа» (после нее «Волга») и «Москвич». Эти модели должны были удовлетворить потребности и запросы всех районов нашей страны. Чтобы одолевать сельские проселки, «Москвич» должен был быть прочным, надежным, пусть даже за счет лишнего расхода металла. Ему прощали внешнюю неказистость, невысокий комфорт, помня о грузоподъемности, неприхотливости и проходимости.

Помните автотралли «Лондон—Сидней»? Условия гонок были чрезвычайно тяжелыми. Но все участвовавшие «Москвичи» благополучно добрались до финиша.

«Жигули» позволили более четко

выкристаллизоваться вкусам автолюбителей. Для одних машина была роскошью, для других средством передвижения. Может быть, и несколько усиливало акценты, но суть все-таки в том, что даже в одном классе нашей стране нужны разные по назначению машины. «Москвич» пойдет своим путем, и, надеюсь, его дороги с «Жигулями» не пересекутся. Хотя...—Коломников задумался,—недавно ВАЗ предложил «Ниву»—новую модель на высокой подвеске, очень удобную для села. Это стимул для нас. Если хотите—вызов.

— Почему?

— «Нива» более молодой автомобиль, и он вторгается в ту область, которая традиционно принадлежала «Москвичу». Мы не можем позволить, чтобы наша машина в чем-то уступала новым «Жигулям».

— Какое это имеет значение, если два завода все еще не могут насытить рынок?

— Кроме насыщения рынка, остается еще и репутация завода, автомобиля. Три-четыре года назад «Москвич» у нас в стране пользовался более высоким спросом, чем «Жигули». Теперь ситуация—мы изучали—изменилась.

— Значит, вы можете отстать, работая с ориентиром только на сегодняшнее состояние рынка?

— Конечно. Мы еще не вышли на полную мощность с моделями «2138» и «2140», но уже знаем, что к концу пятилетки с конвейера пойдет новая машина повышенной комфортабельности. Работа над ней уже идет.

А если говорить о более отдаленной перспективе, то мы считаем себя вправе занять место в производстве машин отсутствующего пока в нашем автостроении класса—нечто среднее между «Волгой» и «Москвичом». Эти автомобили будут иметь двигатель мощностью около ста лошадиных сил при объеме цилиндров в 1600—1700 кубических сантиметров. Они будут более вместительны, комфортабельны, безопасны. Так что уже сегодня мы знаем, какие автомобили будем строить через пять и через десять лет.

ОТ ИСТОКА ДО УСТЬЯ

Мне еще раз захотелось прикинуть, насколько убедительно мое первоначальное сравнение завода с рекой. В

принципе задуманная схема не противоречила фактам. Были у завода разные времена. То бурлил он вешним потоком, то уставшей рекой размеренно петлял по широким долинам. Случалось, река эта запутывалась в старицах, ток замедлялся настолько, что грозил остановиться вовсе, и приходилось пробивать ей новое русло, чтобы помочь ее ходу увеличить скорость и набрать новую мощь.

Я решил пройти всю эту реку от истока до устья. Короче говоря, захотелось пройти все этапы изготовления автомобиля.

К счастью, я сразу понял фантастичность и нереальность этой затеи.

«Москвич» новых моделей «2138» и «2140», как мне сказали, состоит из нескольких тысяч деталей. И хотя точное числа никто назвать не мог, я понял, что, будь этих «тысяч» не несколько, а только одна, мое путешествие грозило затянуться на год.

Если нельзя проследить весь процесс изготовления автомобиля, то по крайней мере, думаю, можно пройти конвейеры, где встречаются все его составные части, где они объединяются, чтобы быть отныне единым целым—«Москвичом».

— В нашем объединении—84 километра конвейеров,—вспомнил я слова Коломникова.—Это говорит о достаточно высоком уровне конвейеризации производства. Автоматизация сварочных, термогальванических, покрасочных работ достигает у нас 94—97 процентов—такой показатель трудно найти даже в Европе. В этом нам уступают и ЗИЛ и ВАЗ.

Я понял: восемьдесят четыре километра мне все равно не одолеть. Выход надо искать в другом. Собственно, что такое река? Это текущая вода, миллиарды капель, которые соединились в один поток. Возьми одну каплю, и по ней определишь химический состав всего потока. А если взять всего одну деталь, проследить ее путь и на ее примере от частного вывести общее?

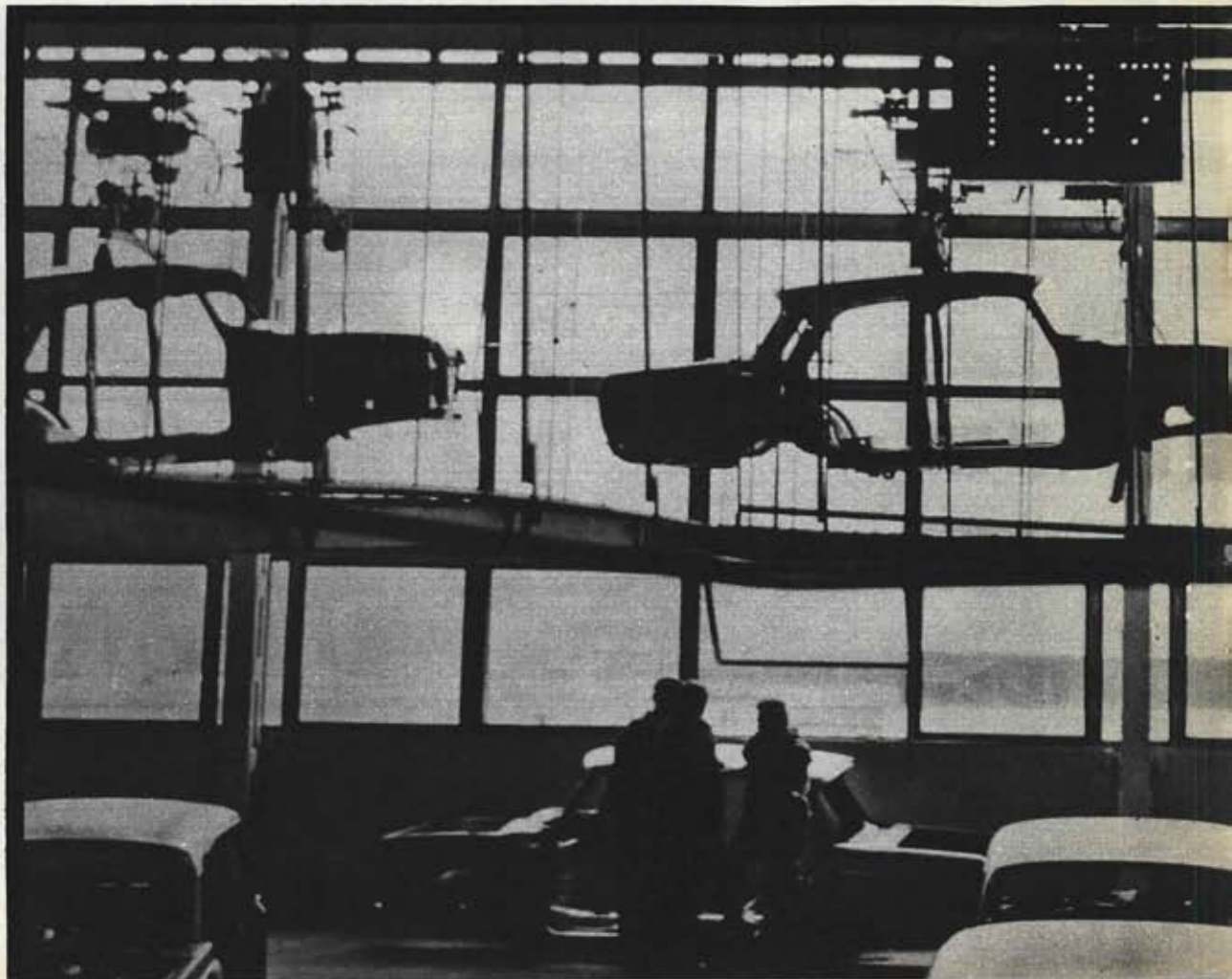
Идея казалась многообещающей. Требовалось выбрать что-то видное...

...В третий прессовый цех АЗЛК стальная лента для бамперов поступает свернутой в рулоны наподобие газетной бумаги. За неблизкий путь с Магнитки ей, видно, приходится всяко. Поэтому в некоторых местах лента чуть трасена коррозией, но, как увидим, это делу не помеха.

СЛОЖНЫЙ ПРОЦЕСС ГАЛЬВАНОПОКРЫТИЯ ДЕТАЛЕЙ ДОВЕРЕН АВТОМАТАМ.

ДЛИННЫЙ ПУТЬ ПРОХОДИТ КУЗОВ АВТОМОБИЛЯ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН ВСТАНЕТ НА КОЛЕСА.

Сматываясь с рулона, лента тянется под пневматический пресс, который, неглубоко вздохнув, выкраивает заготовку сразу для двух бамперов. Она бежит по роликам от прессы к профилировочной машине, и валцы тут же вдавливают в заготовке две продольные ложбинки, что придает изделию подобие катамарана.

Теперь «катамаран» попадает на гибочную машину, и она, ловко и быстро загнув оба его конца, превращает двухкорпусную лодку в два сросшихся грудной, как сямские близнецы, бампера.

Следующий станок, аккуратно вырезав соединяющую их узкую полосу жесты, даст каждому самостоятельность, и, как знать, с этого момента их пути, возможно, больше никогда и не пересекутся. Хотя... всякое, конечно, бывает.

На гидростенде в бамперах пробуют дыры, количество последних определит, где им придется служить: впереди или сзади автомобиля.

А дальше они проследуют в цех металлопокрытий и термообработки; там их отшлифуют, омеднят, отникелируют, покроют хромом.

Я назвал только наглядный результат следующих друг за другом операций. На самом же деле каждая из них делится еще на десяток-полтора промежуточных: травления, промывки, полублестящее никелирование, блестящее никелирование и так далее. И только после этого сверкающая деталь подается в цех сборки № 1.

И пусть дорога других тысяч деталей, которые вскоре объединятся в автомобиль, отличается от пути бампера к главному конвейеру, есть в их движении одно общее—высокая автоматизация их производства. Технику делает техника, человек только руководит ею, направляет ее и лишь иногда выполняет работу своими руками. Причем работу не самую сложную и трудоемкую.

Та высокая степень автоматизации, о которой говорил генеральный директор, при ближайшем рассмотрении кажется еще более убедительной. Выстроенные в разумной последовательности, станки взяли на себя основную часть труда. Они режут, гнут, шлифуют металл, протаскивают заготовки по мочным камерам, травильным и гальваническим ваннам. Большинство из них зовется полуавтоматами, так как подачу детали на обработку и сьем уже обработанной производит человек. Поставил деталь

на положенное место, зажал, отжал, снял—вот вся хитрость. Не более десятка движений. Со стороны кажется, что человек только assisteрует машине при изготовлении детали, саму же работу производит она.

На главном конвейере все выглядит иначе. Сборка—прерогатива человека. Инструменты, всякого рода хитроумные приспособления—только его помощники, позволяющие с наименьшими затратами мускульных усилий добиться наибольшей производительности.

Честно говоря, главный конвейер поначалу несколько разочаровывает. Пока не побываешь на нем, думаешь, что это—грандиозное сооружение, где отдельные детали и узлы, начиная от винтика и гаечки, постепенно соединяясь друг с другом, вырастают в автомобиль. Потому и представляется он многокилометровым, многолюдным, в общем, главным.

На самом же деле на каждой нитке главного в одну смену работает всего 88 человек. Две нитки, две смены—352 слесаря-сборщика. На всем же заводе только комсомольцев восемь тысяч!

Комсомольская организация завода одной из первых поддержала инициативу молодых ленинградцев и встала на ударную вахту «60-летию Октября—60 ударных недель!». В дни Октябрьской вахты 56 комсомольцев АЗЛК добились права работать с личным клеймом. 328 комсомольцев завершили личные годовые планы к 1 ноября 1976 года.

Есть на главном, разумеется, винтики и гайки. Но их роль скорее можно назвать подсобной. Они крепят, соединяют уже собранные раньше части автомобиля в большие блоки. Эти блоки прошли через свои поточные линии и конвейеры. Они там успели обрасти нужными деталями, обрели свой законченный вид, были закодированы, и коды эти попали в запоминающее устройство диспетчерского пункта цеха сборки № 1. Это необходимо, чтобы не допустить путаницы. Завод собирает машины с двигателями объемом 1350 и 1500 кубических сантиметров: лимузины, универсалы, фургоны. Необходимо, чтобы в ту точку на главном конвейере, где этим блокам предстоит соединиться в одно целое, пришли родственные части, гибриды тут невозможен. Кузов машины приходит сюда практически готовым: с фарами, подфарниками, проводкой, отопителем, внутренней обивкой, две-

рями, сиденьями, зеркалами, ковриками, стеклами. Пока он будет плыть на первом отделении главного, ему поставят бензобак, бензопровод, грязезащитные щитки, пустят по бокам декоративные линейки. В конце отделения кузов «сядет» на блок двигатель-шасси, который был собран раньше на другом конвейере и прибыл в заданную точку согласно коду.

Автомобиле—теперь он уже выглядит готовой машиной—прокачают тормоза, поставят радиатор, аккумулятор, подсоединят все системы, наденут колеса, и, пройдя «контрольный пост по низу», новый «Москвич» в первый раз в жизни станет на собственные ноги. Впереди него сейчас маячат еще четыре спины его собратьев, которые через каждые минуту и сорок пять секунд бодро выкатываются в свою нелегкую жизнь.

От момента, когда машина встала на колеса, и до ее первого самостоятельного шага—всего восемь минут. За это время «Москвичу» отрегулируют свет, установят облицовку радиатора (последние четыре винта!), проверят сигнал. Как каждый новорожденный своим первым криком, он объявит миру, что уже живет. Слесарь-сдатчик и контролер-приемщик сядут в него первыми пассажирами, помигают огнями, заведут двигатель, погоняют его на холостых оборотах, отрегулируют и скатятся своим ходом с конвейера на площадку, где их уже ждут водители-испытатели.

Ни музыки, ни бутылки шампанского. Только немного сизого дыма. А потом восемь километров по заводскому автодрому—и в путь, навстречу покупателям и дальним дорогам...

Могучая все-таки штука конвейер. Задавая ритм сборке, он даже стороннего наблюдателя заставляет двигаться вместе с ним, не давая возможности оглянуться, осмотреться, подумать.

Вот мы с ходу проскочили «главный», а увидели лишь внешние, самые броские его атрибуты. А ведь это устье реки. Сюда сошлись все потоки, большие и малые, и потому она раздалась, стала глубже. Остановимся, заглянем в ее глубину.

Элементарная аксиома: четкий ритм на конвейере—залог наивысшей производительности и гарантия работы без нервозности. Но чтобы достичь этого четкого ритма, необходимо решить целый комплекс различных по своей сути задач, используя для этого новейшие

достижения технического прогресса и научной организации труда.

Возьмем снабжение конвейера всем тем, из чего собирается автомобиль. Я уже говорил, что электронно-счетная машина помогает приходить из разных мест в заданную точку узлам и деталям одной модели. Но ЭВМ следит и за тем, сколько и каких комплектов узлов и деталей находится на сборке, на какое время работы их хватит, когда и какое количество нужно подать еще. ЭВМ позволяет диспетчерской главного постоянно держать руку на его пульсе, вовремя предупреждать сбои в его ритме.

Так же четко выдается информация и о работе остальных цехов завода.

Высокая производительность труда, благодаря которой конвейер вот уже несколько десятилетий царствует в массовом сборочном производстве, достигается, помимо всего прочего, расчленением операций на мельчайшие составные части. Упрощается труд, движения сборщика доводятся до автоматизма, следовательно, растет производительность.

Я останавливался в разных точках главного конвейера, считал, множил, сопоставлял.

В самом начале его есть такая операция: рабочий должен в днище проплывающего кузова прогнать резьбу в десяти отверстиях. Резьба-то уже была нарезана, но когда кузов мастичили, красили, отверстия частично затекли, и крепежные болты в них не пойдут. Отверстия имеют резьбу двух размеров. Поэтому на стеллаже два пневматических пистолета с мечиками. Вращает их сжатый воздух, и задача сборщика проще простого: попасть мечиком куда следует, а там дело пойдет. Машина плывет, и он встречает ее чуть впереди, идет с нею рядом, меняет пистолет, продолжает идти—и все прогоняет, прогоняет резьбу. 10 отверстий на кузов, 1500—за смену. Мечик податливо вонзается в днище, обратный ход, снова укол, еще, еще. Возвращение в исходную точку, где тебя уже ждет следующий кузов. Конвейер движется со скоростью 2,6 метра в минуту. Нужно успеть сделать свои десять проколов. Ввинчивать винты не тебе—соседу.

Как объяснили в отделе кадров, каждый сборщик главного конвейера тратит на одну машину примерно 3,1 минуты. К этой расчетно-технической норме приходят от годового фонда рабочего вре-

ЗДЕСЬ СОЗДАЕТСЯ «МОСКВИЧ» 198... ГОДА.

ПОСЛЕ ОКРАСКИ КУЗОВ ИДЕТ В ЦЕХ СБОРКИ.

СКОРО ЭТИ НОВЕНЬКИЕ «МОСКВИЧИ» ПОВЕГУТ ПО ДОРОГАМ СТРАНЫ.

мени и годовой программы завода. Представляете, сколько потребовалось труда на расчленение идущих последовательно друг за другом операций, чтобы у каждого из 88 сборщиков получалось их на 3,1 минуты. На АЗЛК знают цену времени.

Но я не об этом. Я о том, какие жесткие и четкие рамки устанавливает главный конвейер, какой дисциплины требует от рабочих, руководителей, диспетчеров, снабженцев, смежников — ото всех, только для того, чтобы каждую минуту сорок пять секунд с двух параллельных его ниток скатывались две новенькие легковушки. Он учит считать, заставляет работать, он помогает добиваться наивысшей производительности.

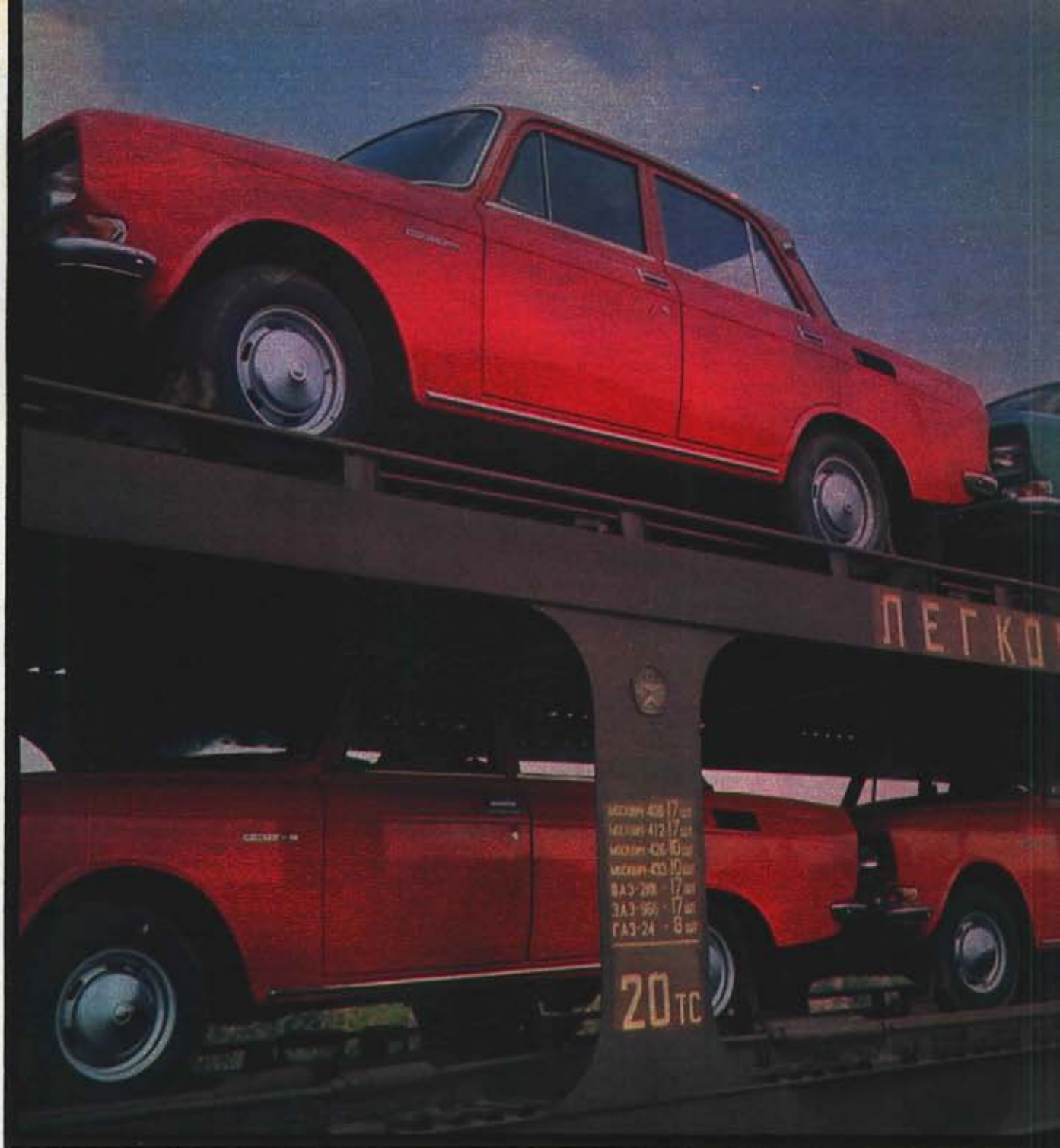
Но вот что еще важно: конвейер прививает работающему на нем человеку серьезное отношение к делу. Когда передовикам АЗЛК вручали в Кремле награды за работу в 9-й пятилетке, оказалось, что 13 из 250 награжденных — бывшие работники главного конвейера, а четверо трудятся там до сих пор. Даже уйдя с конвейера в другие цеха, сборщики остались передовиками производства. Обретенная трудовая привычка помогла легко приспособиться к другим производствам.

Если на всем предприятии разными видами обучения охвачено 30 процентов рабочих, на конвейере учится каждый второй. Тут сильнейшие спортсмены завода. Другими словами, работа на потоке оставляет силы и для физической и для умственной нагрузки. Конечно, нужно учитывать, что в цехе сборки № 1 восемьдесят процентов рабочих моложе 30 лет, а энергии у молодежи хватает, как известно, на все.

Я беседовал об этом с Владимиром Гаврилюком, секретарем комсомольского бюро цеха сборки № 1. Мнение 26-летнего вожака 564 комсомольцев было тем более ценным, что основывалось на его личном опыте. Он пришел на АЗЛК восемь лет назад. Сначала был тут на практике — учился тогда в профтехучилище в Луцке, — потом уже поступил работать постоянно. Отсюда ушел в армию, сюда же вернулся после службы. Видел, как начиналось строительство новых цехов, пять лет проработал здесь слесарем-сборщиком и практически освоил все рабочие места.

— Что же ты прыгал с одной операции на другую? — задаю Володе вопрос с подвохом.

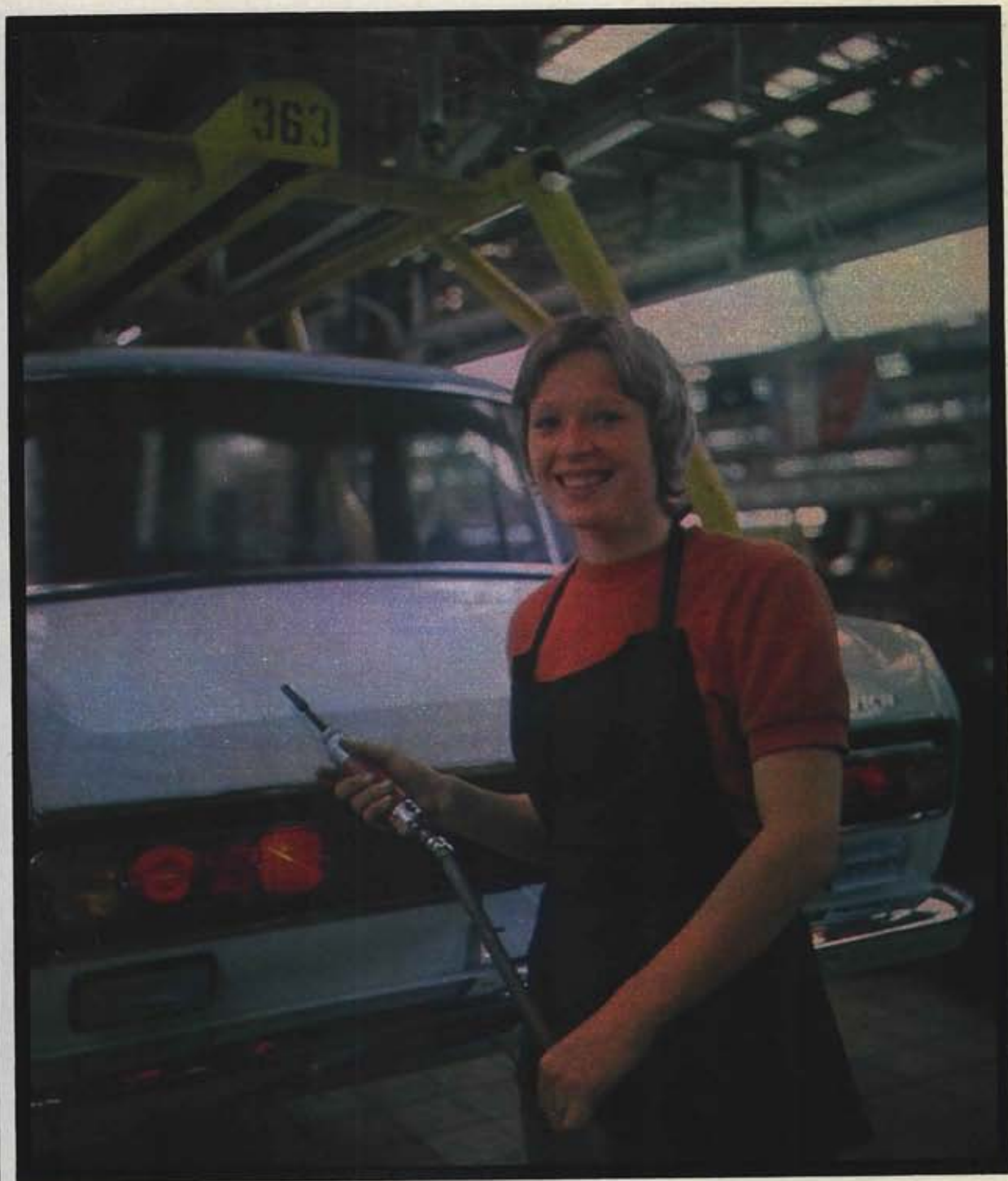
— Да нет, не прыгал. Когда знаешь много операций, можешь кого-то подменить, выручить производство. А потом — самому так удобнее: надоедает делать одно и то же. Представляете, за смену нужно поставить 150 масляных радиаторов, 900 болтов винтить. Конечно, работаешь пневматическим дезутором легко, но надоедает. Да и прыгать все время из кузова в кузов

ЗДЕСЬ, НА ГЛАВНОМ, ТЫСЯЧИ ДЕТАЛЕЙ СХОДЯТСЯ, ЧТОБЫ БЫТЬ ОТНЫНЕ ЕДИНЫМ ЦЕЛЫМ — «МОСКВИЧОМ».

АЗЛК — ЗАВОД МОЛОДЕЖНЫЙ.

СЛОЖНЕЙШЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ — В РУКАХ МОЛОДЫХ.

хорошо только до определенного возраста.

На проблему конвейера у него свой взгляд.

— Все зависит от характера человека. Одним монотонность не по нутру. Другие, наоборот, не любят менять операции. Некоторых мы отсюда и на пенсию провожали...

В правоте этих слов я смог убедиться всего в полсотне метрах от его рабочего места.

Виктор Скулков, Сергей Назаров и Татьяна Михайловна Карпенко — контролеры главного конвейера. Они проверяют только что собранный автомобиль, подписывают ему путевку в жизнь. Одна работа, одно рабочее место, но... три разных мнения.

Виктор Скулков на АЗЛК всего полгода, до этого работал на междугородных перевозках грузов. Тут ему не нравится: дым, как в Японии, и одно и то же все время.

В огромном, светлом, просторном и чистом цехе сборки № 1 последние метры главного конвейера действительно единственное место, где есть дым. Новенький «Москвич» уходит отсюда своим ходом, и выхлопные газы — естественные издержки производства. Конечно, их не столько, как это кажется Виктору. Но он привык к дальним дорогам и чистому встречному ветру.

Сергей Назаров тут всего две недели, но уже нацелился уходить. Его мечта — стать обкатчиком новых машин.

ВО ВРЕМЯ ЛЕТНИХ КАНИКУЛ РАБОЧИМ ЗАВОДА ПОМОГАЮТ СТУДЕНТЫ.

Татьяна Михайловна на заводе с 1948 года. Лет 18 работает контролером окончательной сдачи. Работа интересная, нравится, и менять ее она не думает.

В отделе кадров я поинтересовался, куда уходят слесари-сборщики с конвейера. Оказалось, большинство все-таки оседает на АЗЛК. Те же, что увольняются с завода, идут в автохозяйства, на станции техобслуживания, в ремонтные мастерские, то есть профессию не меняют, и опыт, обретенный на конвейере, знания автомашины продолжают работать, приносить пользу.

Вот так неожиданно открылась еще одна сторона конвейера: он кует кадры для других производств.

Кто-то из мудрых сказал, что реки не только отражают города, стоящие по их берегам, но и сами являются частью этих городов. Применительно к АЗЛК нехитрая сама по себе эта мысль отражает суть всего его производства. Завод рос, развивался, менялся вместе с нашей промышленностью, хозяйством, страной. Он отражение наших успехов в экономике, науке, технике. Он их детище. И вместе с тем он в известной степени стимулятор их развития. Река и город не части, а единое целое.

ИСПРАВИТ ИХ РАБОЧИЙ КОЛЛЕКТИВ

Уважаемая редакция!
Уважаемый Геннадий!

Ваш рассказ от первого лица вполне можно принять за достоверный: к сожалению, такие случаи не редкость. Но с вашими выводами я не согласен. Я здорово сомневаюсь, что эти люди и им подобные испытывают муки совести. Не от природы и не от плохого воспитания это равнодушие — они сами вытесняют совесть бесшабашностью, мнимой удалью, самолюбованием.

Пробую представить себя на месте «подопытного» человека: я иду по тропинке, а впереди меня ждут трое агрессивных настроенных молодых парней. Что делать? Я бы попробовал найти другую тропку, отступить, отойти, так сказать, подальше от греха. Но ведь бывает железная необходимость такой встречи, когда отступить нельзя: ну, скажем, впереди идет женщина... Ни один нормальный мужчина не оставит женщину в такой ситуации, даже не

разруху, — хочется, чтобы люди стали добрее друг к другу. Ведь жизнь действительно прекрасна, и нам делать ее еще прекраснее.

Валерий ПАВЛОВ,
Архангельская обл., пос. Дальний

ОТВЕЧАТЬ ЗА КАЖДЫЙ ПОСТУПОК!

Г. Абрамов рассказал страшную в своей бессмысленной жестокости историю, сопроводив ее многочисленными вопросами: отчего, почему, кто виноват? Вопросы понятны и нужны. Непонятно другое. «Моделируя» рассказ от первого лица, автор все время подчеркивает интеллектуальность своего «героя», его душевную чуткость и способность к самоанализу. Видимо, таковы же и его приятели: ведь они спрашивают у себя, сколько им еще осталось блуждать в трех соснах. В общем, получается так, что неплохие молодые инженеры чуть не стали преступниками потому, что их не научили красиво и умно отдыхать. Они, мол, виноваты, но вместе с ними виноваты и еще кто-то и еще что-то.

ся к себе и спросить: а какой я — злой или добрый?

Думается, что недостаток гуманитарного воспитания огрубляет нас. Не случайно один ученик десятого класса в разговоре о литературе развязно и очень убежденно сказал мне: «Пушкин — гений. Об этом никто не спорит. Но сегодня «Жигули» нужнее». И засмеялся, довольный своим «перлом». А этот парень — из хорошей, грамотной семьи, где есть приличная библиотека и любят литературу. Парню нравятся Вознесенский и Ахмадулина, их современные ритмы и образы. Но ни одной их строчки не помнит. «А зачем?» — искренне удивляется он.

Не знаю, насколько реально возможность значительного улучшения преподавания литературы в школе: ведь талантливые учителя встречаются не чаще, чем талантливые конструкторы. Талант везде и всегда редкость.

А если устраивать всевозможные вечера? На любой вкус. Неужели опять все может упереться в отсутствие средств? Может, все-таки не все-

видимо, тогда и появилось чувство зазнайства — «Я все могу», — привелшее меня в конце концов на скамью подсудимых. Сейчас, через много лет, я понял, что все было в высшей мере правильно и справедливо. И эти трое тоже вполне заслужили наказание. Проследите их поведение, а следовательно, и характеры: они глумятся над незащищенной жертвой, но трусливы перед сильным человеком; они злобны, мстительны и бездушны перед слабым. Вот они в гостях, среди знакомых людей, но сразу встали в позу «сверхчеловеков», эдаких суперменов, считая остальных недостойными собеседниками. Представляю себе их «дружбу». Разумеется, это не вульгарный подворотный треугольник: получку они отмечают где-нибудь в уютном кафе или ресторане, отпуская остроты по поводу танцующих или смакуя неловкость какого-нибудь соседа, заезжего провинциала, гостя столицы. Вот уж где простор для учтивых колкостей и острот, издевательской «доброжелательности», «дружеских» советов с двойным дном.

ПРОШУ СЛОВА!

Опубликованное в № 18 письмо-раздумье инженера Геннадия Абрамова «Невеселое веселье» привлекло внимание очень многих читателей. В десятках писем, пришедших в редакцию, обсуждаются вопросы отдыха молодежи, ее идеино-нравственного воспитания. Сегодня мы публикуем первую подборку читательских откликов. Но разговор на этом не заканчивается. Он будет продолжен в одном из следующих номеров. Ждем ваших новых писем.

“НЕВЕСЕЛОЕ ВЕСЕЛЬЕ”

понимая, ради чего придется драться. Если бы мои противники оказались такими же, как ваши «герои», я вполне справился бы с ними и вполне мог бы угодить на скамью подсудимых; если бы противники были «хищнее», то они изуродовали бы меня, «как бог черепаху». И то и другое страшно! Вы ставите вопрос о том, как проводить молодежи свободное время. Занятий множество. Я увлекаюсь поэзией и спортом, другие — рыбалкой или охотой; любой из нас всегда может найти занятие по душе. И «герои» очерка нашли бы, но они, видимо, и не задумывались над этим и первое, даже неразумное предложение принимают, так сказать, к исполнению — для разнообразия. Такие группы подбираются обычно из людей одинакового мироощущения. «Подобное влечется к подобному» (Платон).

Изолировать таких людей от общества — это не выход, если, конечно, они не совершили серьезных преступлений. Тюрьма одного сумеет исправить, а другого еще больше озлобит. На мой взгляд, если такой неустойчивый человек попадет в здоровый рабочий коллектив, это будет ему очень полезно! Его отношение к жизни, к людям не сразу, но изменится. Ведь что главное в дружбе между людьми? По моему, надежность. А надежность может дать только сплоченный коллектив, а не кучка мнимых друзей.

Наверное, все гораздо сложнее, чем я думаю. Но так хочется, чтобы в нашей стране, пережившей столько тяжелых лет — войну, послевоенную

возможно, раздумывая над рассказом Г. Абрамова, я упрощаю смысл события, но мне не верится в душевность и интеллектуальность хулиганов. Лирика лирикой, а поступки надо называть своими именами.

Могло ведь случиться и не так. Представим, что взбрыкнувшим молодым инженерам встретился не здоровенный парень, проучивший искателей приключений, а большой человек, который едва выкарабкался из инфаркта и вышел погулять перед сном.

Эти трое ему ничего плохого не делают — рук не выламывают, ножами не угрожают, по карманам не шарят. Поди догадайся, что это не злодеи, а «веселые ребята», что они привязались не внаправду, а понарошку, от скуки. Человек об этом не догадался — и опустил на траву: отказало сердце.

Вы думаете, что кто-то из трех побежит к телефону за «Скорой»? Ничего подобного. Постараются поскорее и потише смыться. И никакого раскаяния не будет. Пошутили, конечно, но совсем удачно, но ведь кто мог знать, что он такой дохлый?

В век научно-технической революции больше требуется физиков, чем лириков. И знать формулы нужно. Но с их помощью объясняться в любви невозможно. А вот стихами Пушкина и Блока объясняются и в наше время. Точные науки обращены к разуму, а не к чувствам. Нас восхищает теория относительности. Она дает нам веру в могущество человеческого разума. Но она не заставит человека прислушаться

к себе и спросить: а какой я — злой или добрый? Однако не надо думать, что при хорошо организованном отдыхе исчезнут издержки воспитания. Никто не может заставить человека проводить свой досуг по заранее разработанному плану. В этом деле можно только ненавязчиво советовать и постоянно прививать вкус к насыщенному, плодотворному, если можно так выразиться, отдыху.

Валерий ФРОЛОВ, Донецк

ОНИ ЗАСЛУЖИЛИ НАКАЗАНИЕ!

Мне очень понравилась та острота, с которой и автор, и редакция ставят на обсуждение такой больной и злободневный вопрос перед своими читателями.

Вот мое отношение к этой истории. По моему, трое «рыцарей» вполне созрели для скамьи подсудимых. Они подлежат привлечению к уголовной ответственности сразу по нескольким статьям УК РСФСР. Я не юрист, но законы теперь хорошо знаю, и вот почему. Одиннадцать лет назад, будучи 18-летним парнем, драчливым, как петух, я совершил почти такой же поступок, за что был осужден на полтора года лишения свободы. После 9-го класса я ушел из школы. Поступил в ПТУ, был избран старостой группы. Порядок наводил убеждением, а иногда, чего греха таить, и кулаком. Учился все хорошо, а несколько человек из группы, и я в том числе, получили аттестат с отличием. Вот,

А что касается их скуки на вечеринках, то если каждый день человека кормить медом и только медом, то уверен, что уже через неделю нужно будет убирать от него подальше режущие и колющие предметы. Насчет же их зубоскальства по поводу полированной мебели и красивой посуды скажу, что они вполне заслужили бачок с кружкой на цепочке и нары вдоль стены с соломенными матрацами. Вас, наверное, удивляет такое резкое и беспощадное отношение к этим трем молодцам. А, по-моему, другого отношения они и не заслуживают: ведь это же вполне взрослые люди, с высшим образованием, которые по роду своей деятельности должны будут учить и воспитывать молодых рабочих. Брр... избавьте нас от таких «воспитателей»!

А работать им предстоит еще долго и много, независимо от того, где, в каком коллективе, чтобы хоть как-то вернуть долг Родине за их курносое и счастливое детство, за их образование, за строгую доброту народа, за чистое небо над головой.

Ну вот, пожалуй, и все. Извините за некоторую непоследовательность. О себе сегодняшнем: работал в шахте, добывая бокситы, попал под обрушение, в результате инвалид I группы. Резкость моя не от озлобления, а от горечи за беспутность и глупость чужого несчастья, которого не могло да и не должно было бы быть, если бы не повторялись твои собственные ошибки.

Владимир К.,
г. Кушва, Свердловская обл.

СОЛНЦЕВЫЕ КОНИ

Геннадий СЕРЕБРЯКОВ

60-летию Октября посвящается

«...Искусство Палеха заслуживает того, чтобы быть среди величайших работ всех времен...»
(Рокуэлл КЕНТ)

Зачин

В лихой, сумасшедшей погоне
(Попробуй останови!)
Пронесются красные кони
С расплавленным солнцем в крови.
Густой, неподатливый воздух,
Как буйная брага, кипит.
И крупные белые звезды
Взлетают из-под копыт.
А кони сильны и игривы,
Любую преграду сомнут.
Клубятся багровые гривы
И небо с размаху метут...

Терпящий нужду и обиду,
Всей доле мужицкой под стать,
Но где же ты, Палех, увидел
Такую летящую статую?
Извечно писал ты иконы,
Святых голубое житие.
Когда же копытами кони
Ударили в сердце твое?
С избытком тебе доставалось
И горя и маеты.
Но где-то в душе составлялись
Багряные краски мечты.
Ты не был до выгоды жадным,
Ведь сам от крестьянских корней.
— Эх, если бы всем безлошадным—
Да звонких, как песня, коней!..

И, видно, как память об этом,
Из русского чуда-села
Помчались по белому свету
Они, закусив удила.
Руке не подвластны—стихия
(Попробуй останови!),
Пылающие, лихие,
С расплавленным солнцем в крови.

1
Солнце в пожарище тонет,
Стойкий качается град.
Злые татарские кони
В суздальских храмах храпят.
Густо измазаны сажей
Черные крылья беды.
Клик беспощаден и страшен
Пьяной от крови орды.
Сабли кривые и плети
Точно прилипли к рукам.
Белые девичьи плечи
Жадно хватает аркан.
Чутко добычу почуя,
Вороны пишут круги.
С воинов русских
Кольчуги
Злобно срывают враги.
Но побелевшие губы
Не обжигает вина—
Смертный, последний свой кубок
Выпит дружиной до дна.
Русь, над сынами твоими
Бабы стенанья и дым...
Мертвые сраму не имут,
Срам остается живым.

2
Горька судьба. Куда уж горше.
Татарин на расправу лют.
Идет в леса по бездорожью
Непокоренный русский люд.
Идет упрямо, как на плаху,
Идет, куда глядят глаза.
И бережно несут монахи
Святых спасенных образа.
Их прячут бережно в холстину,
Слегка подпорченных огнем...
Вон мать вновь слезы льет о сыне

И убивается о нем.
Жена о муже, брат о брате...
Молитесь, люди, в шалаше!
Ну, где еще, скажите, брать им
Отдохновение душе?
Придут к реке. И лес подпалят.
И вспашут землю. Срубят храм.
И будут жить. Родится Палех
Назло кровавым временам.

3
Татарский хан был добр и весел,
Ярлык дарует—попроси...
Дымилась грады.
Гибли веси.
Пылали храмы на Руси.
А за болотами, лесами,
Прищуриль гневные глаза,
Монахи беглые писали
На свежих плахах образа.
И было сумрачно и жутко
Глядеть на молчаливый труд.
Их краски вскорости пожухнут,
Совсем недолго проживут.
Но все ж суровые Христы
Вещали скорбно про беду.
И, по-татарски сплошь раскосы,
Горели грешники в аду...
И мужику в оцепененье
Недолго надобно смеяться:
Кладет он крестное знаменье,
Да в кузю—меч себе ковать.
И шли. В глуши своей не спали.
Кто осенил их—бог, не бог?..
Служил Руси мятежный Палех
Не громко. Как умел и мог.

4
Мужик—он сам всегда с усами.
А тих и робок—до поры.
И вот пошли в богописанье
Уже крестьянские двory.
Сначала чуточку с опаской,
В полунаем, в полупоклон.
Но зацвела под кистью краска
И сердце забрала в полон.
Крестьянин—он хоть и попроще,
Да, видно, гуще замешон.
Пусть ищет истину на ощупь,
Зато не отступает он.
А коль взялся писать иконы,
То пишет с толком, не спеша.
И в византийские каноны
Не уместается душа.

Таков уж, видно, дух российский—
Во все привнесеть свою печать,
Достичь известных миру истин,
Понять,
Их подивившись выси,
И как бы сызнова начать.
И крылья обрета в полете,
Рвануться к тайнам бытия,
Наполнить их живою плотью
И выдать людям, не тая.
Мужик, он прав глубинной сутью.
Он пишет, позабыв про сон.
Он пишет, а людские судьбы
Глядят, глядят со всех сторон.
И вызревает откровенье,
Как озарение растет,
Что лишь одно объединенье
Народ от бедствия спасет.

5
Горшки не боги обжигают,
Не боги и творят богов...

Я вижу: по Руси шагает
Мой прадед Петр Серебряков.
Не очень-то приметной стати,
Голубоглаз, русобород,
На зов neodолжимой страсти
В отхожий промысел идет.
Не ради славы или корысти

Пылит по бровке большака.
Его богатство—штихель, кисти,
Душа да твердая рука.
Не слишком видный, но веселый,
В глазах—лихие огоньки.
За дерзкий нрав по дальним селам
Его бивали мужики,
За то, что молодухам ленты
Дарил на радость и беду...

О нем у нас почти легенды
Ходили издавна в роду.

Он по дорогам поскитался вдоволь
Среди крестьянских стонущих телег.
Стыдливые, робеющие вдовы
Его к себе пускали на ночлег.
И, накормив наваристыми щами,
Кисеты доставали с табаком:
— Кури, кури!..—радушно угощали,—
Пускай в избе запахнет мужиком...
Они постели не спеша стелили,
Перед божницей каялись в грехе,
Избавить от соблазна их просили.
И засыпали... на его руке.

А поутру он снова в церкви новой,
Накинув ремешок на волоса,
Вдыхая полной грудью дух сосновый,
Привычно поднимался на леса.
И вот под кистью
Сочно, как малина,
Дышали губы алые в упор.
И дева непорочная Мария
По-вдови робко опукала взор.
И даже мудрый праведник Никола,
Сложив в благословении персты,
Прищурившись, дерзкий и веселый,
Смотрел с семинаршиной высоты...

И грузный поп, промыть велевший окна,
Вдруг враз терял размеренность шагов:
На стенах храма узнавал он, охнув,
В святых—знакомых баб и мужиков.
— Свят! Свят!..—шептал он сбивчиво
и глухо.

А в довершенье видел наверху
Исправника в венце святого духа,
Ну точно он!—его лицо и брюхо,
Лишь сабли не хватает на боку.

И, позабыв про уваженье к сану,
Святой отец, от ярости дрожа,
Вопил дьячком:—Гоните басурмана!
А за работу, знако,—ни гроша!
И уходил под шум церковной свары
Мой дерзкий прадед Петр Серебряков.
Ему ль бояться было божьей кары,
Когда он сам умел творить богов!

6
История, листая неторопливо
Свои тяжеловесные листы.
Пусть пенятся весенние разливы,
Осенний свет струится с высоты...
Вершится жизнь в своем круговороте.
Как водится—всему своя пора.
О палешанах разное в народе
Уже услышать можно:
— Мастера!
— Иконники, считай, на всю Расаю!
— Какое там—антихристы они!
— На досках-то бесово семя сеют...
— Да, срам господень,
как ни поверни...

А мастера работают неспешно.
Им до молвы досужей дела нет.
Любой из них—мирской, обычный,
грешный,
Сам бог себе и сам—авторитет.
Краса вокруг: в родном лесу и в поле,
И в Палешке с ольховою водой,
Вон—птаха заливается на воле,
Вон—над березой месяц молодой.

Но есть еще и горести и беды,
Земных забот всегда невпроворот:
Намедни лошадь пала у соседа,
Опять грядет неурожайный год.
Семья, того гляди, пойдет с сумою.
Чем прокормить? Детишки мал-мала...
Бурмистр Бутурлиных грозит тюрьмою
За недоимки. Экие дела!..

— Эх, жизнь, брат!..—вздыхает
мастер горько.
Добро и зло в душе переплелись.
Нужда рукой костлявой давит горло,
А сердце рвется в солнечную высь.
И, в отчий край без удержу влюбленный,
Он вновь расстелит под ноги святым
Знакомый луг, по-летнему зеленый,
С ромашковым цветеньем золотым.
Изобразит привычный сельский вечер,
Коров, идущих с поля в полумгле.
А в центре встанет Иоанн Предтеча
С крестьянской тяжкой думой на челе...

Душа, не зачерстевшая в обиде,
Своей дорогой мастера вела:
Писал он то, чем жил,
Писал, что видел,
И в этом правда высшая была.
Пред этой правдой отступают годы
И времени стирается предел.
На эту правду
Сам великий Гете
С восторженным почтением глядел.*

7
Ох, тяжелы дела мирские,
Тут не помогут небеса...
— Гляди-ко, строит мастерские
Купец Сафонов...
— Чудеса-а!
— И мастеров, знать, набирает...
— Что ж будет-то? Разобьясни.
— Что? Он заказы поставляет.
Ну, а работают—они.

Купец с размахом ставит дело.
Прошло всего-то ничего,
А с полсела уже потело
В трудах насыщенных на него.
Жгли уголь, удалясь в Заводы**,
На время распротысясь с жильем.
Скрипели тяжкие подводы
Под кипарисовым кряжем.
А там—уже пластали липу,
Готовя доски наперед.
Варили на кострах олифу,
Густую, светлую, как мед.
И был хозяин за делами—
Сам топором звенел с утра...
А за тесовыми столами
Уже склонялись мастера.

Сафонов, руки потирая,
Свободный улучив момент,
Глядел, как, нимбы выбирая,
Кладут на доски полимент***,
Как в краску подливают квасу,
Держа бадейку за края,
Как по белесому левкасу
Скользит упругая графья****.

Хозяин молод был и весел,
Хмельно душа звенела в нем:

* По просьбе Гете, заинтересовавшегося русской живописью, ему владимирским губернатором Авдеем Супоным были высланы в Веймар в качестве лучших образцов две палехские иконы кисти «славных Каурцевых»—братьев Андрея и Ивана.

** Заводы—зарецкий лес, лес за водой, за водами—отсюда, видимо, и название.

*** Полимент—специальный грунтовочный состав, идущий под золото.

**** Графья—тонкая длинная игла, которой прочерчивается контур рисунка.

— Ну, мужики, мы с вами вместе
Такое дело завернем!

И вправду, вроде бы иначе
Пошли иконные дела.
В казаках нету недостачи,
А это плохо ль для села?

Уже и бабы в новых платьях,
И избы смотрят посветлей...
Пиши, пиши—хозяин платит,
Пиши, таланта не жалей.
Пиши, не думай, по указке:
Хозяин знает, как писать.
Он щедр на кипарис и краски,
А накануне светлой Пасхи
Велит и водочки подать.
И сам подсядет, выпьет тоже.
Глядит, как ходят кадыки.
Споет. А после скажет все же:
— Уж вы нажмите, мужики...
Да без затей пишите.
Спрос-то
Большой. Упустим—не вернем.
А образ ныне ценят просто:
Сняло б золото на нем!..

Сафонов любит послушанье
И дело знает... Дайте срок—
Поставит иконописание,
Как производство, на поток:

Тот будет фон писать, тот—платье,
А этот—лики малевать...
И не перечь!
Кто деньги платит,
Он волен и повелевать.
А мастера? Что станет с ними?
Пристанет к каждому из них
Уже не живописец имя,
А просто «платьешник», «личник»...
Один запьет в тоске глубокой,
Другой поникнет на глазах...

А пыль клубится над дорогой,
Везут иконы на возах.
Везут, везут по всей России,
Везут в большие города.
Сафонов в почестях и силе
И не внакладе, как всегда.
Идет молва о нем всеушно:
«Гляди, как в деле повезло!»...

Так гибло древнее искусство.
В права вступало ремесло.

8

В казенке заливая горе,
Он вдруг гремит:
— За что терплю-ю?!
Держись, хозяйское подворье,
Иван Кувшинов во хмелю.

Идет в одних портках исподних,
Плюются бабы: «Срамота!»
Все напрочь пропито сегодня
Вплоть до нательного креста.
Вот показался он в проулке—
Босой, с огромной бородой.
Выводит песню голос гулкий,
Тяжелой медью налитой:

«Эх, за Дунаем, за реко-о-й!»
Иван проходит мимо храма,
И от его распевных слов
Дрожат в церковных окнах рамы,
Взлетают галки с куполов.
Идет Иван неторопливо
С хозяином на разговор.
Сафонов зло и суетливо
Кричит:
«Ворота на запор!»

А песня ближе, ближе, ближе:
«Эх, за Дунаем, за реко-ой!»
И вот уже гремит булыжно:
«Засели воры в мастерской!»

— Эй, Мишка!.. Где ты?
Отзовись-ка!
Али не выйдешь, сколь ни кличь?!—
В окно Сафонову со свистом
Летит увесистый кирпич.
Шумит, гремит Иван... Но вскоре

Окажется, что все зазря.
Опять хозяйское подворье
Вожжами вяжет бунтаря.
Вот волокут его в кутузку,
Железный грохает замок.
Лежит Иван и взглядом тусклым
Глядит печально в потолок...

Уже купцу окно забили.
Трясет Сафонов головой:
— Стноил бы нехристя в Сибири,
Да жалко—
мастер золотой...

Ивану утром без опаски
В кутузку снова принесут
Грунтованные доски, краски...
И сызнова начнется труд.
И, пребывая вне закона
Уже не счесть, в который раз,
Здесь будет он писать иконы
Лишь на взыскательный заказ...

Потом запьет в казенке с горя
И вновь гремит:
— За что терплю-ю?!

Держись, хозяйское
подворье,
Иван Кувшинов
во хмелю.

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА АЛЕКСЕЙ КУЧУПАЛОВ. «СОЛНЕЧНЫЕ КОНИ». Работа выполнена специально для «Смены».

9

Такого праздника, пожалуй,
Не помнит Палех отродясь...
По тракту тройки скачут шало,
Фонтанами взбивая грязь.
Пролетки катят, тарантасы,
Лихие гнутые возки...
Мундиры. Шляпки. Перья. Рясы.
Купеческие армяки...
Гостей—сановных самых, знамо
(Гляди, народ честной, изволь!),—
Собрал на освященье храма
Иконный палехский король.

— Христос, помилуй, Пантократор...
— А кони!.. Эх, какая прыть!..
— Сам вроде, бают, губернатор
К обедне обещался быть...
— А вона—и Сафонов Мишка!..
— Ты глянь-ка, ныне он какой!
— Ну, прямо, барин: при манишке
Да и при цепи золотой...
А над толпой в прозрачной рани
Плывет малиновая звень.
Здесь палешане и крестьяне
Из всех окрестных деревень.

Сафонов от волнения бледен,
Он—благодетель и герой...
Своим гостям после обедни

Такой закатит пир горой,
Что даже небу станет жарко
И закачается земля.
Гуляй! Сафонову не жалко.
Гуляй—во славу «короля».

И вправду, праздника такого
Не видел Палех никогда,
Еще свое он скажет слово,
Вы подождите, господа.
Из живописцев кто-то ловкий,
Из тех, что глазом поострей,
Сумеет сделать зарисовки
Со знатных, пьяных в дым гостей.
Рисунки эти с гневом лютым
Размножат за ночь мужики.
На осмеянье добрым людям
Развесят по селу листки.

На них—святой отец с кокоткой
И полицмейстер с кистенем...
С одною надписью короткой:
«Вот на кого мы спины гнем!»
И тем же утром, раным-рано,
Багряной краскою живой
Напишут на ограде храма:
«Попов-разбойников долой!»
А на сафоновском подворье
Заполыхают, как заря,
Слова:

«Мы на осине горькой
Повесим батюшку-царя!»

Начнется светопреставленье!
Пойдет народная молва.
Об этом страшном преступленье
Узнают Питер и Москва.
И будет с ходу взят под стражу
Иконник Миша Комаров.
Лет двадцати. Неполных даже...
Один из добрых мастеров.
Знать, цель была в бадейке
с краской,
Она его и подведет
И сыщиков дорожкой красной
К воротам прямо приведет...
Держаться Миша будет гордо,
Хоть тяжело станут бить его,
Хоть хлынет кровь ручьем из горла—
Так и не выдаст никого...
И Палех не забудет Мишу.
Как чаща, будет ночь глуха
И под сафоновскую крышу
Взметнет шального петуха,
Чтоб он на ветровом просторе
Легко взлетал со всех сторон.
Займется заревом подворье
И склады, полные икон...
Все небо в огненной оправе.
Сафонов, бойся мужиков!..

Тот, кто творит богов,
Он вправде
Во гневе
Жечь своих богов.

10

Жизнь шла неспешно. Честь по чести.
Лампадкой теплилась в углу...
Но вот немые вести
Вдруг разлетелись по селу.
Тут верь не верь, но, видно, все же
В народе говорят не зря...
— Да как же так? Помилуй, боже...
Неужто вправду нет царя?

— Во-о!—проросло бесово семя...
— Как жить-то станем—вот вопрос!
А Временное как?
— На время!..
Какой же с Временного спрос?!

Пока село внимало слухам,
За крепостью хозяйских стен
Роптали богомазы глухо
И ожидали перемен.
— Чего же мы сидим-то, братцы?
Теперь, выходит, все равны...
Пора бы нам за дело браться!..
— Но а с какой же стороны?
— А ты прикинь. Царю-то—крышка,

Иное время на дворе.
Вон как притих Сафонов Мишка...
А что у храма, на Горе?
— И верно! Памятник остался—
«Освободителю»... А зря!..
— Ну, слава богу, догадался...
— Пошли и мы свергать царя!..

И вот идут они, сутулясь,
Ватагой всей идут вперед.
И вслед за ними с ближних улиц
И прочий тянется народ.
Не позабыты те листовки,
Что будоражили умы.
Вон появились и веревки,
А там—лопаты и ломы.
— Довольно, братцы, пострадали.
Свободна русская земля!..
И вот на шею государя
Уже накинута петля.
И кто-то говорит сурово:
— А ну, не торопись, братва.
Вспомняем Мишу Комарова...
Вот и сбывшись его слова...
С петлей царь-батюшка! С петлюю!
Теперь вали его, вали!..

Все ненавистное былое
С царем клонилось до земли.
И вот, тяжелого, литого,
Его всем миром волокут
И прямо с бережка крутого
Вниз головой с размаху—
В пруд!
Ура!—без колокольных звонов.
Ура!—сама душа поет.
И тут же крутятся Сафонов,
Кричит: «Да здравствует народ!»
Глядят, косятся богомазы,
Опять хозяин впереди—
Восторженный и быстроглазый
И с красным бантом на груди...
Он, получается, со всеми.
И супротив царя, кажись...
Какое же настало время?
Поди, попробуй, разберись...

А жизнь все та же, коль прикинешь.
Хозяин—тот же паразит...

Лишь в октябре сюда Никитич*
Приедет—все разобъяснит.
Приедет в кожанке, с наганом,
С казачьей шашкой на ремне.
Он свой, известный палешанам,
Надежный, стало быть, вполне.
Ходил вот так же в богомазах,
Листовки размножал в ночи,
Затем, иконы бросив разом,
Ушел на фабрику, в ткачи.
Потом—подполье, и аресты,
И казематная тоска,
Побеги, баррикады Пресни—
Обычный путь большевика...

Неторопливый, большелобый,
Он с речью выступит в селе
О пролетарской власти новой,
О правде, мире и земле.
Подскажет, что без промедленья
Вершить и начинать с чего...
И вихревое имя—
Ленин—
Услышит Палех от него.

Жизнь по иным пойдет законам.
Багряной силою своей
Сметет текстильных, и иконных,
И всяких прочих «королей»,
Забросит богомазы краски,
Уйдут в рабочие полки,
Писать судьбу с кровавой,
Красной,
Борьбой диктуемой строки.

11

«Я краски разбрасывал направо и
налево по своим предметам. Словом,
пользовался собранными цветами с
лугов и исходя из них. На первый
взгляд у меня получался букет цве-
тов, а когда взглядишься—тут бой
или гулянка... Много переписано битв,
потому что сам был участником
боев».

(Из записок палехского художника
Ивана Ивановича ГОЛИКОВА.)

* Никитич—партийная кличка Александра
Никитовича Видина—большевика ленинской
закалки.

Над землею, омытою ливнями,
Голубая плывет тишина...

Краска вечно тоскует по линии,
Без нее и не краска она.
Этой связью и живо искусство.
Где его первородный исток?
Погляди, как природа искусно
Изваяла любой лепесток.

Снова Голиков бродит по лугу,
Дышит влажным покоем земли.
Как дожди освежили округу,
Как цветы-то вокруг расцвели!..
В немудреной шагает обувке.
Вон—ромашка, шалфей, зверобой,
А у самой воды—незабудки
Любопытный глазок голубой.

Как судьба его только не мяла,
По каким не бросала фронтам,
Под обстрелом к земле прижимала,
К опаленным кровавым цветам,
Заносила в окопах снегами,
Голодухой за горло брала...
Долог был под его сапогами
Путь кружной до родного села.
Смерть в глаза не однажды глядела,
Не щадил он себя самого:
Революция—кровное дело,
Он по совести делал его...

Вьется, вьется знакомая тропка.
Ветер солнечным медом пропах.
Вот шагает Иван неторопко
С луговым разнотравьем в руках
По нарядной земле, по родимой.
Вон он в избу с цветами вошел.
Буйным ворохом влажное диво
Захлестнуло некрашенный стол.
Может, вправду здесь чудо какое?
Лишь прищуришь
Внимательный взгляд,
Не цветы—разноцветные кони,
Распластавшись, как птицы, летят.
Гривы небо метут голубое.
Полыхает лихая гроза...

Ярый вихрь забытого боя
Обжигает Ивану глаза.
Вот за краски художник берется,
И на старом обрывке холста
Оживает, пульсирует, бьется
Явь и сказка, судьба и мечта.
В вихревом, дерзновенном разгоне,
Не страшась ни врагов, ни преград,
Революции красные кони
Над землею победно летят...

Да, жизнь переменилась разом,
Народ с коленей подняла...
А вот что делать богомазам?
Ведь их почти что полсела...
Тот хлебопашествовал ныне,
Другой—в пожарных, ну, а тот
Подсобным служит в магазине
Да лапти ладные плетет...
И только Голиков покуда,
Цветы рассыпав по столу,
Творит неведомое чудо—
По камню пишет, по стеклу...
Творит то яростно, то робко,
И все пока—не по душе.
Но попадется вдруг коробка
Из черного палье-маше.
И он возьмет ее в ладони
И первый выведет узор,
Взвоятся солнечные кони,
И откровеньем вспыхнет взор:
— Да, вот что надобно!..
И вскоре
К знакомым мужикам придет,
Как бы случайно в разговоре
Платок с коробкой развернет.
Те глянут, разом приумолкнут,
Махрою гуще задумают:
Сработано красиво, с толком,
И краски светятся, горят...

Без похвальбы и без корысти
Иван им скажет: «Ну, пора!
Беритесь, мужики, за кисти.
Иль разучились, мастера?»..»

12

Артельный дух живуч в России.
Он выручает не впервой...
Артельно и луга косили
И шли по Волге с бечевой,
Красно артельное подспорье
В работе или на пиру.

Как говорится, даже горе—
И то не горе на миру...

Пускай всегда артельный разум
Пребудет во главе угла...

Сошлись семь бывших богомазов,
Чтоб сообща вести дела.
Поговорили, рассудили,
Что вместе будет веселей.
И «капитал» объединили—
Без двух целковых
Сто рублей.

Устав придумали: пять строчек
Внесли в тетрадку не спеша,
Мол, каждый пишет все,
что хочет,
К чему лежит его душа...

И вот засели за работу.
И замелькали вечера.
Писалось радостно, в охоту.
Не разучились мастера!
Писали жатвы и гулянки,
Места родимые свои,
Лихие красные тачанки,
Непозабывые бои,
Писали зарева рябины,
Коней и ратников в седле,
Писали сказки, и былины,
И то, что видели в селе...

А вот и отзвуки восторга
Уже летят быстрее молвы:
Агенты едут из Госторга,
Приходят письма из Москвы.
Заказы. Просьбы. Предложения.
И мужики чуть смущены—
Выходит, вправду их творенья
Советской власти-то нужны!..
Дела как будто в лучшем виде
Теперь пошли у палешан.
Ужели наперед предвидел
Все это Голиков Иван?
Откуда ж в нем такая сила,
Ума и сердца глубина?..

Крепка талантами Россия,
На них и держится она.

Нет, чудеса в цене не пали!
Прошел совсем недолгий срок,
А как шагает новый Палех:
Лион, Венеция, Нью-Йорк...
Престиж страны Советской мирной
Крепя за тридевять земель,
«Гран-при» на выставке всемирной
Завоевать смогла артель!..
Дивится тонкому уменью
Народ. Лишь в Палехе самом
Считают по обыкновенью
Такое дело баловством.
Мол, несерьезное избрали
Себе занять мужики.
Мол, здесь художеств повидали!..
Уж лучше землю бы пахали.
Чего просиживать портки?..

Так будет с палехской артелью,
Причем не год какой, не два...
Их живописные изделия
В музеях выставит Москва.
Ну а в колхозе «Красный Палех»
Подход к художникам иной:
Мол, из-за них в прорыв попали,
В срок не управясь с посевной.
Мол, жены в поле, ну, а сами
Сидят за красками опять.
А прок от их живописанья
Какой? Европу удивлять?..

Сурова жизненная проза,
Она сама диктует цель...
Добыть бы трактор для колхоза!—
Вот что задумает артель.

Напряжены и воля и терпенье.
Вновь краски вдохновенно зацвели.
В противовес библейским

«Дням творенья»
Рождается «История Земли».
Давно мечталось, видимо, об этом.
Вот заготовлен письменный прибор.
И по его тринадцати предметам
Не просто вьется радужный узор—
Плывут картины: жизни зароденье,
Ее многообразия поток,
Событий исторических движенье,
И связь, и столкновение эпох.

Когда работу привезет в столицу
Глава артели Александр Зубков,
Опять восторгом засияют лица
У самых утонченных знатоков.
И разгорятся в наркомате споры,
Куда творенья дивные девать:
В музей ли передать?

Тогда в который?
А может быть, в Америку продать?..
Ну, а Зубков пойдет по кабинетам
Отстаивать артельный интерес:
— Вот пишем трактор, а его и нету,
А он колхозу нужен позарез!..
Ему и силы и упорства хватит
В Москве удачно завершить дела.
И вскорости «Путиловец» покатит,
Мотором громыхая, вдоль села.
И люди побегут за ним по тракту,
Взволнованно и жарко гомоня...

Так воплотится
Живописный трактор
В стального настоящего коня!

13

«Сейчас они работают совершенно
изумительные вещи, и очень хоте-
лось бы знать, какой умный Дьявол
научил их прыгнуть так высоко? Ой,
талантлив народ наш!»

(Из письма А. М. ГОРЬКОГО своему
биографу И. А. ГРУЗДЕВУ.)

Перелески, поля да пригорки.
Вон и Палеха светлый предел...

Как хотел сюда вырваться Горький!
Собирался... Да вот не успел...
Как хотел погостить к палешанам
Вдур нагрятую, хворобам назло,
Думал вместе с Роменом Ролланом
Посетить это чудо-село,
Чтобы радостью с другом делиться
И восторг его знать наперед;
Чтобы вновь самому изумиться:
— Ой, талантлив
Российский народ!..

Всяко было: и радость и горе.
Угрожал нам погибелью враг.
Словно кони, горячие годы
Проскакали. Дымится большак...

Еду в Палех знакомой дорогой
К достижимой и ясной мечте,
Вслед за памятью,

щедрой и строгой,
Поклониться земной красоте.
Поглядеть, как привычное чудо
Молодые творят мастера.
И опять изумиться:

— Откуда
Этих солнечных красок игра?
Этих линий тугих переливы
И фантазии дерзкой полет?..

В долгих муках рождается диво
И свое праначало берет
И в борьбе, отвергающей злое,
В той борьбе,
Что, как ветер, свежа...
Вновь услышу:

под красочным слоем
Чутко дышит живая душа,
Что пронес нерастраченной Палех
Сквозь суровые дали веков.
Он бывал и в чести и в опале
И свергал сотворенных богов...
Палех правду искал не в иконе.
Шел с такой же, как сам,

гольтебьей.
Революции красные кони
Над его пролетели судьбой,
Пролетели и сердце задела,
Полонили его навсегда.
Возродилась в работах артели
Нашей древней земли красота.
Перед нею, омытою кровью,
Отступала невежества мгла.
Окрыленная солнечной новью,
Буйным цветом она расцвела,
Удивляя собою плзнету,
Покоряя людские сердца...

Мчатся кони по белому свету,
И дороге
Не видно конца.

Самобытность

Небольшой сборник сибирского поэта Александра Плитченко «Родня», вышедший в издательстве «Современник» в 1976 году, имеет свое «необщее выражение», заставляющее остановиться и внимательно к нему присмотреться. Прежде всего привлекает та ненавязчивая самобытность, с которой поэт пишет о вещах привычных и часто встречаемых в поэзии, посвященной жизни современной деревни. Несомненное поэтическое мастерство и глубоко осознанная гражданская позиция заставляют читателя проникнуться сложным и в то же время первозданным отношением поэта к миру. Плитченко обладает даром раскрывать единство и непродуманную взаимосвязь явлений. В этом — основа его лучших образов. Читателю, думается, запомнятся такие строчки: «Русь — развернутый парус посредине земли», «Уже на дальний взгляд недостает души», «И сторожит глубокий сон зерна февральское заснеженное время».

Среди стихов сборника следует выделить те, в которых с психологической достоверностью и симпатией, идущей от понимания человеческой сути героев стихотворений, изображаются характеры современной деревни. В стихах чувствуется доброе влияние поэзии Некрасова (к примеру, «Разговор с пастухом», «Батя», «Надя Калустина»).

Удается поэту и песенный строй в его стихах, который естественно и свободно возникает там, где говорится о вечерней встрече с любимой, о «гусьях-лебедях», унесших осенней порой «непослушную девочку» в дальние южные края, и там, где поэт признается в любви к родному краю.

Говоря о поэтическом мастерстве Плитченко, можно отметить еще одну черту. Его стихи не страдают нагромождением эпитетов и сравнений, которые могли бы легко и в избытке возникнуть из-под пера пишущего о природе. Пейзажи Плитченко лаконичны и выразительны.

Сырая рань да серая изба.
Дорога.
Покосившиеся прясла.
Окончена косьба и молотьба.
Земля отпыхала и погасла.

Деревенская жизнь с ее близостью к природе, с ее тяжелым, но дарующим «здоровый душевный покой» трудом дала Плитченко драгоценное сознание родства со всем живущим. Это сознание счастливого человека, которому незнакомо опустошительное ощущение изолированности и отчужденности. В нем он черпает силы для встречи с каж-

дым «днем неповторимым». Горюет, что когда у человека много братьев и сестер, то он должен вырасти добрым и чутким, и жить ему будет в мире веселее и уверенней. Ну, а если для человека —

...Земля — родня,
Река — родня, изба — родня,
И каждый встречный —
родимый...

Название сборника «Родня» точно передает эмоциональный и философский настрой книги. Родина, родство, родня — в этих словах, помимо единого грамматического корня, Плитченко выявляет и другой, уходящий в глубину человеческого сознания.

Мария БОГДАНОВА

ПУБЛИЦИСТИКА

Все открытия — впереди

«...Обязательно есть неизведанные, неоткрытые острова». Песня эта из спектакля Московского ТЮЗа «Мой брат играет на кларнете» звучит в многочисленных теле- и радиопередачах едва ли не ежедневно.

И пусть на картах не остается уже белых пятен, пусть путешественники открыли все страны, проливы, реки, неизвестные, сказочные острова остаются.

Остаются загадочные, манящие, не открытые то бои земли и страны.

Познание, постижение мира мальчишками и девочками начинается сегодня.

Из года в год, от века к веку — сегодня.

Книга Михаила Озерова «На острове сокровищ» издана «Детской литературой» (Москва, 1975 г.) и адресована этим самым мальчишкам и девочкам, старшеклассникам, ежедневно, ежечасно открывающим новые земли.

Увлекательное путешествие с умным и знающим гидом и собеседником ждет читателя этой книги.

«Двухэтажный автобус заполнен до отказа. На подножке, заботливо поддерживая друг друга, висят мальчишка лет десяти и католический священник, сутана которого развеивается по ветру...»

Но вдруг все останавливается.

Через дорогу, грузно переваливаясь, шествует слон. Рядом с ним погонщик. Они держат путь в храм, где вскоре начнется религиозная церемония». Это Шри Ланка.

Поющие рыбы (или добрые духи, населяющие живописную лагуну) и небесно-голубой сапфир «Голубая царица», сказочной красоты дворец, обнаруженный крестьянами в джунглях, и школа для дрессировки слонов — это Шри Ланка, что в переводе с сингальского означает «Прекрасная земля». Чайные плантации, горы, джунгли, кокосовые пальмы — сказочно богат остров, стоящий на пересечении морских дорог. Но Шри Ланка — это и наплывы хиппи, и первомайская демонстрация, во время которой появилась необычная колонна — босые люди в красных

набедренных повязках. То были ведды — лесные люди, одно из племен, живущих на острове. Но и сооружаемые при помощи Советского Союза металлургический завод в Орувеле, шинный завод в Келани, круглые эмблемы с надписью «Ланка», появившиеся над бензозаправочными станциями, — это тоже Шри Ланка.

Книга Озерова — моментальный снимок, бесстрастно фиксирующий сегодняшний день молодой республики. Это глубокий и интересный анализ событий, происходящих на острове, где прошлое, настоящее и завтрашее сплавляются в единое целое, где Вчера и Сегодня неразрывны.

Загадки и парадоксы далекого острова — его сегодняшний день. 22 мая 1972 года: председатель Национальной государственной ассамблеи подписывает новую конституцию страны. Время — 12.53. Секунда в секунду то самое время, которое, по предсказанию астролога, является наиболее благоприятным для провозглашения республики. А астрологам на острове верят.

Автор рассказывает об истории чайных плантаций.

Автор рассказывает о драгоценных камнях.

А рассказ, в сущности, и о другом. Об истории многострадального острова. О его пути к себе. О том, как Цейлон становился свободной, суверенной и независимой республикой Шри Ланка. Кстати, читатели «Смены», видимо, помнят главы из книги «На острове сокровищ» — две из них были в разное время напечатаны в журнале.

Книга получилась увлекательной, как неизменно увлекательны поиски и открытия неведомых и загадочных островов.

Олег СПАСКИЙ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Авторитет доброго слова

Книга Игоря Мотяшова, в сущности, первая ласточка, принесшая нам добрые вести о международных связях советской детской литературы, о ее мировом авторитете, о плодотворном ее влиянии на современную детскую книгу во всем мире. («Детская литература», М., 1975 г.). Впервые мы имеем возможность ощутить не только мировое признание отдельных прекрасных произведений советских детских писателей, как это бывало и раньше, но представить себе место и значение всей нашей детской литературы в мире.

Мы узнаем из книги Мотяшова о детской литературе Запада, о теории и практике создания детской книги в послевоенные годы, особенно в странах социалистического содружества. Причем все это, как говорит автор, делается «из первых рук» — по личным наблюдениям и благодаря личным контактам с работниками издательства и зарубежными детскими писателями. Автор, как член советских делегаций, побывав во многих странах, интересовался состоянием детской литературы в них, узнал и обобщил многое.

Все это сразу определяет читательский интерес к его книге, делает ее нужным и полезным изданием.

С точки зрения литературной формы книга представляет собой не монографию, не исследование, посвященное одной теме, но довольно пеструю смесь самых разных публицистических жанров: здесь и прямой репортаж (например, первая глава — о международной встрече детских писателей в Москве в марте 1973 года), и путевые заметки, воспоминания о встречах с зарубежными деятелями детской литературы, и беглые обзоры детской литературы в разных странах, и письма юных читателей, и полемические заметки-споры с идейными нашими противниками.

Вся книга скреплена единым, горячим стремлением автора показать нашу советскую детскую литературу как новаторскую, проникнутую духом интернационализма и социалистического гуманизма. Говоря о налаживании международных связей, автор, естественно, не может не отдать должное добрым усилиям наших детских писателей, говорит о большой работе, которую ведут Сергей Михалков, Агния Барто. С интересом читаем мы такие, например, сообщения: Ирина Токмакова, поэт и прозаик, автор многих книг для детей, прочла в Индии целый курс лекций по детской литературе на английском языке. Интересны отчеты и отзывы о многочисленных выставках советских книг в разных странах. Автор, как активный деятель детской литературы, как критик, побывав во многих странах — в Западной Европе, в Бразилии, на Кубе, и его путевые заметки — каждый раз заметки о путях советской детской книги к сердцам юных читателей разных стран и народов.

Особенно интересна для нас глава «На международной волне», рассказывающая о послевоенном движении за новую детскую книгу в Германии, о замечательной деятельности этого движения Елле Лепман, директоре первой в мире Международной юношеской библиотеки, открытой в 1949 году и ставшей научным и пропагандистским центром международной детской литературы. Сейчас директором библиотеки является Вальтер Шерф, не раз посещавший Советский Союз, пишущий по вопросам современной детской литературы (его статьи печатались в журнале «Детская литература»).

Книга И. Мотяшова дает широкую и интересную информацию о состоянии детской литературы в современном мире и открывает путь для дальнейших исследований о развитии международных связей нашей детской литературы.

Вера СМЕРНОВА

ПРОЗА

Герои «голубых дорог»

В своей книге «Голубые дороги» (издательство «Советская Россия», М., 1976 г.) Виктор Митрошенков пишет о летчиках, авиаконструкторах, космонавтах. Кадровый офицер, полков-

ник авиации, он рассказывает о своих командах, однополчанах, товарищах, о той атмосфере, в которой формируются мужественные и благородные характеры.

В мае 1971 года, в канун Дня Победы, в одну из смоленских газет пришло письмо.

«На Польском кладбище города Смоленска, — писали учащиеся школы, — мы обнаружили могилу со скромным памятником, на котором с трудом удалось прочесть: «1908—1939. Герой Советского Союза полковник Губенко Антон Алексеевич».

Кто же он, этот человек, еще до войны удостоенный высокого звания Героя, как он погиб, почему похоронен в Смоленске?

Результаты проведенных поисков легли в основу документальной повести о выдающемся летчике-истребителе, впервые в истории советской авиации совершившем воздушный таран, — Антоне Губенко. Автору удалось воссоздать запоминающийся образ человека, одержимого безграничной любовью к небу, новатора, экспериментатора, стремившегося соединить технические возможности самолета с тактической необходимостью воздушного боя.

С большим интересом читаются также очерки об известном авиаконструкторе В. Ф. Болховитинове — одном из создателей первого реактивного самолета БИ-1 — и знаменитом летчике-испытателе Г. Я. Бахчиванджи, энтузиасте ракетного полета, достойном предшественнике наших замечательных космонавтов. По мнению Юрия Алексеевича Гагарина, «если бы не было Григория Бахчиванджи, может быть, не было бы и 12 апреля 1961 года».

Сильное впечатление производят страницы фронтового дневника поэта и военного штурмана В. Е. Горбатенкова, павшего в воздушном бою за родную землю в марте 1943 года. Дань памяти погибшим героям определяет высокий нравственный пафос книги Виктора Митрошенкова.

Значительное место в книге занимают очерки о советских космонавтах В. Быковском, В. Шаталове, Г. Береговом, А. Леонове. Автор стремится найти для каждого свои краски, выявить богатство и своеобразие их индивидуальностей на фоне общей, всепоглощающей страсти к полету.

Вот запись из дневника Юрия Гагарина, приведенная в хронике последнего месяца его жизни: «Нет у меня сильнее влечения, чем желание летать. Летчик должен летать. Всегда летать».

Почему книги об авиации всегда пользуются повышенным успехом? Причин много. Здесь и вдохновенная романтика летного труда, и отвага, и доблесть авиаторов... Пожалуй, как нигде, в авиации прочен союз человека и техники, а потому особенно наглядны те требования, которые предъявляет к качествам человеческой личности стремительный научно-технический прогресс, столь характерный для нашего времени. В этом смысле уникальный творческий опыт летчиков имеет универсальное значение.

И еще одна особенность книги В. Митрошенкова привлекает внимание. Автор постоянно подчеркивает связь поколений, необходимость бережного хранения и непрерывного изучения предшествующего опыта, за который часто платили дорогой ценой. Причем «в авиации нельзя научиться чему-то раз и навсегда и жить этим вчерашним успехом. Чтобы не отстать, не потерять форму, чтобы стать уверенней, в авиации учатся каждый день...».

Думается, что этот призыв к постоянному совершенствованию найдет отклик у самого широкого круга читателей.

Алексей КОРОЛЕВ

Владислав ЯНЕЛИС Фото Ивана СЕРЕГИНА

ПАРУСА НАД ЗЕМЛЕЙ

Недалеко от Рублевского шоссе, на склонах высоких холмов, раскинулось старое подмосковное село Крылатское. Ровные, отлогие склоны над Москвой-рекой, длинный, поросший осокой овраг издавна были местом тренировок горнолыжников и мотогонок. Но вот не так давно в Крылатском появились представители нового вида спорта — «летающие люди», или дельтапланеристы, если соблюдать спортивную терминологию. На одну из тренировок председатель московского клуба «Дельтаплан» Виктор Козьмин пригласил нас.

По традиции он должен первым «попробовать ветер». Козьмин надевает горные ботинки и шлем, затем снимает с «Жигулей» аппарат и быстро готовит его к полету.

— При сильном ветре неопытный спортсмен рискует спланировать на воду, — сказал он, — или даже на крышу одного из домов. Поэтому с верхней точки мы разрешаем взлетать только тем, кто прошел полный курс тренировки, да и то при ветре, скорость которого не превышает 10 метров в секунду.

«Взлетать». Это казалось фантасти-

кой — человек «надевает» крылья и поднимается в небо прямо с земли. Фантастика фантастикой, но это происходит именно так.

Виктор пристегнул себя ремнями к аппарату, слегка качнул крыльями, проверяя равновесие, сделал несколько быстрых шагов по направлению к оврагу, сильно и резко оттолкнулся от края склона и, подхваченный ветром, взмыл в воздух. Несколько секунд он летел почти горизонтально, и белые крылья дельтаплана казались огромным парусом, медленно плывущим в небе по воле пилота. Но вот Виктор наклонил тело вперед, увеличив таким образом скорость планирования, и изменил направление полета. Затем еще один поворот, и, взяв курс к реке, Виктор исчез за домами.

Я стоял на склоне горы, откуда взлетел в небо Козьмин, и вспоминал слова одного из пионеров отечественного дельтапланеризма: «Надев на себя ремни дельтаплана и оторвавшись от земли, вы не станете птицей, но вы уже никогда не будете ей завидовать, потому что испытали ни с чем не сравнимые ощущения управляемого парения».

Дельтапланеризм, наверное, самый молодой вид спорта в нашей стране.

ПАРАД УЧАСТНИКОВ I-ГО ВСЕСОЮЗНОГО СЛЕТА ДЕЛЬТАПЛАНЕРИСТОВ В КРЫЛАТАХ.

ДАЖЕ САМЫЙ ОПЫТНЫЙ СПОРТСМЕН НЕ ЗАСТРАХОВАН ОТ ПОДОВЫХ НЕОЖИДАННОСТЕЙ. ПОЛЕТ — ЭТО ВСЕГДА РИСК.

Если несколько лет назад спортсменое-дельтапланеристов были буквально единицы, то сегодня их уже больше тысячи. И с каждым днем энтузиастов этого увлекательного спорта становится все больше и больше. Потому что, кроме физического закалывания, дельтапланеризм воспитывает в людях такие качества, как воля, мужество, выдержка, умение владеть собой.

Доктор физико-математических наук, заместитель директора одного из академических институтов, мастер спорта по водным лыжам Михаил Гохберг познакомился с дельтапланеризмом в 1971 году во время работы с французскими учеными. Однажды его пригласили посмотреть на полеты дельтапланеристов, взлетающих с воды. Он посмотрел, затем сам попробовал полетать и с той минуты на всю жизнь влюбился в шелковые крылья. Тогдашний чемпион мира по дельтапланеризму Бернард Денис любезно предоставил возможность советскому ученому скопировать свой аппарат. Так Гохберг привез его чертежи домой, в Москву, и построил первый дельтаплан.

Что же это такое — дельтаплан? 20 квадратных метров капрона или дакрона для несущей плоскости, которая крепится на каркас из нескольких дюралевых балок, стянутых тросами у ручки аппарата. Ручка и выполняет роль штурвала. Конструктивно это тот же воздушный змей, который скользит в небе, поддерживаемый потоками воздуха. С той лишь разницей, что дельтапланом управляют не с земли, а непосредственно в небе. От формы, размеров несущей плоскости, устройства ручки, соединительных узлов зависят летные возможности аппарата, его аэродинамические качества.

В 1972 году Гохберг совершает несколько тренировочных полетов с небольших высот, зимой следующего года он на своем бело-оранжевом аппарате планирует с Чегета. С тех пор, пожалуй, и начинается эра советского дельтапланеризма. Сотни энтузиастов буквально заваливают его письмами с просьбой выслать чертежи дельтаплана. В различных городах страны при комитетах комсомола учебных заведений, предприятий, в комитетах ДОСААФ создаются секции дельтапланеристов. Их членами становятся школьники и студенты, учащиеся ГПТУ и даже... пенсионеры, ибо новый вид спорта не имеет возрастного ценза. Необходимы лишь достаточная физическая подготовка, специальные навыки и, конечно, высота. Уже сейчас спортсмены летают с Монблана, Фудзиямы, Килиманджаро. Стремление дельтапланеристов к высоте естественно: чем выше их

стартовая площадка, тем продолжительнее планирование.

Прошло несколько лет со дня первого полета, а белые, оранжевые, голубые паруса парят уже не только над Москвой, но и над Новосибирском и Ригой, Томском и Киевом, Минском и Казанью, Ростовом-на-Дону и Курском. В марте 1976 года в Карпатах состоялся первый Всесоюзный слет дельтапланеристов, собравший представителей почти всех секций страны.

...Ветер усиливается. Отлетав и приземлившись на дне оврага, Виктор Козьмин, не снимая «крыльев», взбирается к нам наверх, поддерживаемый мощными струями воздуха; кажется, что он едва касается подошвами склона. Очередь лететь его товарищу по клубу Борису Белявскому. Он надевает шлем и очки, которые защищают глаза от встречного воздушного потока и слепящей белизны снега. Внезапно Козьмин останавливает его:

— Надо немного переждать. Слишком порывистый ветер.

В таких делах с Козьминым не спорят, потому что он не только руководитель тренировок, но и один из самых опытных спортсменов клуба: у него больше ста пятидесяти полетов в самых различных условиях. С его участием построены почти все аппараты, которыми располагает клуб, а их сейчас уже около 20.

Пока на крылатых склонах нелетная обстановка, Козьмин рассказывает о людях, для которых полеты на дельтапланах стали самым большим и прекрасным увлечением в жизни. Оказывается, среди членов столичного клуба немало тех, чья судьба так или иначе связана с авиацией. Это студенты МАИ, будущие инженеры-авиаторы, а также те, кто не так давно простился с работой в небе, но, придя в «Дельтаплан», обрел небо вновь. Бывшие летчики-испытатели, пилоты сверхзвуковых машин в один голос утверждают, что ощущения во время планирования на дельтаплане не менее остры, чем при работе за настоящим штурвалом.

— Однажды к нам в клуб пришла группа ребят лет пятнадцати-шестнадцати. Спросили, кто у нас

самый главный, и объяснили, что хотят получить консультацию перед полетами на собственном аппарате. Прихожу с ними в их так называемую мастерскую, размещенную в старом сарае, и вижу дельтаплан. То, что конструкция оказалась далека от совершенства, определить было несложно, дело в другом. Ребята показывали свой аппарат с такой гордостью и влюбленностью, что огорчить их сразу значило оскорбить в лучших чувствах. Я посоветовал им пока не летать, придравшись к каким-то мелочам, и пригласил прийти в клуб. Через несколько дней они сами поняли свои ошибки, исправить которые мы принялись сообща. Словом, ребята стали завзятыми дельтапланеристами, и мне думается, это увлечение поможет им при выборе своего жизненного маршрута. Вот в такой «авиаориентации» молодежи я вижу одну из главных задач нашего клуба.

Странная вещь: в эпоху комфортабельных скоростных автомобилей мы садимся в обыкновенные деревянные сани, чтобы с удовольствием принять удары ветра и снежных брызг в лицо; в эпоху сверхзвуковых лайнеров мы создаем простые аппараты и при помощи их взмываем в небо, чтобы ощутить высоту, чтобы почувствовать, как воздушный парус повинует нас нашим мускулам и воле. Не ость ли это неистребимое человеческое стремление испытать себя в единоборстве с природой, ощутить свое единство с ней?

ЖЕЛТЫЙ Д

Андрей ЛЕВИН

начит, вы хотите получить документы в обмен на жизнь моих родственников?—полуутвердительно спросил Красный Жезл.

— Именно,—согласился Гун,—только я хотел бы уточнить одну незначительную деталь. Ваши сыновние и отцовские чувства мы оцениваем несколько выше, нежели нашу заинтересованность в документах.

— На сколько?

— Пустяки,—усмехнулся Гун,—я полагаю, что тысяч двести будет вполне...

— Ты с ума сошел, вонючая крыса!—прищурившись, процедил сквозь зубы Красный Жезл.—Такие деньги за двух человек!

— Я постеснялся предложить меньшую сумму, чтобы не оскорбить вашу любовь к матери и дочери.

— Ты не получишь ни цента. Понял? Ни цента!—задохнулся от злости Красный Жезл.

— Не будьте опрометчивым, господин Фонг,—сухо произнес молодой человек.—Вы уже имели возможность убедиться в нашей информированности. Мы знаем о вас больше, чем вы думаете. Гораздо больше. Полиции могут стать известны номера счетов в некоторых банках, записанные на имя некоего Тео Ки Лая. Наложить на них арест ничего не стоит. И потом не скромничайте, господин Фонг. Что такое для вас двести тысяч? Ерунда. Подумайте о матери и дочери.

— Хорошо,—произнес Красный Жезл,—я подумаю.

— Я не сомневался в вашей рассудительности,—замечил Гун.—Надеюсь, дня два вам хватит? Давайте встретимся в понедельник у входа в Ботанический сад и договоримся окончательно. Я не буду возражать, если вы захватите с собой аванс. Скажем, процентов пятьдесят.—Гун ополоснул пальцы рук в специально поданной для этого пиале с теплым ароматным чаем.—А теперь у меня к вам небольшая просьба, господин Фонг. Дайте вашим людям указания относительно моей персоны. Я догадываюсь, что у выхода меня ждет отнюдь не почетный эскорт.

Красный Жезл щелкнул пальцами над плечом, и за его спиной тут же вырос официант.

5

После ухода Гуна Красный Жезл налил себе в бокал вина, но пить не стал. Он вертел в руках фотографию дочери. Отпечатанный на тонкой глянцевой бумаге снимок словно лезвием бритвы срезал в его памяти наслоение сингапурской жизни. Где-то, почти на самом ее дне, он с удивлением обнаружил слежавшийся, поросший мхом забвения пласт впечатлений, образов, эпизодов. Полгода он вел нищенское существование в Гонконге, пока не устроился на какое-то судно, идущее сначала в Японию, а затем в Сингапур.

Тех жалких грошей, которые он подзаработал во время плавания, хватало ненадолго. Оставшись без средств к существованию, Фонг пытался пристроиться в уличный театр, но везде получал отказ. Тогда он занялся воровством, попал в тюрьму. Там его и прибрали к рукам люди из «Анг Сун Тонг».

Поначалу Фонг был просто осведомителем и даже не подозревал, с кем имеет дело. Он слышал о таинственных «триадах», но считал это выдумкой. Когда же Фонг случайно узнал, на кого работает, первым его побуждением было избавиться от столь опасного сотрудничества. Но «триады» впились в новых членов с цепкостью паука, поймавшего муху. Освободить человека от членства в «Анг Сун Тонг» могла только смерть.

Фонг смирился со своей судьбой, а через некоторое время смекнул, что игра стоит свеч. Если, конечно, не

довольствоваться в ней ролью пешки. Фонг быстро понял, что «Каноны», определявшие уклад жизни «великого братства», составлены умными людьми для дураков. Он наметил себе цель: во что бы то ни стало пробиться в круг вождей «Анг Сун Тонг». Средство, избранное Фонгом для достижения этой цели, было простым, как рисовая похлебка: доносы. Но действовал артист из Шанхая неторопливо и осторожно.

Люди, которые стояли на его пути, были, естественно, выше Фонга по положению в тайном обществе. И чтобы свалить их, нужно было сначала добиться их расположения. Поэтому Фонг занялся слежкой за рядовыми членами «триады». Наметив жертву, он не успокаивался до тех пор, пока — исподволь, ненавязчиво — не убеждал босса в том, что тот человек опасен. Причиной чаще всего были или неумение держать язык за зубами, или далеко идущие честолюбивые устремления. Доказательства требовались редко.

После того как Фонг становился правой рукой босса, он — опять же очень аккуратно — искал случая познакомиться с теми, кто находился на ступеньке выше, и вновь применял свой испытанный прием. Так шаг за шагом Фонг продвигался по иерархической лестнице «триады», пока в конце концов не получил титул Красного Жезла. На это восхождение у него ушло пятнадцать долгих лет.

Ему постоянно везло, а полоса неудач началась с того момента, когда с «Тумасика» улизнул механик Сунгай. Оплешность могла бы остаться незамеченной, если бы не Белый Бумажный Веер. А Желтый Дракон — Красный Жезл знал это очень хорошо — никогда ничего не забывает.

Вторая неприятность произошла сегодня и нужно было срочно искать выход из положения. Красный Жезл решил оставить свои невеселые размышления до утра. Он взял со стола фотографию и письмо, положил их в карман. Затем поднялся вверх, в комнату Тана. Тот засуетился, усаживая Красного Жезла в кресло, угодливо спросил, что тот будет пить.

— Ничего не надо,—устало произнес Красный Жезл.—Ты, кажется, хотел мне что-то сказать?

— Ко Ин...—начал было Тан и замаялся, явно не решаясь сообщить какую-то недобрую весть.

Красный Жезл похолодел. Он вдруг отчетливо вспомнил слова Желтого Дракона перед операцией на Блаканг-Мати: «Не дай бог кто-нибудь об этом узнает». Сказав это, Желтый Дракон взял со стола игрушечный меч, и Красный Жезл содрогнулся, словно почувствовал прикосновение стали к своей шее.

— Что Ко Ин? Полиция за что-то уцепилась?

— Хуже. Боюсь, что Ко Ин заговорил.

— Не может быть!—воскликнул Красный Жезл, чувствуя, однако, что от его крика уже ничего не изменится и что если Тан говорит, он знает, что говорит.

— Через день после Блаканг-Мати у него появился «хвост»,—виноватым тоном, словно оправдываясь за то, что Ко Ин попал в поле зрения полиции, проговорил Тан.—Еще через три дня с ним кто-то встречался в кабинете шефа участка...

— Кто встречался? Почему ты мне раньше ничего не сказал?

— Мои люди не знают этого человека, но он из службы Аланга. Установили по машине, хотя номер на ней был другой. А когда я мог сказать? Ведь вас не было три дня.

Красный Жезл нахмурился. «Си-Ай-Ю» чуть ли не целую неделю занимается Ко Ином, а он ничего не знает об этом!

— Дальше!

— После разговора Ко Ин вышел из кабинета сам не свой.

Это была третья и, пожалуй, самая крупная неприятность за последние дни. Неужели они смогли на чем-то поймать Ко Ина? Красному Жезлу очень не

хотелось в это верить. Он стал вспоминать, как все происходило той ночью, но потом плюнул. Выяснить, на чем попался сержант, уже не было смысла. Нужно как можно быстрее его убрать. Главное — нельзя допустить, чтобы весть о том, что Ко Ин заговорил, дошла до Желтого Дракона. Иначе... Красный Жезл снова вспомнил игрушечный самурайский меч и невольно поежился. Да, нужно кончать с ним как можно быстрее. Но за Ко Ином может наблюдать еще и Белый Бумажный Веер. Тогда об исчезновении сержанта станет известно Желтому Дракону, и он обязательно заинтересуется причинами. Необходимо придумать достаточно вразумительное объяснение.

Красный Жезл почувствовал себя повисшим на краю пропасти: Сунгай до сих пор не найден, Ко Ин заговорил, Гун взял его за горло с документами. Неужели все усилия пятнадцати лет пойдут прахом? Он с таким трудом пробился «наверх». Это было похоже на подъем по отвесной стене. Красный Жезл руками и зубами цеплялся за каждый выступ, за каждую расщелину, постоянно рискуя сорваться в бездну. А теперь, когда он прочно встал на ноги, все полетит к черту? Нет, нет, этого нельзя допустить. Нужно что-то придумать, как-то выбраться из этой полосы невезения. Но как это сделать? Как?

Красный Жезл поднял тяжелый взгляд на Тана. Тот слишком хорошо знал характер босса и сейчас стоял молча, чтобы каким-нибудь неосторожным словом не навлечь на себя его гнев.

— Есть что-нибудь еще?

— Приходил человек от Белого Бумажного Веера. Они хотят забрать «товар» сегодня ночью.

— Какого же черта ты молчал?

— Тан виновато опустил голову.

— Когда и где?

— В половине первого, Кеонг Сайяк, 14. Нужно подойти к торговцу фруктами и сказать, что на прошлой неделе его просили подготовить к сегодняшнему дню два пакета крупных манго. Он проведет к Белому Бумажному Вееру.

Красный Жезл посмотрел на часы. Было двадцать минут десятого. Значит, есть еще три часа.

«Трусливая собака»,—с ненавистью подумал он о «старшем брате»,—любишь, чтобы всю черную работу за тебя выполняли другие. Подожди, мы с тобой еще сочтемся».

И вдруг у него мелькнула мысль, которая показала такую сумасшедшей, такой несбыточной, что у Красного Жезла перехватило дух.

— Ну-ка, принеси мне вина,—велел он Тану, облизывая неожиданно пересохшие от волнения губы.

Тот бросился выполнять приказание. Оставшись один, Красный Жезл лихорадочно соображал. Он заставил себя сосредоточиться, пытаясь придать четкие формы пока еще расплывчатой идее. Да, более удобный случай вряд ли представится. Только нужно учесть все до мелочей. Торопиться не стоит, иначе что-нибудь да упустишь. А в таком деле малейший промах может стоить жизни. От напряжения на лбу у Красного Жезла выступила испарина.

— Та-ан!—крикнул он, хлопнув ладонью по столу.—Куда ты запропастился?

Хозяин ресторана влетел в комнату и поставил перед Красным Жезлом лаковый поднос с бутылкой вина и высоким хрустальным бокалом. Он мастерски выбил пробку, и в бокал полилась светло-желтая жидкость.

— Иди,—махнул рукой Красный Жезл,—понадобись—позову.

— Как будет угодно,—пробормотал Тан, пятясь в открытую дверь.

Красный Жезл сделал несколько жадных глотков. На мгновение ему стало страшно: вдруг он что-то не учел и весь план провалится? Но Красный Жезл тотчас взял себя в руки. «Все будет чисто»,—вспомнил он любимое выражение Белого Бумажного Веера.

— Да, все будет чисто, «старший брат».

— Вы меня?—В дверь просунулась голова Тана.

ЗАКОН ДЗЯЮ

РОМАН

— Нет. Впрочем, иди сюда. Позвони в участок, где работает Ко Ин, и выясни, где он сейчас: дома или на дежурстве? Если на дежурстве, то в каком районе?

— Тан понимающе кивнул и выскочил из комнаты. Дежурит у Центрального госпиталя, со стороны Нью-Бридж роуд,— сказал он, снова появившись через несколько минут.

Красный Жезл поднялся и молча направился к двери. Тан бросился вперед, широко распахнул ее перед боссом. На пороге Красный Жезл задержался, повернулся к Тану.

— У Северного моста есть затопленная баржа. Знаешь?

Тан кивнул.

— Так вот... Нет, ничего не нужно.

— Как будет угодно, Красный Жезл.

— И убери своих людей от Ко Ина. Прямо сейчас. Я сам с ним поговорю.

— Хорошо.

Красный Жезл спустился вниз. «Тойота» уже стояла у входа в ресторан с открытой задней дверцей.

— В «Тропикану»,— бросил он, садясь в машину. И снова погрузился в раздумье.

Красный Жезл сначала хотел, чтобы люди Тана занялись Ко Ином, но потом передумал. Тану не стоит знать, когда это произойдет, чтобы у него не возникло ненужных ассоциаций. Сержантом займутся те, кто его не знает. Так будет надежнее.

Машина проскочила церковь Святого Шефферда, затем свернула на Хилл-стрит, которая за мостом уже называлась Нью-Бридж роуд и вклинивалась широкой лентой в лабиринты тесных улочек Чайнатауна. После того, как слева промелькнул отель «Мажестик», Красный Жезл велел своему спутнику сбавить скорость и стал внимательно смотреть по сторонам. Они проехали от «Мажестика» до железнодорожного переезда раза три, прежде чем Красный Жезл увидел Ко Ина. Тот медленно шел по тротуару, разговаривая с напарником.

— Проезжай метров сто вперед и остановись,— сказал Красный Жезл, провояжая взглядом Ко Ина.— Жди меня у «Мажестика».

Машина затормозила. Красный Жезл вышел и неторопливо двинулся навстречу полицейским. Ко Ин заметил босса еще издали и побледнел. Красный Жезл сделал сержанту едва уловимый знак следовать за ним и прошел мимо.

— Для тебя есть срочное дело,— не поворачивая головы, произнес он, заметив краем глаза униформу догнавшего его Ко Ина.

— Я готов,— поспешно ответил тот.

Ко Ин, видимо, решил, что собеседнику ничего не известно, и немного успокоился. Голос его звучал довольно твердо.

— У тебя есть машина?

— Конечно.

— Оставив своего напарника на час. Придумай что-нибудь.

— Это можно.

— В половине первого подъедешь на Кеонг Сайяк, 14. Подойдешь к торговцу фруктами у дверей и скажешь, что на прошлой неделе заказывал два пакета крупных манго. Он проведет тебя к Белому Бумажному Вееру. Хорошенько запомни: К Белому Бумажному Вееру. Будь вежлив с ним. Это большой человек.

— Да, конечно, я понял.

— Передашь ему сумку, которую получишь у Южного моста четверть первого. К тебе подойдут. На обратном пути поедешь по Нью-Бридж роуд. После Северного моста свернешь на набережную и остановишься у затопленной баржи. Если все будет в порядке, пройдешь несколько шагов вперед.

— А...— Ко Ин запнулся.

— Если нет, в обратную сторону,— усмехнулся Красный Жезл.— Ты все понял?

Сержант едва разлепил губы:

— Да...

— И еще. Я доволен тобой. На острове ты все сделал как надо. Завтра приедешь ко мне, получишь деньги.

При упоминании о Блэкнг-Мати полицейский внутренне сжался.

— Теперь пройди немного вперед. Потом вернешься к своему напарнику.

Красный Жезл быстро пересек улицу и остановил такси. Из машины заметил, что Ко Ин наблюдает за ним. Велел шоферу завернуть за угол и остановиться. Потом расплатился, вышел и направился обратно к Нью-Бридж роуд. Осторожно выглянув из-за угла, Красный Жезл увидел, что сержант, оглядываясь по сторонам, подошел к телефону-автомату.

— Все будет чисто, «старший брат»,— пробормотал себе под нос Красный Жезл, наблюдая за выражением лица сержанта. Потом он двинулся к «Мажестик».

6

Патрик с наслаждением вытянулся в ванной, плеская себе на лицо прохладной водой. За неделю он порядком намотался, и думать о работе не хотелось. Воображение рисовало завтрашнее воскресенье, вечер у Теона, когда они снова сядут за карты и Патрик будет играть в паре с Джун. Она действительно прекрасно играет в бридж— Ло понял это в первой же партии, которую они выиграли у Алангов. А ведь Теон и Лау— сильные противники. За много лет они хорошо сыгрались.

Патрик вспомнил треугольные, слегка раскосые глаза Джун с бровями, изогнутыми, как листочки молодой веерной пальмы, и ему захотелось, чтобы побыстрее наступил воскресный вечер.

В приятные размышления инспектора ворвался телефонный звонок.

— А, черт,— выругался Патрик,— этого еще недоставало!

Он вылез из ванны, накинул махровый халат, всунул ноги в шлепанцы и, досадуя на себя за то, что забыл перенести телефон в ванную комнату, направился в спальню. По полу за ним потянулся мокрый след.

— Алло,— недовольным голосом произнес Ло.— Вас слушают.

Ему никто не ответил.

— Да вылейте же изо рта воду, черт побери!

Снова молчание. Патрик швырнул трубку на рычаги и пошел обратно. Но не успел он дойти до дверей, как телефон затрещивал снова.

— Послушайте!— заорал в трубку Ло.— Сейчас не время для дурацких шуток!

— Это я,— робко ответил с другого конца провода.— Я у Центрального госпиталя.

— Ко Ин?— Память на голоса у Патрика была отличная.

— Да.

— Что случилось?

— Я... Я не могу по телефону. Могут подойти.

— Тогда встретимся утром. Я приеду в участок. Или до завтра откладывать нельзя?

— Нет.

— Хорошо. Жди меня у главного входа. Я буду там через двадцать минут.

Ло положил трубку. Большие настенные часы, висевшие в гостиной, пробили одиннадцать. Патрик быстро оделся и вышел на улицу. Рядом тут же заскрипело тормозами такси. Назойливость таксистов порой раздражала инспектора. Они почему-то считали, что человек, идущий пешком, крадет их заработок, и на тех, кто отказывался от машины, смотрели как на своих смертельных врагов. Однако на этот раз такси было кстати.

Когда Ло подъехал к Центральному госпиталю, Ко Ин уже прогуливался там, постоянно озираясь по сторонам. Патрик расплатился и подошел к сержанту.

— Ну, что у тебя за новости?

— Я дежурил на Нью-Бридж роуд,— почти шепотом проговорил Ко Ин,— и вдруг натолкнулся на Красного Жезла. Он меня разыскивал...

Полицейский передал инспектору только что состоявшийся разговор.

— Раз Красный Жезл сам решил приехать к Ко Ину, дело наверняка серьезное,— подумал Патрик.— А главное— он доверяет сержанту. Иначе не сказал бы про Белого Бумажного Веера. Это хорошо.

— Адреса не перепутал?— на всякий случай спросил он у полицейского.

— Нет, нет, господин инспектор. Я хорошо запомнил.

— Ну что ж, отлично,— сказал Ло, прикидывая, что нужно предпринять в первую очередь.

— Что мне делать, господин инспектор?— тихо спросил Ко Ин.

— Что приказал твой босс. И не переживай: останешься вне подозрений. Но не вздумай мудрить. Заметку с тем симпатичным заголовком я еще не уничтожил.

— Нет, нет. Что вы, господин инспектор!

— Ну, ладно, отправляйся.

Когда Ко Ин скрылся за поворотом, Ло вошел в госпиталь. Справа за столом сидела пожилая медсестра и клевала носом.

— Я из полиции,— сказал Патрик, показывая удостоверение,— мне нужно срочно позвонить.

— Пожалуйста,— испуганно ответила женщина, указывая на телефон.

— Нет, мне нужно позвонить из отдельного кабинета.

Медсестра вытащила из ящика стола связку ключей и молча пошла в глубь коридора. Открыв одну из дверей, она впустила Патрика и так же молча удалилась. Инспектор зажег свет, закрыл дверь и связался с дежурным по офису.

— Срочно подготовьте к выезду оперативную группу. Нет, лучше две. И позвоните шефу, попросите его приехать.

— Хорошо, инспектор.

Через пятнадцать минут Ло был уже в офисе. Еще минут через десять появился Аланг.

— Что случилось, Патрик?

— Я только что видел Ко Ина. Он звонил мне домой. Мы встретились у Центрального госпиталя, и сержант сказал, что к нему на дежурстве подошел Красный Жезл. Он приказал отвезти Белому Бумажному Вееру какую-то сумку.

— Он дал ему эту сумку?

— Ко Ину передадут ее у Южного моста четверть первого. В половине первого он должен быть с ней на Кеонг Сайяк, 14.

— Хм...— Аланг приподнял очки и потер переносицу.— Белый Бумажный Веер... Это ведь довольно высокий сан в «Анг Сун Тонг»?

— Третий после Желтого Дракона,— отозвался Ло.— Красный Жезл— на ступеньку, ниже.

— Допустим, что мы их возьмем... Хотя арест Белого Бумажного Веера автоматически насторожит Красного Жезла, и он может улизнуть,— пробормотал Аланг себе под нос и, подняв на инспектора узкие глаза, спросил:— А что дальше? Через них мы не выйдем на всю «триаду». Просто так они не заговорят, а то, что вам удалось повернуть с Ко Ином, на этот раз не подойдет.

— У нас нет другого выхода, Теон,— возразил Патрик.— Устанавливать за ними наблюдение бессмысленно: слежка будет моментально замечена. А улика против них есть, мне кажется, серьезная.

— Что вы имеете в виду?

— В сумке должно находиться одно из трех— золото, наркотики, фальшивые деньги. Деньги и золото отпадают: в сумку много не положишь, а «Анг Сун Тонг» не занимается мелочами. Остается героин. А это по новому закону смертная казнь. Вот тут-то с ними можно поговорить и об остальных.

— Все же не думаю, чтобы они заговорили. Они

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

будут рассчитывать на побег.— Аланг вздохнул.— Говоря откровенно, такой вариант мне не по душе. Мы опять не в силах нанести удар по всей организации.

Он немного помолчал.

— А что, если сделать ставку на вашего сержанта и в дальнейшем? Справится?

— Вряд ли,— ответил Ло,— он труслив и в самый нужный момент может сорваться. А Белый Бумажный Веер и Красный Жезл слишком солидные фигуры, чтобы пренебрегать возможностью арестовать их...

Аланг снял очки, закрыл лицо руками, размышляя. Ло терпеливо ждал, пока ладони шефа медленно скользили по скулам. Но вот они задержались на подбородке и резко опустились на стол.

— Хорошо. Будем брать. Люди готовы?

— Сейчас проверю. Я звонил еще из госпиталя и просил подготовить две оперативные группы.

Ло нажал кнопку селектора.

— Да, инспектор,— послышался голос дежурного.

— Оперативные группы готовы?

— Все в порядке.

Патрик поднялся со стула.

— Наверное, пора ехать, Теон?— Он вопросительно посмотрел на шефа.

Аланг сидел, не двигаясь.

— Вы считаете лишним обговорить наши действия хотя бы в общих чертах?— поинтересовался он.

— Простите, Теон,— смутился Ло,— совсем вылетело из головы.

— Вероятно, она у вас занята завтрашней партией в бридж,— заметил Аланг и, не дожидаясь, когда Патрик отпаривает, быстро добавил:— Шучу. Давайте ваши предложения.

Патрик продумал все еще по пути из госпиталя в офис и начал четко излагать шефу свои мысли:

— Ко Ин появится там в половине первого. Пока он договорится с торговцем фруктами, доберется до Белого Бумажного Веера и выйдет обратно, уйдет минут семь. Торговец фруктами—сторож. Он дает сигнал опасности. После того как Ко Ин уедет, торговцу нужно помешать предупредить своих о нашем появлении. Если мы подъедем на машине, он может успеть: черт знает, какая у них там сигнализация. Значит, нужно увести его оттуда. Думаю, что мне удастся его «уговорить», и он вместе со мной войдет внутрь. Это должно произойти без двадцати трех—двадцати двух минут час. В это время к дверям и должна будет подъехать машина с первой оперативной группой. А вторая в это время оцепит улицу. Я так представляю себе эту операцию.

— В принципе согласен,— подумав немного, произнес Аланг,— только оцеплять нужно квартал. В этих ящиках, которые там называются домами, черт ногу сломает. Они живут как кроты—в каждом доме по несколько выходов. Не исключено, что Белый Бумажный Веер и его люди попытаются улизнуть на соседнюю улицу. Это первое. Второе: одному вам идти рискованно. Задержись машина на пару минут, и вас прихлопнут в этой дыре.

— Теон, появление нескольких человек может его спугнуть,— возразил Патрик.

— Я не имею в виду, что подходить к нему должны сразу несколько человек. Мы будем придерживаться вашего плана. Но подстраховка необходима. Вы же знаете, как забиты по вечерам улицы Чайнатауна. Устроится какой-нибудь болван со своим прилавком посередине дороги—и все пропало. Четыре человека должны идти пешком с разных концов улицы с таким

расчетом, чтобы дом № 14 оказался в поле их зрения в час тридцать пять. Тогда мы сможем вас подстраховать... Вот теперь, кажется, все. Отклонения от плана—исходя из обстановки.

Аланг поднялся с кресла.

— Пусть оперативные группы соберутся внизу,— распорядился он.— Я зайду к себе и тут же спускаюсь.

— Хорошо,— ответил Ло,— а я тем временем подберу четверых человек для страховки.

— Тройх,— поправил его Аланг.— Четвертым буду я.

Когда все указания были даны и обязанности между людьми распределены, Аланг, Ло и еще три детектива, которые должны были страховать инспектора, вышли из офиса и сели в отдельную машину.

Ехали молча. Ло закурил и, удобно устроившись у окна, стал смотреть на улицу. Аланг расслабленно откинулся на спинку переднего сиденья. Шеф «Си-Ай-Ю» настраивался на операцию. Такая привычка укоренилась в нем давно. Многолетний опыт научил: порой события разворачиваются таким образом, что даже мельчайшая деталь может сыграть решающую роль. Поэтому цепкая память держала наготове все необходимые данные до полного завершения операции.

И на этот раз, хотя операция не представлялась особенно сложной, Аланг тщательно прорабатывал в уме возможные варианты.

Незнакомые с шефом «Си-Ай-Ю» люди могли принять этого маленького, щуплого человека за переросшего свой возраст клерка какой-нибудь небольшой фирмы, банковского служащего, мелкого дельца. Весь его внешний вид и манера одеваться—он

постоянно носил темные костюмы немодного покроя, такие же немодные ботинки и галстук — никак не выдавали в нем того, кем он являлся на самом деле. Веером разбегающиеся от узких глаз морщинки придавали его лицу выражение беспомощности, незащищенности.

Однако внешность Аланга, как, впрочем, и большинства его соотечественников, была обманчивой. «Маленький, щуплый человек» до того, как возглавить секретную службу, на протяжении многих лет был лучшим и наиболее результативным из инспекторов «Криминал интеллидженс юнит». Он не обладал сколько-нибудь значительной физической силой, но зато в совершенстве владел приемами каратэ. Славился он и молниеносной реакцией, столь необходимой в рискованных ситуациях. В бытность рядовым инспектором шеф «Си-Ай-Ю» попадал в такие переделки, из которых, казалось, невозможно было выбраться живым. Но на следующий день Аланг как ни в чем не бывало появлялся в офисе со своим прищуром-улыбкой на лице, вызывая зависть не только новичков, но и выдавших виды коллег.

Аланг любил свою работу. Даже в последние годы, несмотря на возраст и солидный пост, он зачастую сам выезжал на операции. Это не было ни позырством, ни недоверием к подчиненным. Просто Аланг не хотел стареть.

Машина свернула на Краик роуд. Шеф «Си-Ай-Ю» знаком приказал шоферу остановиться.

— Патрик, я думаю, вам лучше всего выйти здесь, — повернулся он к инспектору. — Мы ничего не упустили?

— Кажется, нет.

— Тогда желаю удачи. И осторожнее.

Ло кивнул и вышел из машины. До появления Ко Ина оставалось десять минут. Патрик медленно пошел по узкой улочке, которая вела на Кеонг Сайяк.

Сдавленная с боков невысокими, обшарпанными домами улочка была до отказа забита людьми. На ночных уличных рынках Чайнатауна наступил час пик. На выдвинутых прямо из дверей деревянных прилавках лежали груды бананов, папайи, рыбы, омаров, уток, устриц и бог знает чего еще. Еда продавалась в сыром, вареном, жареном, тушеном виде. Монотонный гул толпы порой прорезали гортанные выкрики продавцов китайского супа. Они толкали взад и вперед свои небольшие тележки на колесах и усердно трезвонили в колокольчики, чтобы расчистить себе путь и привлечь покупателей.

Патрик пробирался сквозь толщу людей и еды, ежесекундно отдирая от себя руки, хватавшие его то за рубашку, то за брюки: на каждом шагу торговцы приглашали поесть, а рикши-сутенеры предлагали плоскогрудых девиц по сходной цене. Ло молча двигался вперед, стараясь побыстрее выбраться из этого кулинарного содома, насквозь пропитанного резкими запахами соевого соуса, горелого масла и дешевых духов проституток.

Наконец, он вышел на Кеонг Сайяк чуть правее нужного ему дома, над дверью которого была прикреплена белая вывеска с красными, похожими на больших вареных крабов иероглифами. «КОММЕРСАНТ ХИН: ПРОДАЖА ТЕКСТИЛЯ», — прочитал Патрик. Он остановился, купил стакан кокосового молока и, медленно потягивая его, стал наблюдать за тем, что происходит на другой стороне улицы.

Над прилавками висели яркие лампочки без абажуров, и лица хорошо различались. Торговец фруктами в белой майке со скучающим видом стоял у дверей. В нем не чувствовалась никакой агрессивности. Наоборот, физиономия излучала неподдельное добродушие. «С этим я, пожалуй, сумею договориться», — подумал Ло.

К дому подкатил полицейский «джип». Торговец с беспокойством взглянул на вышедшего из машины Ко Ина. Сержант подошел к прилавку, пошевелил губами, и торговец успокоился. Он что-то сказал сидевшему рядом на ящике мальчонке, и тот нырнул в узкий проем дверей. Оттуда тотчас же вышел приземистый китаец с лицом, изрытым оспой, взял из «джипа» сумку и снова исчез в прямоугольной дыре. Сержант сел в «джип», и машина тронулась.

«Черт возьми», — выругался Патрик, выискивая глазами Аланга или кого-нибудь из тех, кто должен был его страховать, — такой вариант мы не предусмотрели!»

До их появления оставалось еще минут пять. Медлить было нельзя. Ло быстро пересек улицу и сбоку вплотную подошел к торговцу. Тот удивленно вскинул глаза на инспектора.

— Дом окружен, — тихо произнес Патрик, приставляя к телу торговца пистолет. — Не вздумай поднимать шума. Веди меня к Белому Бумажному Вееру. Это твой единственный шанс.

Торговец безнадменно повел глазами вокруг, потом стал бочком выходить из-за прилавка. Ло сделал шаг в сторону, пропуская его, затем снова «прилип» к китаюцу. Они вошли в дверь и оказались в длинном темном коридоре-колодце с множеством дверей по обеим сторонам. Метров через двадцать он сворачи-

вал направо, и за углом угадывалась слабая лампочка, очевидно, единственная на весь коридор. «Действительно, кротовая нора», — вспомнил Патрик слова Аланга. Глаза инспектора освоились в темноте, и он стал различать обшарпанные, давно не крашенные стены.

Они шли мимо каких-то ящиков, старой рухляди. Одна из дверей была открыта, и Ло мельком увидел пожилого, выцветшую женщину и нескольких детей. Все они сидели на грязной циновке, расстеленной на полу, и палочками ели рис из пиал.

У поворота торговец замедлил шаг.

— Не валяй дурака, — процедил сквозь зубы инспектор, подталкивая спутника дулом пистолета.

Они свернули за угол и оказались между двумя дверями, которые вдруг, словно по команде, распахнулись. Кто-то ударил Патрика по правой руке, сжимавшей пистолет, и с силой толкнул его в противоположную дверь. Ло схватился за косяк, пытаясь удержаться на ногах, но резкая боль в затылке заставила его разжать руки. Теряя сознание, он услышал какой-то странный скрежет, как будто закрывались ворота.

7

«Нет, нет, Патрик, я знаю, вы обманываете меня. Я вам совсем не нужна. У вас есть другая». «Как вы можете, Джун? Я в жизни не встречал девушки красивее вас. Клянусь вам, Джун. Вы для меня стали... Как бы это вам объяснить?.. Теон, ну скажите же ей. Почему вы смеетесь? Подождите еще немного. Я никак не могу навести на резкость. Странная система. Я никогда с такой не встречался. Да говорю же вам, Теон, я ничего не могу поделать с этим фотоаппаратом. Он не наводится на резкость. Я не вижу вас. Все расплывается. Минуту, кажется, получается! Нет, все равно нерезко. Теон, что за шутки? Почему у вас лицо другого человека? Что с вами произошло? Джун, ну прекратите же смеяться надо мной! Это не вы...»

Патрик сознавал, что лежит с открытыми глазами. Только что здесь были Аланг и Джун. Куда же они делись? Ведь он только что фотографировал их и никак не мог навести на резкость. Наверное, им надоело ждать, и они ушли. А кто это появился вместо них? Какие-то незнакомые люди. Патрику показало, что он прищурился, чтобы получше рассмотреть этих людей. Нет, он их не знает. А может, он просто забыл? Ну, конечно, забыл! Вон какое-то знакомое лицо. Где он видел этого человека? Вероятно, спутал с кем-то. Мало ли похожих людей! Нет, он видел его. Но где? А что это за звездочка? На ней что-то написано. Странно. А-а, на ней написано, где Патрик видел этого человека. Но он никак не может разобрать иероглифы. Вот она приближается. Сейчас он прочтает. Нет, снова отодвинулась. Что за черт? Что она прыгает туда-сюда? Ага, опять приближается. Ну, еще немного, ну!

Звездочка вдруг стремительно поплыла на Патрика. Она стала быстро увеличиваться в размерах, пока не превратилась в огромный камень, застывший у самых его глаз. На камне было написано красными, снова похожими на больших вареных крабов иероглифами: «Торговец фруктами».

Сознание вернулось к инспектору. Перед ним стоял китаец в белой майке, который вел Патрика по коридору. Рябая физиономия его соседа тоже была знакома Ло: тот брал сумку из «джипа». Кроме них, в помещении находились еще мужчина и девушка. Инспектор попытался шевельнуть рукой, но безуспешно. Руки были сложены вместе, и Патрик понял: они связаны.

— Очнулся, — сказал рябой, повернувшись к мужчине, сидевшему в кресле у противоположной стены.

— Как вы себя чувствуете? — участливо спросил тот. — Надеюсь, вас не очень ушибли мои люди?

Ло ничего не ответил, а стал осматриваться, медленно поворачивая голову. Он попробовал приподняться, но тут же почувствовал резкую боль в затылке. Пришлось снова положить голову на топчан.

Инспектор находился в небольшом помещении с каменными стенами, без дверей и окон. «Как же они сюда входят? — удивился Ло и тут же догадался: — Подземелье!» Он перевел глаза на каменный потолок и увидел небольшой квадратный люк. «Почему же не пришли Аланг и остальные?» — подумал Патрик и в тот же момент услышал где-то наверху свистки и слабый шум.

Как глупо все получилось! Нужно было подождать три-четыре минуты. Максимум пять. И все было бы в порядке. А теперь Теон совсем рядом, в нескольких метрах отсюда, но Ло не может сообщить ему, где он находится. Его крик наверняка не прорвется сквозь толщу камней над головой. Ну, ничего. Аланг отыщет этот чертов люк. Он перевернет здесь все вверх дном, но доберется до этой норы.

— Они не найдут вас, — со вздохом произнес мужчина в кресле, угадывая мысли инспектора. — Это надежное место.

Ло снова попытался подняться с деревянного топчана, на котором лежал, но у него ничего не вышло. — Помогите господину полицейскому, — участливо произнес мужчина.

Он закурил сигарету и с подчеркнутым удовольствием выпустил облако дыма.

Торговец и рябой подошли к инспектору и грубо усадили его.

— Осторожнее! Вы совершенно не умеете обращаться с интеллигентными людьми. Развяжите ему руки.

Те выполнили приказание. Ло подвигал затекшими пальцами и еще раз осмотрелся. У кресла, на котором сидел мужчина с сигаретой, валялся небольшой деревянный ящик. На нем лежали сумка, привезенная Ко Ином, и пистолет Патрика. Рябой перехватил взгляд инспектора и подошел к ящику.

Рассчитывать на что-то было бесполезно. Оставалось лишь ждать Аланга. Патрик все еще не хотел верить в случившееся и прислушивался к слабому шуму наверху, стараясь угадать, не приближается ли он.

— Вполне вас понимаю, — посочувствовал мужчина в кресле, — но ничем помочь не могу. С вашими друзьями вам уже, очевидно, не придется встретиться. Во всяком случае, в этом ужасном мире. Хотите сигарету?

Ло кивнул. Его собеседник сделал знак торговцу, и тот подал Патрику пачку «Данхилла». Здесь, в подземелье, название сигарет прозвучало в голове Патрика, как горькая ирония судьбы. Ло закурил и поднял глаза на сидящего в кресле.

— Белый Бумажный Веер? — спросил он с таким видом, будто стоял на улице и обращался к человеку, с которым должен был встретиться, но не знал его в лицо.

— О! — искренне удивился мужчина. — Ничего не могу сказать: завидная осведомленность. В другое время я предпочел бы скромно промолчать, но, поскольку разговор останется между нами, не скрою: вы угадали. Ну, а теперь позвольте и мне полюбопытствовать: с кем имею честь?

— Инспектор Патрик Ло из «Криминал интеллидженс юнит». Впрочем, вы, очевидно, уже успели ознакомиться с содержимым моих карманов.

— Вы о нас дурно думаете, господин Ло. Но я не обижаясь: ваша работа наложила на ваш образ мышления соответствующий отпечаток. Мы только забрали у вас пистолет, чтобы он не вводил вас в искушение. Итак, вам нужен был я. Я вас слушаю.

— Нам нужна вся ваша банда, — хмуро произнес Патрик.

— К чему такие слова, господин Ло? — поморщился Белый Бумажный Веер. — Не забывайте, что вы у меня в гостях, а не наоборот.

— Надеюсь на ответный визит. — Инспектор продолжал сохранять присутствие духа, понимая, однако, сложность своего положения.

Белый Бумажный Веер засмеялся.

— Ценю ваш юмор, а главное, оптимизм, господин Ло. Но вынужден вас огорчить: воспользоваться вашим в высшей степени любезным приглашением я вряд ли смогу. О причинах, полагаю, вы догадываетесь.

— Как знать... — бросил Патрик, не желая признать свое бессилие.

Белый Бумажный Веер пропустил эту редлику мимо ушей.

— У нас с вами впереди еще много времени, — сказал он, — ведь ваши друзья не скоро уберутся. Но вы сами прекрасно понимаете, что люк они не найдут. Если бы я хоть на минуту сомневался в этом, я не признал бы, что меня зовут Белый Бумажный Веером. В конце концов они будут вынуждены уйти. Тогда и нам придется расстаться. Кстати, мы не будем вас убивать, господин Ло. Я принципиально против расправ над безоружными людьми. Мы оставим вас здесь. Навсегда... если не сможем с вами договориться. Но я хочу надеяться, что имею дело с умным и деловым человеком. Взаимная выгода очевидна.

Патрик почувствовал неприятное покалывание по всему телу, представив себя одного в этом каменном мешке. Над ним будут ходить люди, смеяться, покушать бананы, ездить на машинах... А он будет медленно умирать. Очевидно, этот гангстер с любезной улыбкой на лице говорит правду: люк никто не сможет обнаружить. Разумеется, Аланг будет искать инспектора. Но в конце концов решит, что его забрали с собой в качестве заложника. Какой ужасный финал ожидает его! Всего несколько минут отделяли его от такого поворота событий... Но теперь об этом уже поздно думать. Нужно соображать, как выбраться отсюда. Единственный шанс — принять предложение Белого Бумажного Веера. Но он же всегда презирал и ненавидел этих подонков. А теперь будет вынужден подчиниться им? Выполнять все, что ему скажут, и дрожать за свою жизнь? А как он будет смотреть в глаза Алангу, Джун? Нет, ни за что! Тогда смерть?

Продолжение следует.

ПИРЕНЕСИ, ЛЕТО 1976

Писатель Юлиан Семенов, автор романов «Семнадцать мгновений весны», «Бриллианты для диктатуры пролетариата», «Майор Вихрь» и многих других, неоднократно путешествовал по Испании и Португалии. Им были написаны книги об этих поездках — «На козле за волком» и «Возвращение в фиесту». В прошлом году Ю. Семенов провел три месяца в Португалии и Испании. Мы публикуем очерки писателя, которые войдут в его новую книгу «Схватка».

— Торопиться некуда, — сказал мой коллега, журналист из «Монда». — Президентские выборы — это не выборы в Ассамблею Португалии. Как писал ваш Бабель, между ними «две большие разницы». Личность не партия.

— Ты склонен забывать проблему национальной психологии, — ответил я. — В горячем латинском мире личность имеет значение, здесь склонны персонифицировать политику.

— Тогда считай, что она персонифицирована на ближайшие четыре года — неужели ты сомневаешься в победе Эанеша?

Я не сомневался в победе генерала Ромальо Эанеша — его поддерживал блок партий: социалисты, народные демократы и социальное-демократический центр. Интересовало меня другое: поскольку наряду с Эанешем свою кандидатуру выдвинули два «беспартийных» — военные — адмирал Пинеиру ди Азеведу и майор Отеллу Сарайву ди Карвалью, выпущенный из тюрьмы для проведения своей предвыборной кампании, — какая партия из «президентского» блока окажется самой надежной, какая отдаст большее число голосов Эанешу, какая, наоборот, расколется и пойдет либо за Азеведу, либо за Отеллу. Это, видимо, не сможет не наложить отпечатка на будущую работу кабинета. Что же касается выдвижения кандидатуры члена Политкомиссии ЦК ПКП товарища Пату (в защиту которого, кстати говоря, выступал лидер социалистов Соареш, когда товарищ Пату томился в фашистских застенках), то здесь все понятно.

— Мы знаем, на что идем, — сказал товарищ Куньял, когда мы встретились накануне выборов. — Мы получаем возможность развернуть предвыборную кампанию, чтобы еще раз объяснить трудящимся свою платформу. Мы сторонники научного социализма. Это необходимо объяснить постоянно, ибо удары против нас направлены с двух сторон: как со стороны ультралиевых демагогов, так и со стороны правых. (Только что закончившийся VIII съезд португальских коммунистов еще раз продемонстрировал правоту товарища Куньяла — громадный авторитет компартии складывается из компонентов Правды, Классовости, Патриотизма, Мужества, Интернационализма.)

...В Лиссабоне влажная, устойчивая июльская жара. Даже ночь не приносит прохлады. Небо бесцветно, словно бы пропылено песчаным зноем. Сегодня, однако, люди не отправились после работы на пляжи: все ждут сенсации. Адмирал Пинеиру ди Азеведу заявил, что он хочет встретиться на ТВ с другими кандидатами в президенты, чтобы «дезаурировать» Эанеша, который, по его словам, «не имел никакого отношения к революции 25 апреля 1974 года». Когда об этом было объявлено, выступил один из доверенных Эанеша:

— Видимо, адмирал не совсем здоров — в психическом плане. Ему следовало бы делать публичные заявления в минуты просветления, а не в состоянии душевного кризиса, который все более и более угрожающе влияет на здоровье нашего премьера.

Первый раз я прилетел в Лиссабон в дни выборов в Ассамблею республики. Город тогда был подобен громадной сцене, где разыгрывалось действие, исполнителями которого были не актеры — весь народ. Накал борьбы тогда был невероятен; миллионы листовок, словно снежные хлопья, укрывали улицы; до поздней ночи грохотали сотни динамиков, установленных на крышах пропагандистских машин четырех ведущих партий: схватки между левыми и правыми редко кончались миром — вмешивалась армия.

Нынешняя кампания проходит в совершенно иной обстановке: пресс-центр, где два месяца назад было аккредитовано 2 тысячи журналистов со всего

ТОВАРИЩ
АЛЬВАРО КУНЬЯЛ
СДЕЛАЛ ЭТИ РИСУНКИ
В ОДИНОЧКЕ
САЛАЗАРОВСКОЙ КАТОРЖНОЙ
ТЮРЬМЫ.
В ЭТИХ РИСУНКАХ —
ВСЬ КУНЬЯЛ.
ЧЕЛОВЕК ИЗ НАРОДА.
ЧЕЛОВЕК ДЛЯ НАРОДА.
КОММУНИСТ.

мира, сейчас почти совершенно пуст; Лиссабон засыпает к двенадцати часам, как и в обычные дни; предвыборная кампания носит характер скорее аналитического, чем эмоционального, если, конечно же, не считать предстоящей схватки на ТВ трех военных кандидатов; гражданский, Октавио Пату, стоит в стороне — он обсуждает программу и дискутирует платформу конкурента, но не личность; джентльменство прежде всего. Однако позиция Пату — исключение: люди адмирала Пинеиру ди Азеведу сейчас «подогревают» обстановку, сообщая, что выступление их кандидата будет сокрушительным — «после тех фактов, которые Азеведу откроет, Эанешу не оправиться». Эанеш заявил о

своим намерением ответить нации — не Азеведу. «Я ответствен перед португальцами», — сказал генерал, — я буду говорить с ними, а не с адмиралом». Впрочем, ожидается, что Эанеш будет подвергнут удару не только со стороны Азеведу, но и со стороны тридцатисемилетнего Отеллу Сарайво ди Карвалью, одного из ведущих «капитанов», осуществлявших революцию 25 апреля. Он стал потом руководителем КОПКОНА (командование сухопутных войск на континенте), одним из трех (наравне с президентом Гомешем и премьером Гонсалвишем) лидеров португальских военных, — вплоть до 25 ноября 1975 года, когда он был снят со своих постов, а после того, как отверг предложение уехать послом в любую европейскую страну или военным атташе в Мозамбик, арестован, провел 44 дня в тюрьме, был выпущен без права проживания в Лиссабоне, а сейчас — и то лишь на время кампании — обосновался в своей штаб-квартире на авените Дефенсорес де Чавес.

Однако Его Величество Случай смешал все карты. Я находился в штаб-квартире Отеллу, когда раздался телефонный звонок. Бородатый «капитан», один из тех людей ультралевой УДП, которые составляют костяк «мозгового центра» опального лидера КОПКОНА, выслушал первые слова, закрыл трубку ладонью и шепнул мне:

— Азеведу при смерти!

Случилось воистину непредвиденное. Пинеиру ди Азеведу проводил в Порту пресс-конференцию. Она была довольно тяжелой: вопросы, которые ставили журналисты, связанные с ультралевой УДП, были беспощадными и возмутительными по своей бестактности — можно отстаивать своего кандидата, но зачем же при этом пользоваться недозволенными приемами по отношению к конкуренту?! Я далек от того, чтобы симпатизировать Азеведу, но с точки зрения

журналистской этики в Порту происходило нечто из ряда вон выходящее. Тем не менее адмирал держал себя достойно, спокойно внешне, во всяком случае, дал ответы на все вопросы, сел в машину, и здесь у него случился инфаркт. Он потерял сознание, сердце его остановилось. Жена, к счастью, не растерявшись, начала делать ему искусственное дыхание. Врачи госпиталя «Сан-Жуан» поставили диагноз: паралич сердца и дыхательных путей. Адмирала отправили в камеру реанимации. Журналисты атаковали медиков: «Выживет ли?» Вопрос ставили громко и открыто — рядом стояла жена адмирала и улыбалась: по написанному этикету Португалии на людях нельзя плакать, как бы плохо тебе ни было. Всем знающим «выборный закон» было тем не менее понятно, отчего журналисты, затолкав врача в угол комнаты, требовали определенного ответа: если один из кандидатов в президенты умирает, тогда вся предвыборная кампания начинается сначала, а выборы — соответственно — переносятся по крайней мере на два месяца. Что может произойти за два месяца — одному богу известно, а страна устала: третьи выборы за два года.

— Мы резервируем точку зрения медицины о здоровье адмирала, — ответил профессор, поглядев на жену Азеведу, которая по-прежнему улыбалась: на ее мучнистом лице эта страшная улыбка казалась античной гримасой гора.

До выборов осталось всего трое суток. Штаб адмирала заявил, что кандидатура Азеведу снята не будет.

Генерал Эанеш немедленно отозвал с ТВ программу, подготовленную им против Азеведу, — «в знак воинской солидарности». То же сделал Отеллу.

...Анализируя ход предвыборной борьбы, можно сделать вывод: Октавио Пату — в отличие от Отеллу и адмирала — ни разу не подвергал «личностной» критике «фаворита».

В это воскресенье Эанешу надо собрать более 50 процентов голосов — тогда фаворит станет президентом республики. Сейчас в Португалии трудно быть ясновидящей Кассандрой, однако я рискнул высказать предположение в репортаже, переданном по телефону в АПН, что победу одержит Эанеш — блок трех партий надежно подпирает его. Важно и то, что во всех своих выступлениях Эанеш подчеркивает, что свою роль он видит в главном: в неукоснительном соблюдении конституции.

Несмотря на болезнь адмирала Азеведу — состояние его по-прежнему сугубо тревожное, — предвыборная кампания набирает темп. Генерал Эанеш сегодня побывал на фабриках лиссабонской промышленной зоны — в КУФе, СТТ, что на Праса до Комерсио, СРЖЕ; встретился с коллективами министерства финансов, беседовал с крестьянами в Вилла Франка де Ксира, Торрес Вердес и Вилла Верде-е-Куелус.

Октавио Пату находится на севере: провел небольшие митинги в Чавесе, Вилла Реаль и Ковилье. Сегодня вечером товарищ Пату возвращается в Лиссабон: на стадионе имени Первого мая состоится большой митинг коммунистов. Отеллу Карвалью также на севере — днем у него митинг в Виана до Коштелу, ночью — в Браге.

На митинги Отеллу приходит множество людей — он говорит «языком 25 апреля», речи его зовут к немедленному «разворачиванию» революции: «Партии мешают объединению нации, трудящиеся должны взять в свои руки все рычаги власти!» Каким образом? Здесь, однако, лобит зажигательные слова — таков уж характер народа. А Португалии не слова нужны, а план действий, особенно в сфере экономики.

...В пресс-центре стало известно: майор Мелу Антунеш, член Революционного совета и министр иностранных дел, утвержден председателем конституционной комиссии, в обязанности которой входит наблюдение за работой парламента, за тем, сколь будет конституционной работа будущего правительства.

...Только что кончилось заседание Верховного суда. Обсуждалось ходатайство «штаба по избранию на пост президента Азеведу». Его люди потребовали отложить день выборов и начать новую предвыборную кампанию. Верховный суд проявил твердость: выборы состоятся 27 июля.

Получен приказ: вооруженные силы должны быть в состоянии полной боевой готовности.

Активизирует — и весьма умело — свою пропагандистскую работу правый СДЦ. Причем удары идут по двум направлениям: первое — «компетентность руководителей» (в первую голову экономических); второе — вооруженные силы страны. Президент СДЦ Фрейтуш ди Амалал делает реверанс: «Нас неправильно понимали, мы никогда не выступали за то, чтобы военные ушли в казармы. Однако поскольку военные говорят о том, что они гаранты

социалистической конституции, а у нас в стране только одна социалистическая партия, то, очевидно, военные становятся невольными импресарио Соареша. Вооруженным силам надо сделать выбор: либо стать на защиту демократии и смириться с гибелью социализма в Португалии, или же гарантировать однозначный социализм и похоронить всякую демократию в стране. СДЦ, если его попросят, готов включиться в широкую дискуссию о судьбах демократии в Португалии, которая была завоевана именно вооруженными силами 25 апреля 1974 года».

Поворот на 180 градусов! Вместо прежних нападок на ДВС — почтительная уважительность. «Вперед к правому консерватизму!» — такой лозунг СДЦ, естественно, неприемлем — трудящиеся вывезут на тачке. Против социализма они борются термин о «демократия». Пойдет ли этот поворот СДЦ на благо единства левых сил? Как прореагируют социалисты?

(Когда я встречался с Фрейтушем ди Амалалом весной, он совершенно открыто называл тех, кого представляет СДЦ: «Невинные жертвы 25 апреля», то есть крупную буржуазию, латифундистов, миллион «возвращенцев-колонизаторов», знающих науку кровопролития и угнетения; консервативных профессоров, администраторов, рантье и держателей акций. Такого рода людей в Португалии отнюдь не мало — не следует обольщаться. Питательная среда СДЦ весьма значительна.)

Встречался с руководящими деятелями НДП (Народно-демократическая партия).

— Решились говорить с фашистами? — спросили меня собеседники.

— Когда, где и кто говорил у нас в стране о вас как о фашистах? Мы говорим о вас как об антикоммунистической правой, буржуазной партии, но вы, по-моему, и сами этого не скрываете. Мы говорим о вас как об антисоветской партии, но вы — я читаю вашу прессу — не считаете нужным скрывать и это. Однако бывший премьер Великобритании Гарольд Вильсон, а отнюдь не сторонник коммунизма, посетил мою страну с официальными визитами, и мы договорились с ним о ряде серьезных совместных акций. Да и президент США не испытывает нежности к коммунизму, но приходится ладить, иначе нельзя, шарик разлетится.

Мой ответ, видимо, устроил адвокатов (сколько же их в НДП!). Разговор был весьма откровенным. Мое глубокое убеждение: НДП в недалеком будущем ждут трудные времена. У них практически нет программы. Они бранят коммунизм, говорят о том, что обобществление — это хорошо, но частный сектор — тоже прекрасно, а больше всего лугают португальцев тем, как «тяжело» культуре при социализме. Это глупо. Туризм, я думаю, будет развиваться, и люди, приехавшие из Португалии в социалистическую страну, убедятся во лжи НДП: дай бог любому государству мира иметь такую систему школ, театров, музеев, издательств, университетов и библиотек, какую имеем мы. Что же касается некоторых бюрократов от культурного перестроения, то это разговор другой: есть у тебя гражданская позиция, твердая позиция коммуниста, патриота своей родины — победишь любого бюрократа; считать, что в нашем мире нет борьбы противоположностей, — глупая и недостойная иллюзия. Тем более недостойно нам скрывать это от собеседников: всякое сокрытие правды — девальвация доверия к идее.

Мои собеседники убеждены в победе Эанеша (в этом я с ними согласен). Считают, что на второе место выйдет Азеведу. Очень смеялись, когда я сказал, что, видимо, Отеллу займет второе место.

— Он же авантюрист!

— Он повторит слова португальской весны, он говорит то, что люди хотят слышать.

— А как же Октавио Пату? — не без злораства спросили меня.

— Тот или иной пик истории олицетворяется личностью, которая была в фокусе общественного внимания. Особенно в век ТВ и радио. Октавио Пату был в тюрьме 17 лет, его имя стало по-настоящему известным только сейчас, в ходе предвыборной кампании. Имя Отеллу не сходило со страниц газет последние два года. Если бы Октавио Пату был выдвинут на пост президента после года-двух работы Ассамблеи республики, когда бы он заявил себя парламентарием, стоящим на страже интересов трудящихся, тогда бы я с уверенностью назвал его вторым. Сейчас — нет. Закрывать глаза на правду не моя религия.

...Отчего-то в журналистике принято сравнивать погоду с накалом политических страстей. Поражение претендента сравнивают с «ледяным» отношением избирателей, особенно если выборы происходят осенью, когда вторжение циклона резко меняет

климат страны; поведу лобят «параллель» с весной, порой надежды.

Однако сегодняшнюю политическую ситуацию Португалии не подвешивают к барометру, и не только потому, что метеорологи бастуют уже вторую неделю подряд, лишая телезрителей ежедневной сводки погоды, без которой нет жизни цивилизованному человеку. Невероятная жара никак не соотносится с обстановкой, в которой проходило избрание президента республики, особенно ежели сравнивать с недавними выборами в Ассамблею, когда называли партии, но не личности.

С утра я проехал по Лиссабону, затем побывал в Сетубале: города были полупустыми, зато роскошные многокилометровые океанские пляжи заполнены сотнями тысяч человек — ни одного свободного метра золотого песка. Избиратели пошли к урнам лишь во второй половине дня. Проголосовало 74 процента населения. Компьютерные установки, передающие в наш пресс-центр данные избирательных комиссий, «прощелкали» первые данные в 21.00. Эанеш собрал 69 процентов, Отеллу — 12,83 процента, Азеведу — 12,81 процента, Пату — 5,29 процента. Это голосовал север Португалии. Центр и юг еще не передали данных. После подсчета голосов в промышленном поясе результаты наверняка претерпят изменения. Особенно после того, как скажет свое слово «Красная Аленгежу», район, где были организованы первые сельскохозяйственные — на землях латифундистов, пытающихся ударить в спину португальской революции. В полночь Эанеш имел 60 процентов голосов, потеряв 9 процентов за три часа. Отеллу вышел на второе место — 17 процентов, на третьем — Азеведу, Октавию Пату — на четвертом. Интересно отметить следующее: в Сетубале, промышленном районе Португалии, выборы выиграл Отеллу. Он собрал там 41 процент всех голосов, Эанеш — 29 процентов, Пату — 18 процентов, Азеведу — 9 процентов. В то же время в Браге генерал Эанеш получил 70 процентов, Азеведу — 22 процента, Отеллу — 11, Пату — 5.

Итак, уже в полночь стало ясно, что 14-м президентом Португалии стал член Революционного совета Эанеш, кандидатуру которого первыми назвали социалисты, — мне рассказывали об этом член руководства социалистической партии Родольфо Крешпо во время моего первого путешествия в Лиссабон. Совершенно очевидно, что включение в «президентскую коалицию» СДЦ — один из поворотов «политической игры» с целью разбить ряды социалистов. Когда на завтра после выборов я встретился с вице-президентом СДЦ Амару да Кошта, он разложил передо мной листочки с цифрами:

— Это анализ выборов, сеньор Семенов. Этот анализ очень хорош для нас, СДЦ, и невероятно плох для социалистов, которые отдали Отеллу двести тысяч голосов. То есть двести тысяч членов партии Соареша проголосовали за безответственного авантюриста Отеллу. Я думаю, что президент Эанеш не может не отметить этот момент. Я не сомневаюсь, что через три-четыре месяца Португалия забудет Отеллу как человека, лишнего организатора и идеологии. Но все запомнят банкротство социалистов. Мы дали Эанешу максимальную поддержку. Мы и в какой-то мере НДП, хотя около половины членов партии Са Карнейру голосовали за адмирала Пинейру ди Азеведу.

— Как вы собираетесь строить стратегию парламентской борьбы в Ассамблее по отношению к новому кабинету? — спросил я.

— Постоянная оппозиция.

— Что бы ни предлагал Соареш?

Амару да Кошта на мгновение споткнулся:

— Если президент нас попросит о поддержке премьера — что ж, мы поддержим. В том случае, естественно, если предложения Соареша не будут входить в противоречие с нашей программой.

— Но вы вошли в противоречие с программами трех партий страны, проголосовав против социалистической конституции, нет?

— Мы воспользовались правом «демократической игры». И потом мы не выступаем против всей конституции, мы опонируем лишь некоторым пунктам.

Это был новый пассаж одного из лидеров СДЦ — раньше они выступали против самой идеи социализма. Время и настроения масс корректируют позицию правой партии, включающей в себя большое число технократической молодежи, с одной стороны, и дремучих, привыкших к спокойствию и буржуазной «надежности» рантье — с другой.

Когда я встретился с генеральным секретарем НДП Са Карнейру, меня интересовал вопрос об отношении лидера этой партии, называющей себя социал-демократической, к будущему социалистическому правительству.

— Вопрос серьезен, — ответил Са Карнейру. — Мы, социал-демократы, всегда выступали и

будем выступать против марксизма, тогда как Соареш не устает подчеркивать свою приверженность к этой доктрине.

— Но ведь социал-демократия — детище марксизма, сеньор Са Карнейру!

— Мы отказались от марксизма в начале пятидесятых годов. Нашим духовным отцом является Бернштейн, но никак не Маркс. Словом, если для коммунистов и части социалистов аграрная реформа уже проведена, то для нас она еще не началась.

— То есть?

— Необходимо учесть интересы всех сторон.

— Вы имеете в виду латифундистов?

— Я имею в виду тех, кто связан с землей, — уклончиво ответил Са Карнейру, — и кто сейчас отрицует от нее. Мы — за справедливость, гарантированную законом.

— Следовательно, правительственный блок с социалистами для вас невозможен?

— В настоящее время мы изучаем такого рода возможность, но сказать что-либо с полной определенностью я сейчас не могу.

Марио Соареш, который принял меня в здании ЦК, ответил однозначно:

— Ни о каком блоке с НДП не может быть речи. Мы создадим однородное социалистическое правительство, в которое могут войти независимые, принимающие нашу программу. Мы будем править страной с левых позиций. Если нас не поддержат — мы готовы погибнуть, как правительство социалистов, уйти в оппозицию. Однако мы не дадим, пока мы у власти, похоронить рабочий контроль, аграрную реформу и национализацию, которая была проведена.

— Возможность создания кабинета левого блока — коммунистов и социалистов?

— В настоящее время это невозможно. В будущем — вероятно.

(«Будущее» — весьма гуттаперчевое понятие. Упущенная возможность — невосполнимая категория в политике. Коли правые консолидируются, создадут единый блок, тогда, может быть, поздно социалистам пытаться создавать левую коалицию: правые умеют «бить поодиночке».)

— Правда ли, что вы не возражаете против возвращения Спинолы?

— Разве Спинола страшен? — Соареш пожал плечами. — Страшен спинолизм. Экс-президент изжил себя; сейчас значительно более опасны «новые правые». Они молоды, сильны, и у них широкие связи с консерваторами от армии.

— И тем не менее правительство «меньшинства»?

— Тем не менее левое правительство социалистического меньшинства, — повторил Соареш.

— Сейчас настал тот момент, — сказал Октавио Пато во время нашей встречи, — когда необходимо сесть за стол коммунистам, социалистам и руководителям Движения вооруженных сил, чтобы выработать общую программу на будущее.

Это — разумное, широкое и дальновидное предложение. Ситуация в Португалии сложная. Однородное социалистическое правительство Марио Соареша обладает в Ассамблее республики минимальным большинством: всего 35 процентов мандатов. В любой кризисной общенациональной ситуации Соареш может быть свален. Разность позиций — от СДЦ, представляющего интересы буржуазии, связанной с иностранными монополиями, до коммунистов, отстаивающих интересы трудящихся, — взрывоопасна. На смену партийной тактике социалистов должна прийти государственная стратегия. В противном случае социалистам будет трудно, скорее всего, невозможно сохранить стабильность в стране. А после двух лет, последовавших за революцией, стабильность сугубо необходима. Фашизм сломлен, но не добит. Буржуазная среда не может не мечтать о реванше. Под словом «стабильность», произносимым правыми, видится очертание «диктатуры силы». Лишь единство левых сил может спасти Португалию от трудных и горьких времен.

Через два дня я вылетел в Мадрид. Сенсационное сообщение о правительственном кризисе в Испании не было для меня сюрпризом: то, о чем говорили в Мадриде зимой, когда я был там, свершилось — половинчатость в политике чревата включением неожиданных сил.

Итак, что же случилось в Мадриде?

...Утро премьер-министра Ариаса Наварро было обычным. Он имел длительное совещание с министром информации и туризма, затем принял начальника канцелярии и подписал ряд документов, связанных с деталями предстоящего осенью референдума. В час дня он был вызван королем во дворец «Зарсуэла». Аудиенция состоялась в кабинете покойного Альфонса XIII, монарха, умевшего «ударить кулаком по столу»: торжественная строгость убранства, сумрак и прохлада задали тон

беседе. На смену той манере, которая отличала Хуана Карлоса ранее, — молчаливая сдержанность и подчеркнутое невмешательство в дела, подлежащие компетенции кабинета министров, — пришла другая: король Испании сухо заметил Ариасу Наварро, что он совершенно не удовлетворен тем, как проходит «демократическая» реформа, долженствующая поставить Испанию в ряды объединенной Европы; король отметил также, что подготовка к осеннему референдуму, который в той или иной мере должен решить судьбу монархии в Испании, никак не устраивает его. «Экономика страны, — заключил Хуан Карлос, — находится в невероятном положении, Испания на грани кризиса, ибо стоимость жизни возросла по отношению к январю на пять пунктов, что может привести, если не принять немедленных мер, к социальному катаклизму».

Аудиенция продолжалась двадцать минут. Говорил король — Ариас Наварро, этот «знаменосец старого режима», приведенный к присяге Франко, молчал. Когда монолог монарха кончился, Наварро попросил отставку, не посчитав должным посветоваться с членами кабинета. Из «Зарсуэлы» Ариас Наварро поехал не в резиденцию, а в ресторан: там его ждали заместитель, генерал Хосе Гарсия Эрнандес и советник Карлос Пинилья. Обед продолжался два часа и стоил четыре тысячи песет, то есть восемьдесят долларов: громадные по испанским ценам деньги. Из ресторана Ариас позвонил в свою канцелярию, попросил созвать совет министров в восемь часов вечера, а сам поехал к могиле Франко, в «Долину павших». Там он провел час в молитве. По Мадриду между тем поползли слухи об отставке кабинета. Министры не верили — Наварро преждем не считал нужным поставить об этом в известность своих коллег по правительству. Создавалось впечатление, что не король валил кабинет, а сам Наварро торпедировал его изнутри, не посоветовавшись ни с кем из гражданских министров, уйти или не уйти в отставку.

В восемь часов состоялось заседание кабинета. Оно продолжалось всего сорок минут. Министры внутренних дел Фрага Ирибарне вышел первым — бледный, яростный, но улыбочивый.

— Мы поговорим обо всем на пресс-конференции, — бросил он журналистам, сел в машину и в сопровождении охраны уехал, как и остальные министры, в американское посольство — там шел прием по случаю двухсотлетия Соединенных Штатов. На приеме один из министров сваленного кабинета поделился с друзьями своим впечатлением о прощальной речи Наварро:

— Это были слова отчаяния.

Однако на завтра король присвоил Ариасу Наварро титул маркиза и графа Испании.

Один из моих испанских друзей насмешливо спросил:

— Не кажется ли тебе как автору политических романов, что в подоплеке отставки Наварро спрятана такая интрига, суть которой известна двум-трем людям и, конечно же, новому маркизу — еще в ту пору, когда он был премьером?

Невероятно важный показатель: на следующий день после того, как Ариас Наварро ушел, на бирже произошел резкий скачок — на 1,6 пункта. Это рекорд. Значит, за спиной тех, кто задумал и провел смену кабинета, стоят могущественные финансово-промышленные группы.

В Мадриде упорно говорят:

— Могущественный и тайный союз технократов «Опус Деи», представленный Лопесом Браво и Лопесом Радо, вошел в блок с монополиями США. Этот блок, связанный как с «бункером» («Бункером франкизма» называют сейчас в Испании «Совет королевства»), так и с армией, свалил «реформаторов» Фрагу и Арейльсу.

Мадрид лихорадило — все ждали того часа, когда король объявит преемника.

Пресса Испании работает стремительно: журнал «Камбио-16» за два дня провел опрос общественного мнения; опрос этот в высшей мере интересен.

950 человек старше 18 лет в семи городах — Корунья, Бильбао, Сарагоса, Барселона, Валенсия, Севилья и Мадрид — должны были ответить:

1. Как вы оцениваете отставку Ариаса Наварро?	
очень довольны	— 29%
достаточно довольны	— 27%
мало довольны	— 17%
недовольны	— 12%
не ответили	— 15%
2. Какой, по вашему мнению, была деятельность председателя Ариаса в период его полномочий, данных монархии?	
очень хорошая	— 7%
хорошая	— 28%
средняя	— 34%
плохая	— 25%
не ответили	— 06%

Продолжение на 32-й стр.

НОЯБРЬ ВДАЛИ ОТ ДОМА

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
РАССКАЗ

Рисунок Оксаны КРИВОНОГОВОЙ

Утром выяснилось, что планы наши меняются: к шести надо ехать в школу-интернат для слепых детей.

Мы сидели в тесноватом номере гостиницы—вся наша группа творческой молодежи, восемь человек. После европейского завтрака—кофе, булочка и капля джема на блюде—в желудке осталось ощущение легкой тоски.

Комната была угловая.

В одно окно виднелись низкие крыши пригорода, словно куски жести и шифера, разбросанные в беспорядке под деревьями. За ними стояли горы, влажно-зеленые, несмотря на ноябрь.

В другое можно было увидеть немного—окно, только узкое, и кусок черноватой, грязной стены. Город начался восемь веков назад, и тогда его улицы были, вероятно, достаточно просторны—два всадника вполне могли разминуться, даже стремени не задев друг друга. Конечно, дома потом перестраивали не раз, но дом перестроить легче, чем улицу.

А теперь старинные переулки расширять, наверное, уже не станут: их теснота и нелепость превратились из неудобства в экзотическую особенность города. И туристы из разных стран платят немалые деньги за удовольствие пройтись по улицам, по которым невозможно проехать.

Группа наша сидела на двух широких кроватях. Певцу Сереже места не хватило, и он стоял у окна, мрачно поглаживая свою богатую каштановую шевелюру.

Наш молодой руководитель сидел на единственном стуле. Глядя на наши унылые лица, он для убедительности дважды повторил, что мы не туристы, а делегация и поэтому программа зависит не только от нас.

Новость эта и в самом деле нас не обрадовала. У каждого на вечер было что-то свое.

Сережа собирался в кино—шел фильм с участием одного из лучших певцов мира, тоже баритона, которого у нас в стране знали только по записям, то есть по голосу, а ходили слухи, что баритон этот ко всему еще и прекрасный, неожиданный актер. Упустить случай было бы непростительно.

Все это Сережа высказал внушительно и глядя на всех нас как бы сверху вниз—впрочем, может, так казалось, потому что он был высок ростом да еще стоял.

Вообще-то он был парень и добродушный и благополучный. Но именно за благополучие его пару раз куснула критика. И теперь Сережа старался двигаться резко и говорить отрывисто: развивал внутренний драматизм.

Музыканты, четверо аккуратных ребят из Эстонии, тоже были заняты вторую половину дня: накануне они встречались с дирижером местной оперы, и тот пригласил их на вечернюю репетицию.

Музыканты были джазисты, да и местная опера не гремела на всю Европу. Но, во-первых, ребята уже настроились, а во-вторых, накануне за кофе у них с дирижером возник интересный профессиональный разговор, и жалко было прервать так удачно завязавшийся международный культурный контакт. Наконец, сама фраза «посетили вечернюю репетицию в местной опере» звучала весомо и отсвечивала большим, солидным искусством.

У меня тоже был на вечер свой план, заключавшийся в принципиальном отсутствии всяких планов. Просто выйти из гостиницы, и шагать, куда потянет, плыть безвольно, как щепка в весеннем ручье, глазеть по сторонам на древние домики и голубовато-серые современные громадины, на отдаленные горы, на яркие витрины, на лотки с фруктами, где лимоны продаются на килограммы. У меня был план часа на четыре раствориться в странно теплом ноябрьском вечере, в пока еще неведомой толпе, на улицах, под рекламой—во всей этой чужой, но хорошей стране.

Впрочем, не совсем чужой. Речь местных жителей—черноволосых горбоносых красавцев—была сплошь пересыпана славянскими корнями и буквосочетаниями. Так что ощущение было непривычное и дразнящее: вроде все знакомо, а смысла не уловить. Будто говорят по-русски, но издалека, и ветер, налетающий порывами, уносит слоги, рвет и путает такую понятную речь.

Я никогда прежде не был здесь, может, и не буду никогда. И у меня был план за единственный вечер надыхаться этим городом на жизнь вперед...

Еще в нашей группе была певица, приехавшая с эстонским джазом, Веста, двадцатидвухлетняя девушка, плохо говорившая по-русски и мало говорившая вообще.

Она и сейчас молчала, хотя ей было что сказать.

Веста была тяжеловата, некрасива, медлительна. Правда, голос имела сильный и в песне зажигалась, но ребята-музыканты были ею недовольны. Они досадливо говорили мне и Сереже, что с такой певицей работают в последний раз—Таллин большой город, и они легко найдут девушку обаятельную и современную. Эстрада, объясняли они,—искусство жестокое: если с первого взгляда зритель певца не полюбил—все, не пойдет.

Сергея сурово подтверждал: да, на эстраде все решает момент.

Мне же эта девушка понравилась.

Однажды в автобусе я спросил ее, как она проводит время в Таллине. Вопрос был дежурный, от остановки до остановки.

И вдруг Веста на очень ломаном русском стала подробно рассказывать мне, как в свободное время поднимается в верхнюю часть старого Таллина — Вышгород и там ищет какого-нибудь интересного человека, все равно мужчину, женщину или старика. А найдя, идет незаметно позади, следя за походкой, движениями незнакомца, стараясь угадать или придумать его судьбу. Если же он сидит на скамье, устраивается поодаль и наблюдает — иногда долго, часами.

Глаза у нее были невыразительные, малоподвижные. Я подумал, что в такие минуты она, наверное, похожа на кошку, терпеливо застывшую у мышьей норы.

Я спросил ее:

— Ты ведешь дневник?

Она ответила серьезно, даже не покачав головой:

— Нет, никогда не делала.

Эта далекая от литературы девушка была неизвестно зачем наделена тяжелой каждой познания — единственной и потому нелепой писательской чертой, которая в жизни ей, наверное, только мешает, как мешало бы, например, теленку приросшее к лопатке свиное крыло...

Так вот, у Весты тоже были планы на вечер. Эту странноватую девушку в нашей поездке тронул серебряный палочкой редкий, удивительный случай.

Лет десять назад, еще в четвертом классе, она начала переписываться с мальчиком-грузином. Эта нечастая и нелегкая — на русском — переписка тем не менее просуществовала десять лет. И вдруг здесь, за границей, в симпатичном городе между гор, они буквально столкнулись носами в коридоре гостиницы! Парень приехал с туристской группой из Тбилиси. Он знал Весту по присланной года три назад фотографии.

И теперь Веста и этот высокий, красивый парень все время, когда удавалось, ходили вместе, локоть к локтю. Не знаю, была ли то любовь — может, просто общее оцепенение перед лицом счастливого случая. Не помню даже, держались ли они за руки, да это и неважно было — вот уже несколько дней Веста жила так, будто рука ее всегда была в его руке.

Наверное, ей этот свободный вечер был нужней, чем любому из нас...

В группе началось брожение.

Руководитель наш настаивал, мы довольно дружно ворчали: мол, посетить интернат в принципе неплохо, но времени мало, мы не педагоги, а творческим работникам гораздо важнее... И так далее.

Однако руководитель уперся. Он повторял одно и то же, но с каждым разом голосом все более скрипучим, придавая все большую холодность своему худому лицу. Наконец он непреклонно наемкнул на особую важность предложенного мероприятия и ушел договариваться насчет автобуса.

Собственно, никаких особых соображений у него не было, и все это прекрасно понимали. Просто накануне днем на приеме в молодежной организации к нему подошла энергичная красивая женщина, заведующая интернатом, долго с ним говорила и, видимо, взяла слово, что мы приедем. Он же был парень честный и словом своим дорожил. Правда, в данном случае обещание пришлось бы нарушить четырем музыкантам, но этой деталью он, видимо, готов был пренебречь.

Музыканты с достоинством надулись.

Веста, как обычно, молчала, только вздохнула тяжело.

Певец Сережа размахивал руками и говорил с нарастающей силой в голосе, что мы в конце концов не мальчишки, что об этом фильме он слышал полтора года, что для него это профессиональная учеба, которую откладывать нельзя — у певца нет ни прошлого, ни будущего, он существует только сегодня, когда поет. Последняя фраза Сереже очень нравилась, он произносил ее резко и раздраженно.

Больше всех злился я. Дело в том, что руководитель группы был мой друг, и в силу этого житейского обстоятельства я был вынужден поддерживать все, что бы он ни сказал.

Он же был весьма неглуп, но молод и из принципиальных соображений упрям: считал, что авторитет руководителя зависит в первую очередь от умения поставить на своем.

В результате несколько раз повторялась однотипная ситуация: он ставил на своем, я его поддерживал, а ночью мы уединялись где-нибудь в коридоре и, чтобы не подвергать риску его авторитет, ругались шепотом. Просто так, без принципа, мой друг был тоже упрям, спорил настойчиво, но смотрел при этом мимо глаз, и голос у него был такой виноватый, что я торопился замять разговор.

Где-то к полудню в тон нашему настроению собрался дождь — ровный, довольно сильный и такой долгий, словно осень решила сразу, за день, отыграться за теплое, солнечное начало ноября.

В музей по программе мы съездили. Но по городу пройти уже не пришлось.

Часам к пяти дождь кончился. Но как-то разом похолодало. Мы влезли в свитера и плащи.

Мальчик-грузин, приятель Весты, очень вежливо попросился с нами, и мой друг с радостью и облегчением разрешил. Увы, у тбилисской группы имелся свой руководитель, со своими принципами. И к многочисленным драмам человеческих разлук прибавилась еще одна...

Интернат находился в пригороде, с автобусом не вышло — добираться пришлось трамваем и еще минут двадцать от конечной остановки пешком. Причем дорога тоже была пригородная — в джухах и выбоинах.

Снова заморосило. Музыканты достали непромокаемые шапочки. Веста раскрыла черный зонтик, Сережа, чертыхнувшись, повернул брюки...

Мы с другом шли чуть впереди, как бы прокладывая тропинку между луж, и он негромко, но в довольно сильных выражениях поминал руководителя тбилисской группы, вообще неблагодарную роль руководителя и близорукую массу, эгоистичную и бестолковую, не желающую ничего понять.

Я не спорил — ему и без того было тошно. Дождь, грязная дорога и неудача с автобусом как бы подчеркнули его волюнтаризм, и теперь он терзался раскаянием, тяжелым чувством вины за погубленный вечер.

Вскоре выяснилось, что мучился он напрасно.

В школах для незрячих я никогда прежде не бывал. При слове «слепой» в памяти автоматически возникала нерешительная фигура на уличном перекрестке, знобкое постукивание палочки, темные очки и поднятое вверх напряженное лицо.

И я подсознательно настраивался на тишину, медлительные движения по коридорам, мягкие, бережные голоса воспитателей.

Но интернат встретил нас таким ребячьим ором, какой и в нормальной школе услышишь нечасто.

Он помещался в большом зеленом дворе и сам был большой, хоть и

одноэтажный — деревянное здание с длинным фасадом, длинными крыльями и еще службами сзади. Старой постройки, крашенный в коричневую краску, интернат выглядел небогато, но надежно, как бревенчатые школы у нас в сибирских райцентрах.

Нас ждали. Две молодые женщины, дежурившие у ворот, дружелюбно загалдели, заохали, трогая наши намокшие плащи, тут же потащили есть. Кормили нас в интернатской столовой, за длинным деревянным столом, и обед был не званый — видимо, обычный интернатский, но полный обед, с салатом, супом, вторым и пирожным в конце. И от такого обеденного гостеприимства опять, уже который раз в этой стране, повеяло домом.

Ведь у нас — в Москве ли, в Иркутске — гости тоже сперва кормят. Не выставляют бутылку с закуской, а подают честный домашний обед, досыта, до отвала, ешь — не хочешь! И, мне кажется, тарелка шей сблизжает людей больше, чем графин вина или коньяк с коробкой конфет — ведь щи не бывают ни мероприятием, ни ритуалом.

Подошли еще учителя, все больше женщины. Небольшая наша толпа разбилась на группы. Языковой барьер был взят без труда: кое-кто из хозяев понимал по-русски, наши эстонцы знали немецкий, я — чуть-чуть английский. А жестикулировать умели все.

Мне повезло — рядом оказалась девушка, говорившая по-русски вполне прилично. Я стал спрашивать, что у них за школа, и она объясняла охотно, но медленно, что ребята тут разные — и совсем слепые, и чуть-чуть видящие, и такие, что слепнут постепенно. Да, есть и такие, болезнь их движется, остановить этот процесс нельзя, и школа уже сейчас, загода, готовит их к неотвратимой будущей темноте...

После обеда нас долго вели по длинному, угластому коридору, который после нескольких поворотов наконец вошел в зал.

Там было уже полно, длинные скамейки заняты, и шум над ними висел такой, как над стадионом после гола.

— Что сегодня будет? — спросил я мою новую знакомую в самое ухо. Она повернула голову и так же в ухо мне ответила:

— Сперва будут выступать наши дети. Потом, если захотят, ваши товарищи...

Была она небольшая, скромненькая, с милым, доброжелательным лицом — обычная начинающая педагогиня. Но мне почему-то казалось, что чем-то она отличается от всех моих знакомых учительниц и, наоборот, чем-то походит на всех здешних, интернатских. А чем — я понять не мог.

Для нас были оставлены две длинные скамейки в центре перед сценой — в первом и втором ряду.

Эти пустые места в переполненных залах с детства вызывали у меня интерес. Кто они, избранные, для которых забронировано, зарезервировано, оставлено лучшее, что есть? С любопытством, не всегда доброжелательным, смотрел я в пригнувшиеся спины, крадущиеся после третьего звонка.

Теперь в первый ряд проскальзывал я.

Вот только смотреть мне в спину в этом зале было некому.

Мы сели, и молоденькая учительница опять наклонилась к моему плечу:

— У нас есть одна девочка, которая сочиняет стихи. Ей можно потом с вами говорить? Она сегодня читает стихи со сцены, а я сижу тут с вами и перевожу.

Я сказал, что да, конечно, рад буду познакомиться с девочкой.

На сцене стояло пианино и чуть в глубине три ряда таких же длинных скамеек, что и в зале. Как места для президиума.

Но на скамейках сидели мальчики и девочки в той же школьной форме, что и ребята в зале.

— Это хор? — спросил я соседку.

Она ответила:

— Это всё. Они потом все будут выступать.

Я подумал, что столь несправедливое, примитивное расположение актеров перед концертом вызвано жалостью к ним — чтобы не приходилось оступать выбираться из-за кулис. Но тут же понял, что жалость ни при чем. Просто с эстетической точки зрения концерт ничего не терял. Для зрителей все эти ребята на скамейках и так были как бы за кулисами: они возникали на сцене в тот момент, когда открывали рот.

— Но действительно сначала будет хор, — сказала моя соседка.

Да, на сцене выстраивали хор. Занимаясь этим заведующая интернатом, красивая женщина лет тридцати, расставившая ребят по местам.

На ласковую, бережную медлительность, к которой я внутренне приготовился, тут и намек не было. Решительно и быстро — за локоть, за плечо, за шиворот — заведующая выдергивала нужного мальчишку из ряда сидящих и с той же мгновенной точностью втыкала его в положенное место среди уже стоящих участников хора. Руки ее двигались стремительно, как у наборщика в типографии.

Помогала ей веселая, крупная девушка, которая болтала с ребятами, рта не закрывая, и если не смеялась при этом, то уж обязательно улыбалась. Была она в короткой юбке и тесноватой шерстяной кофте.

— Тоже учительница? — удивился я. Девушке на вид было лет семнадцать.

— Нет, это наша девочка, — возразила моя опекушка. — Она еще умеет видеть, но скоро не будет совсем.

Хор был выстроен минуты за три, и веселая девушка вскинула на плечо ремень аккордеона...

Ребята пели ровно и в лад, учительница шепотом переводила.

Песня была торжественная, как раз под начало концерта, с величественной, холодноватой мелодией и бодрыми словами. Но в данном случае их несокрушимый оптимизм приобрел горьковатый оттенок.

Дети пели о ясных даях, которые открыты перед ними, о сияющем будущем, о чистых и ясных горизонтах. А ведь большинство из них не видели горизонта и не увидят никогда — у самых зорких из этих ребяттишек мир мутнел и расплывался в нескольких метрах перед глазами.

Спели еще две песни.

Потом учительница и веселая девушка растыкали хористов по скамейкам. Начались сольные выступления.

Ребята пели, играли на скрипке, на пианино. Аккомпанировала все та же девушка в тесной кофте, иногда на аккордеоне, а чаще с веселым удалством нависая над клавишами.

Затем заведующая выхватила из ряда артистов мальчугана лет восьми и, держа около запястий, подняла вверх сперва одну его руку, потом другую. На правой у паренька было четыре пальца, на левой — два.

Но его швырнули к пианино, и мальчик стал играть.

Я уже понял необходимость этой резкости в обращении с детьми. Здесь не грубили — здесь торопились. Жизнь человека конечна и не так уж длинна, успеть надо много. А этим ребятам предстоит ежедневно терять время — на незнакомых лестницах, на тротуарах, на уличных перекрестках. Так стоит ли упускать его здесь?

Мальчуган на сцене доиграл и откланялся. Лицо его было в шрамах и синих пороховых оспинах.

— Он попал в несчастье,—шепотом объяснила соседка.

— Что с ним случилось?—спросил я.

Но девушка, видно, не поняла и только повторила:

— Он попал в несчастье.

У нас много беспальных мальчишек появилось после войны: когда поля между еще не заросшими окопами, лесные опушки и даже развалины в городах были густо начинены опасными игрушками той жестокой поры. Ребята подрывались, собирая маслята в сосняке, гоняя в салочки на пустырях, а чаще—разряжая в кругу приятелей гранаты и мины или швыряя в костер нерасстрелянные патроны—на кого бог пошлет...

Правда, этот мальчишка родился куда поздней. Но все бывает: мины в земле лежат долго...

Учительница тронула меня за рукав.

— Вот сейчас выступает эта девочка со своими стихами. Я начинаю переводить.

Темноволосая девочка сама встала со скамейки и сделала два нешироких, но уверенных шага вперед. Худенькая фигурка ее напряглась и словно бы вытянулась, тонкое лицо было обращено к залу. Она еще не начала читать, но губы чуть шевелились, большие темные глаза смотрели осмысленно, даже вдохновенно.

Не укладывалось в мозгу, что и она незрячая.

Лет ей было, пожалуй, около четырнадцати—загадочный возраст, когда все намечено и ничто не завершено, когда так легко додумать на будущее яркую, необычную судьбу. Возраст, который удивительно много обещает—куда меньше бывает отпущено человеку потом.

Вот и у девочки на сцене лицо было на редкость одухотворенное, но я не знал, что стоит за этой одухотворенностью—уже возникшая личность или просто ее четырнадцать лет?

Читала она, подавшись вперед, слегка приподнимаясь на носки. Неподвижные руки были прижаты к телу, ладони—дощечками. Голос у нее был высокий, звонкий, и я боялся, что девочка сорвется—так переживала она каждую строчку.

Моя опекунша переводила старательно, и это ничего не меняло—стихи оказались плохими. В них тоже были ясные горизонты, черные тучи, которые, конечно, развеются, и обязательное поэтическое солнце—риторическое солнце, которое, увы, никого не греет.

Я видел, сколько души вложила девочка в эти избитые слова, и жалко было ее искренних, но напрасных усилий.

— Вы с ней будете говорить, так?—напомнила молоденькая учительница.

Я сказал, что да, обязательно поговорю, и стал придумывать уклончивые фразы, которые позволили бы мне не солгать, а девочке—не огорчиться.

Она начала второе стихотворение. Название его—«Осень»—открытий не сулило.

Но девочка читала, соседка моя переводила, и во мне росла радость удивления: такую осень я, пожалуй, прежде не знал.

Печальная пора года была не увидена, а услышана. Звуки, только звуки. Пробежка дождя по деревьям, растерянное посвистывание птиц, мягкий стук упавшего яблока, хруст тяжелых шагов в аллее, неожиданно резкий голос—и шорох легких лап торопящейся собаки...

Лишь однажды в стихотворении появился цвет, но это был скорее символ цвета. Осеннее небо в стихах оказалось синим—ведь ни увидеть, ни услышать его девочка не могла.

Учительница спросила, как мне понравилось. Я ответил, что понравилось очень. Девушка обрадовалась:

— Вы знаете, она всегда так старается...

Потом подошла к сцене, позвала девочку, и та, нащупав ногой ступеньки, легко сошла вниз.

Сидевший сзади Сережа проговорил негромко:

— Все-таки это ужасно, когда ребенок слепой.

Я повернулся к нему:

— Но ведь и у тебя мог такой родиться. Что бы ты стал делать?

Он ответил с досадой:

— Что?! Любить втрое больше—что же еще!

Моя соседка за руку подвела девочку, шепнула ей что-то и, взяв за плечи, усадила между нами.

— Я сказала, что вам понравилось.

Я кивнул, пожал девочке худенький локоток и сказал:

— Молодец, умница.

Русского она не знала. Но все равно повернула ко мне счастливое, сияющее лицо.

Она понятия не имела, каков я на самом деле, как пишу, умен или глуп, не имела понятия и не думала об этом. Для нее я был писатель из огромной, великой страны и потому представлялся ей авторитетом бесспорным. Было отчего светиться...

Зал зааплодировал и завопил: объявили, что выступят наши.

А вот выступать—то было трудно: слов они не понимали, лиц не видели. Ни обаятельная улыбка, ни актерская свобода на сцене не прикрыли бы пустоту в голосе.

Наши здорово нервничали. Может, поэтому концерт получился лучшим за всю поездку. Ребятишки уловили волнение, возник контакт—а там пошло! Сережу вызывали раз шесть...

А лучше всего принимали Весту—к общему нашему удивлению. Правда, пела она, как всегда, самозабвенно, хоть и держалась по-прежнему нескладно, и руки мешали, и красоты не прибавилось. Не было в ней—чего уж там!—современного изящества, смелой легкости манер.

Но что было залу до ее нескладности, до рук, до жестов! Ребята кричали что-то по-своему, подпевали—не словами, а слаженным, дружным мычанием. Весту держали на сцене минут двадцать, не меньше. Для этого зала она была красавица.

— Видал?—сказал я другу, радуясь за Весту.

— Нашла все же свою аудиторию,—ответил он. И добавил задумчиво:—А ведь поет, правда, здорово...

Девочка все сидела рядом со мной. Как с ней говорить, я не знал, только улыбался да держал в своей руке ее ладошку, чувствуя, как худенькие ее пальцы благодарно и радостно прижимаются к моим. Изредка я бормотал под нос что-то невразумительное, и каждый раз девочка поворачивала ко мне сияющее лицо.

А я думал: что с ней будет, когда вырастет? Кем станет эта добрая, способная и, наверное, неглупая девчушка?

Выучится и сама пойдет преподавать слепым детям? Или поступит в артель? И вообще, как у нее все сложится?

Незрячие обычно выходят замуж за незрячих—соединяет их общая беда, от которой никуда не денешься. Дай ей бог хорошего человека! Жаль только, он никогда не порадуется красоте ее лица...

Выступление наших подходило к концу. Я спросил мою спутницу, что дальше. Она сказала—танцы.

Я поразился:

— Они могут танцевать?

Она ответила с гордостью:

— Конечно! Они могут очень хорошо танцевать.

Сдвинули скамейки к стенам—мы тоже переместились к стене, и действительно начались танцы.

Это были прекрасные танцы. Не фокстроты, не твисты, не шейки, никаких затверженных, заученных фигур. Никто не оглядывался на других, не подлаживался к соседу, не путал движений, стесняясь своей неумелости,—все все умели. Ребята плясали, как душа желала, прыгали, кружились, взявшись за руки, по двое, по трое, по четверо. Что упустили в движении, с лихвой добирали в крике—никогда, ни прежде, ни после не слышал я в танцевальном зале таких откровенно восторженных воплей. До чего же хороша была жизнь!

Странно, но никто никого не сшибал.

Я долго смотрел с тревогой, как двое крохотных мальчишек отчаянно вертелись, сцепившись пальцами и упершись ботинками в ботинки. Ведь рядом так же самозабвенно крутились тем же способом две рослые старшеклассницы. Ну, как столкнутся?

Но нет, никто не пострадал, все остались целы...

Веста удивилась:

— Они как будто не чувствуют, что не видят. Совсем как другие ребята.

Сережа дернул плечом:

— А почему они должны это чувствовать? Мы ведь не летаем и не чувствуем этого. Не летаем, а живем.

Мой друг проговорил со вздохом:

— Один умный человек сказал: забудьте, что потеряно, помните о том, что у вас осталось...

Девочка все сидела рядом со мной. Разговор наш понять она не могла, но вслушивалась внимательно, на каждый новый голос мгновенно отзывалась поворотом головы и смотрела прямо на говорящего, не глазами, а всем лицом.

Сережа положил ладонь ей на плечо.

Она быстро охватила его руку и улыбнулась вежливо, как при знакомстве.

Сережа пробормотал задумчиво:

— А вообще в этом что-то есть. Ведь они не могут судить о человеке по внешности...

Он помялся, потом уловил собственную мысль и уже уверенно стал ее развивать:

— Ни по внешности, ни по тряпкам, ни по вещам в квартире. Только главное: добрый или злой, толковый или дурак...

— Сами обстоятельства толкают к духовности,—вставил мой друг и виновато усмехнулся. Он был неглуп, очень неглуп, но как бы стеснялся этого и, охотно демонстрируя волю, застенчиво прятал ум...

А я вдруг понял, чем походили друг на друга здешние учительницы. Все просто—непритязательностью одежды.

В обычную школу женщины готовятся, как на званый обед: ведь даже первоклашки придирчиво следят за внешностью учительницы. А эти, интернатские, одевались, как ткачихи на фабрику—удобно и не марко...

Подошла энергичная заведующая, и нас повели смотреть учебные кабинеты.

Мы вышли из зала довольно большой компанией: учителя, все наши и девочка, не отходившая от меня.

Мы с ней уже попривыкли друг к другу и даже почти разговаривали. Я подлаживал ее по худенькому плечу и говорил громко, словно от этого мой русский становился ей понятнее:

— Ухо у тебя точное. Здорово слышишь мир! Вот и слушай повнимательней. Слушай и пиши...

А она в ответ улыбалась и говорила что-то свое.

Опять мы шли по длинному, без окон, коридору, шли, подчиняясь его прямоугольным поворотам. Вокруг мельтешила малышня, торопились куда-то ребята постарше. Они прекрасно ориентировались в знакомом помещении и двигались уверенно, лишь изредка касаясь пальцами стены.

Только некоторые, наверное, новички, пробирались вдоль стен, и лица их были подняты и напряжены, как у слепцов на людном перекрестке.

Я вел девочку за руку.

Я не мог сделать для нее ничего хорошего. Лишь в эти несколько минут, пока шли по длинному коридору, она зависела от меня, и я был рад, что могу дать ей хоть что-нибудь, хоть помочь уклониться от пронесившихся мимо ребят.

Было и хорошо и немного совестно—уж слишком силен, слишком зряч был я рядом с этой беспомощной девочкой...

И тут вдруг погас свет.

Мы мгновенно очутились в полной черноте, даже не мы, а я, потому что остальные сразу исчезли, растворились и голоса не подавали—видно, так же оцепенели в неожиданной тьме.

А коридор жил своей жизнью, слышался топот, крики—слепые дети, не ощутившие перемены, все так же мчались по своим делам, в зал или из зала.

Я невольно зажмурился и сжался: казалось, вот сейчас эта проклятая темень с размаху саданет в живот головой, локтем или сунет в глаза растопыренную пятерню...

Где-то рядом была стена. Я стал пробираться к этому более безопасному месту, нерешительно переставая ступни.

Моя свободная рука шарилась в воздухе, поднятое лицо, наверное, напряглось, как у слепца на перекрестке... Я мучительно вслушивался в окружающее движение. Но чем мог помочь мой слух—неразвитый слух зрячего?

И тут я почувствовал, что меня тащат. Меня уверенно тянули за руку, и не к стене, а вперед, куда мы и шли сначала. То и дело меня дергали в сторону, я безропотно повиновался и, наверное, избегал какой-нибудь беды, подстерегавшей в опасном, невидимом мире.

Другого мне и не оставалось—только верить в руку, тащившую меня, верить в девочку, так внезапно ставшую моим поводырем...

Вспыхнул свет.

Я остановился и осмотрелся, ища товарищей. Они стояли в разных местах коридора, и почти каждого держал за руку кто-то из слепых ребят...

И опять мы шли по коридору, ладонь незрячей девочки лежала в моей. Только теперь я не знал, кто кого ведет и опекает. И не знал, кто кому будет необходим за прямоугольным поворотом коридора...

ПИРЕНЕЦ ЛЕТО 1976

Начало на 26-й стр.

3. Считаете ли вы, что с отставкой Ариаса процесс демократизации Испании ускорится, сохранится таким же или замедлится?

ускорится	—43%
останется таким же	—29%
замедлится	—7%
нет ответа	—17%

4. Кого бы вы предпочли в качестве преемника Ариаса: гражданское лицо или военного?

гражданское лицо	—71%
военное	—11%
безразлично	—12%
не знаю	—6%

5. Кого бы вы предпочли в качестве премьер-министра?

Фрага Ирибарне	—17%
Ареильса	—23%
Лопес Браво (бывший министр иностранных дел, человек «Опус Деи»)	—5%
Хирон (фашист)	—1%
Руис-Хименес (лидер демохристианской оппозиции)	—0,8%

Итак, самыми популярными из тех, кого назвали опрошенные, оказались Хосе Мария Ареильса, согласившийся еще в декабре прошлого года на легальное возвращение в страну коммунистов, и Фрага Ирибарне, поддерживавший в последние недели тайные контакты с членами оппозиции.

В Мадриде были убеждены, что именно Ареильса возглавит новый кабинет.

Я записал отзывы ряда влиятельных общественных деятелей Испании об Ариасе Наварро.

Энрике Тьерно Галван, социалист:

— Считаю, что деятельность Ариаса Наварро

была негативной из-за его слишком сильной связи с франкизмом.

Хосе Солис Руис, министр труда:

— Председатель устал. Он был уставшим в течение длительного времени, и это очень тяжело.

Энрике Барон, «Федерация социалистических партий»:

— Причина кризиса — препятствия, которые создавались для развития реформы. Об этом давно говорила пресса.

Антонио Буэро Вальехо, драматург:

— Ариас дискредитировал свою политическую деятельность.

Ньето Ангунес, экс-министр флота:

— Сожалеем об этой отставке.

Игнасио Комуњяс, «Народная демократическая партия»:

— Ариас несколько запоздал со своей отставкой. Сейчас надо не терять времени и сформировать представительное правительство, которое бы открыло путь демократизации.

Хосе Онето, вице-директор журнала «Камбио-16»:

— Ариас пытался демократизировать франкизм, но самая структура и ультрафранкистские силы сделали невозможной такого рода деятельность. В глубине души он и сам не верил в возможность этого. Со смертью каудильо Ариас из двигателя политической реформы превратился в ее тормоз. Его убеждение в том, что он политический наследник Франко, его расхождение с королем и одиночество в стране, стремящейся к демократии, сделали отставку неизбежной.

Хоакин Сатрустеги, либеральный монархист:

— Правительство Ариаса полностью изжило себя. Не желая вступать в диалог с демократической оппозицией, оно зашло в тупик.

Мигель Анхель Гарсия Ломас, алькальд Мадрида:

— Сеньор Ариас выполнил очень трудную и патриотическую работу, проявил беззаветную преданность родине и стремление выполнить долг перед страной и королем в весьма трудной ситуации. Когда-нибудь Испания оценит его заслуги.

Фелипе Гонсалес, Социал-демократическая рабочая партия Испании:

— Отставка Ариаса — позитивный фактор, поскольку он символизировал исторический этап, который испанцы хотят преодолеть. Его удаление с политической арены — это устранение большого препятствия на пути политического прогресса, в котором нуждается страна.

Хосе Мария Хиль Роблес, «Народная демократическая федерация»:

— Логическое следствие кризиса институтов,

стремящихся сохранить систему личной власти и ведомых людьми, которые, подобно Ариасу, являются защитниками тоталитарной системы.

Николас Сарториус, «рабочие комиссии»:

— Логическое следствие провала политики, которая не могла удовлетворить стремления испанского общества к свободе, демократии и амнистии.

Рауль Мородо, «Народная социалистическая партия»:

— Первый шаг к демократии. Оппозиция много раз выражала необходимость этой отставки, особенно социалисты. Отставка свидетельствует о большой силе общественного мнения в Испании.

Педро Пеналва, «демократическая реформа»:

— Было большое противоречие в том, что реформистское правительство возглавлял человек, который сам не был реформистом.

Назначение сорокатрехлетнего Суареса Гонсалеса премьер-министром вызвало в Мадриде шоковую реакцию. Никто из самых осведомленных политиков и журналистов не решился назвать Суареса Гонсалеса, занимавшего в кабинете Ариаса Наварро пост министра — генерального секретаря «движения», того «движения», которое было создано Франко в его борьбе против республики, председателем нового кабинета. Фрага Ирибарне не был приглашен в новый кабинет. Не был приглашен и второй заместитель Наварро — технократ Вильяр Мир, всегда выступавший против «Опуса Деи». Ареильса и Гарригес отказались войти в правительство Суареса Гонсалеса. Каждый из этих четырех «реформаторов» выступил с заявлением о необходимости продолжать реформы, провести амнистию, легализовать все партии. (Отчего-то, однако, во время их правления с декабря по июль 1976 года они этого не сделали?)

Новый кабинет в отличие от прежнего «правительства послов» провозгласил амнистию, провел ряд реформ, легализовал партии, кроме коммунистической, последовательно выступающей за интересы трудящихся, против фашизма, в какие бы одежды он ни рядился.

Однако, несмотря на известную половинчатость, «Интермеццо» Суареса удивило за Пиренеями многих. Вопрос ныне заключается в том, сможет ли Суарес Гонсалес провести широкий круг реформ, сможет ли он выйти из-под пресса франкистского бункера, сможет ли он гарантировать проведение всеобщих, тайных выборов в стране.

Для того, чтобы понять случившееся прошлым летом, стоит еще раз проанализировать те события, свидетелем которых я был в Испании в декабре 1974 и в январе 1975 года. Об этом — дальше.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР В. А. ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Наш журнал открывает традиционное заочное соревнование читателей — XIX шахматную олимпиаду «Смены» и приглашает всех поклонников древней игры выйти на старт.

При составлении программы новой сменовой олимпиады было учтено немало пожеланий, которые читатели высказали в своих письмах в редакцию в минувшем году. Это касается не только содержания олимпиады и перехода на упрощенную нотацию, но и более целесообразных сроков, ответных для выполнения заданий. В восьми турах любителям шахмат будет предложено разобрать не сложные, но оригинальные фрагменты из практических партий, решить красивые этюды и задачи, ответить на вопросы тематической викторины.

В восьмом, заключительном туре, который намечено опубликовать в мае 1977 года, участникам

предстоит выполнить «фирменное» задание наших олимпиад — организовать и провести классификационные турниры новичков. Можно посоветовать к этому заданию приступить досрочно, ибо, как правило, в зимний период в такие турниры гораздо легче привлечь большее число начинающих шахматистов. А итоговые турнирные материалы надо будет послать в редакцию позднее, в письме на последний раздел. Заметим, что читателям, которые по тем или иным причинам не смогут стать организаторами турниров новичков, жюри разрешит выполнить компенсирующее задание — проанализировать содержательный гроссмейстерский поединок.

Тем участникам олимпиады, кто без каких-либо помарок и нарушения сроков выполнит задания всех туров, будет присуждено по 100 баллов. В случае, если при разборе фрагмента или композиции будет найдено побочное решение, опровержение авторского замысла и т. п., засчитывается количество баллов, обусловленное при правильном ответе.

Для читателей, приславших письма на все, без единого исключения, восемь туров, устанавливаются классификационные нормативы. Четвертый спортивный разряд получат участники, которые впишут в свой актив 23 балла из 100 возможных. Третий разряд присваивается за 45, а второй — за 80 баллов. Справки о присужде-

нии разряда по шахматам редакция вышлет также тем товарищам, кто успешно сыграет в турнирах новичков завершающего раздела олимпиады.

И главные и второстепенные варианты решения задач или этюдов, анализа фрагментов из практики нужно указывать только в сокращенной нотации. Словесные комментарии следует сводить к минимуму или вообще их опускать.

В письме на первый тур, кроме фамилии, имени и отчества, сообщите, пожалуйста, свой возраст, место работы или учебы, разряд по шахматам (если имеется), точный домашний адрес. К этому письму обязательно приложите почтовую открытку и четко укажите на ней свой адрес. Включив вас в число участников, жюри отправит эту открытку обратно, и вам станет известен ваш регистрационный олимпиадный номер. Учтите, что письма на второй и все последующие разделы, присланные без сообщения регистрационных номеров, жюри рассматривать не будет.

Не забудьте сверху на конверте сделать пометку «XIX шахматная олимпиада», а внизу аккуратно указать свой обратный адрес, фамилию и инициалы. Запомните адрес нашей редакции: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, «Смена».

Победитель и девять призеров олимпиады определяются по наибольшей сумме баллов. Они награждаются специальными дипло-

мами и фотоснимками выдающихся советских гроссмейстеров. Дипломами и шахматными книгами будут отмечены участники, занявшие последние места за призерами двадцать мест, а также лучшие организаторы классификационных олимпиадных турниров.

Жюри XIX шахматной олимпиады «Смены» утверждено в составе: Александр Котов, междуна-

родный гроссмейстер, председатель юношеской комиссии Шахматной федерации СССР, Юрий Гусев, мастер спорта, заместитель председателя квалификационной комиссии Шахматной федерации СССР, Юрий Зарубин и Юрий Карахан, международные арбитры по шахматам, Виктор Люблинский, мастер спорта, заслуженный тренер РСФСР.

ПЕРВЫЙ ТУР

Вот так задача!

Белые начинают и дают мат в два хода (5 баллов).

Как это называется?

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kg8—f6. Каково наименование этого шахматного дебюта? (1 балл).

Как бы вы сыграли?

Найдите красивую комбинацию, которой черные добиваются победы (5 баллов).

Срок отправления писем на первый тур этой олимпиады истекает 10 февраля 1977 года (по почтовому штемпелю).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18/XI 1976 г. А 01017. Подписано к печати 1/XII 1976 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 34. Заказ № 3120. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Позывки

СОЛОВЬИНАЯ РОЩА

Слова Анатолия ПОПЕРЕЧНОГО
Музыка Давида ТУХМАНОВА

Там, где месяц сказку сторожит,
Где в зеленых дебрях ветер ропщет,
Роща соловьиная стоит,
Белая березовая роща.
Там на тонких розовых ветвях,
В зарослях черемухи душистой,
Соловей российский, славный птах,
Открывает песнь свою со свистом.

Припев:

И с полей уносится печаль,
Из души уходит прочь тревога,
Впереди у жизни только даль,
Полная надежд людских дорогах.

И земля становится родней.
И сердцам понять друг друга проще —

Ты мне душу тронул, соловей,
Маленький волшебник белой рощи.
И совсем не ведая о том,
Ты напел заветное мне что-то,
Эту песнь да записать пером,
Что от журавлиного полета!

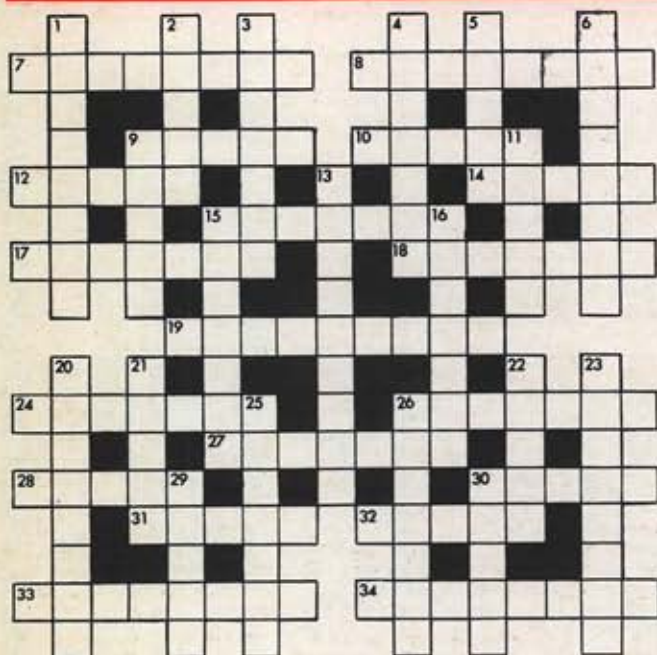
Припев.

Там на тонких розовых ветвях,
В зарослях черемухи душистой,
Соловей российский, славный птах,
Открывает песнь свою со свистом.
С этой песней так тревожно мне,
С этой песней так возможно счастье —
Много песен было на земле,
Только соловьиной — не кончатся.

Припев.

КРОССВОРД

Составил Р. УБИРИЯ,
г. Москва

По горизонтали:

7. Танцовщица. 8. Место демонстрации изделий, произведений искусства. 9. Южное водное растение. 10. Изобретатель радио. 12. Французский драматург XVII века. 14. Украинский танец. 15. Русская народная сказка. 17. Композитор, народный артист СССР. 18. Этюд для пения. 19. Сотрудник издательства, типографии. 24. Оратор, писатель Древнего Рима. 26. Помещение для содержания подопытных животных. 27. Ценный поделочный камень. 28. Помещение на судне между водонепроницаемыми переборками. 30. Ансамбль музыкантов-исполнителей. 31. Драгоценный камень. 32. Музыкальный знак. 33. Плод некоторых травянистых растений. 34. Постройка в парке, на выставке.

По вертикали:

1. Драма Лермонтова. 2. Экваториальное созвездие. 3. Советский авиаконструктор. 4. Картина В. Г. Перова. 5. Ответвление горной цепи. 6. Жанр древнерусской литературы. 9. Залив, отделенный от моря песчаной косой. 11. Мяч для игры в бадминтон. 13. Советский драматург, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 15. Газета, издаваемая А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 16. Цветовое сочетание в художественном произведении. 20. Озеро в Экваториальной Африке. 21. Время суток. 22. Горячность, порыв. 23. Приемная телевизионная трубка. 25. Приманка для рыбы. 26. Академик, русский языковед XIX века. 29. Отрез на женское платье с каймой, вышивкой. 30. Пресноводная рыба.

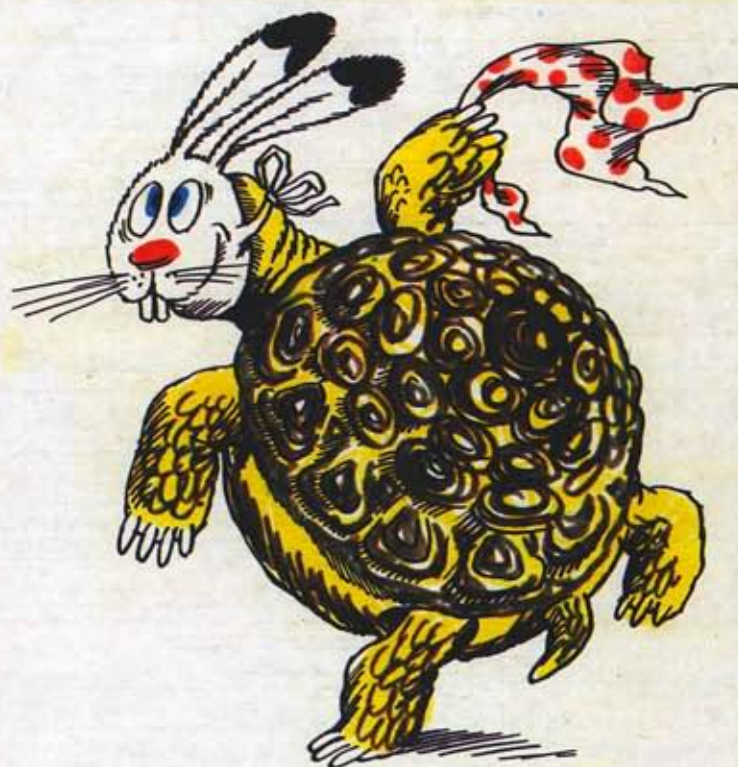
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 24

По горизонтали:

6. Аражировка. 9. Скипа. 12. Пробег. 14. Гранат. 16. Плиссеская. 17. Туба. 18. Гуно. 19. Проводник. 20. Косуля. 22. Ацетат. 24. Идеал. 27. Кастальский.

По вертикали:

1. Трике. 2. Снос. 3. Киви. 4. Хора. 5. Сквер. 7. Способности. 8. Манипулятор. 10. Кроссворд. 11. Процедура. 12. Плотник. 13. Галерея. 14. Граница. 15. Триолет. 21. Легар. 23. Цехин. 24. Иста. 25. Евле. 26. Лиса.

С Новым
1977
годом!

